

МИНИМАРМ
лучшее

Бертрис Смолл

Любовь дикая и прекрасная

Кира Хафиз

Бертрис Смолл

Любовь дикая и прекрасная

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Любовь дикая и прекрасная / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1978 — (Кира Хафиз)

ISBN 978-5-17-083847-9

Шестнадцатый век. Шотландия. Прекрасная юная Катриона еще ребенком обручена с кузеном, графом Патриком Гленкерком. Но за три дня до свадьбы она убегает от жениха: гордая и независимая, горячо любящая будущего мужа, она желает, чтобы в ней видели человека. Венчание происходит, когда их первенец должен вот-вот появиться на свет... Как дальше сложится их жизнь? Сумеют ли они сохранить свою любовь? Книга также вышла под другим названием: «Неукротимая красавица».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-083847-9

© Смолл Б., 1978
© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Книга первая	6
Часть I	6
Часть II	71
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Бертрис Смолл

Любовь дикая и прекрасная

Bertrice Small
LOVE WILD AND FAIR

Издается с разрешения автора и ее литературных агентов, Ethan Ellenberg Literary Agency (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Bertrice Small, 1978
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Книга первая

Часть I Граф Гленкерк

1

– Я хочу, – сурово сказала Эллен Мор-Лесли, – чтобы вы не надевали бриджи, когда ездите верхом, госпожа Катриона. Это совсем не подобает леди.

– Но зато как удобно, – ответила прелестная девушка. – Не приставай, Элли, а не то отошлю тебя домой и пойдешь замуж за того славного фермера. Ведь какие надежды возлагала на него твоя матушка!

– Бог мой! Вы не сделаете этого!

– Нет, не сделаю, – засмеялась хозяйка Эллен. – Если, конечно, Элли, ты сама не захочешь. А что, хороший парень, настоящий мужчина. Чем он тебе не мил?

– Важно, чтобы одна вещь у мужчины была настоящей, а точнее, стоящей, а ее-то у этого фермера и нет! Давайте же снимем ваш костюм. Уфф! Вы пахнете конюшной. И ведь знаете, что сегодня вечером граф приезжает на ваш день рождения. Не могу поверить, что вам уже пятнадцать. Я еще помню ту ненастную декабрьскую ночь, когда вы родились.

Катриона сняла с себя одежду. Она слышала эту историю уже много-много раз.

– Над Грейхевеном кружился снег, и ох как же ревел и выл ветер, – продолжала Эллен. – Старая графиня, ваша прабабушка, непременно захотела быть рядом с вашей матерью. А мне только что исполнилось семнадцать. Я была самой младшей в семье и страшно балованной, но раз я не выказывала намерения выйти замуж и остепениться, то моя старая бабушка посоветовалась со своей госпожой, вашей прабабушкой, и они решили, что я буду присматривать за новорожденной. Старая леди Лесли бросила на вас один только взгляд и сказала: «Эта – моему мальчугану Гленкерку». Да, вас едва было видно из пеленок, а она уже устраивала вашу помолвку! Если бы только старая леди могла дожить и увидеть, как вы вырастаете и выйдете замуж! Но она умерла следующей весной, а моя бабушка последовала за ней всего лишь несколько недель спустя.

Разговаривая, Элли не переставала хлопотать, готовя своей госпоже ванну в огромном дубовом чане, поставленном перед камином. Подлив в горячую воду надушенное масло, служанка позвала:

– Идите, моя леди, все готово.

Катриона сидела в мечтательной задумчивости, а руки Эллен терли ее плечи и спину. Затем девушка взяла у служанки мыло и закончила мытье, а та сходила и достала из шкафа небольшой кувшин с жидкостью. Женщина полила голову Катрионы золотистой струйкой, плеснула воды и, взбивая душистую пену, дважды вымыла и прополоскала волосы.

Потом, укутанная в огромное полотенце, Катриона уселась перед огнем и высушила свои густые и тяжелые локоны. Служанка расчесывала их до тех пор, пока они не заблестели. Укрепив заколками эту темно-золотистую массу, Эллен велела молодой госпоже прилечь и стала натирать ее бледно-зеленым кремом, приготовленным Рут, матерью Эллен. Девушка поднялась, и служанка подала ей шелковое нижнее белье. Когда Катриона уже стояла в нижней юбке и кофте, вошла ее мать.

Тридцатишестилетняя Хезер Лесли Хэй находилась в расцвете своей красоты. Она была прелестна в темно-голубом бархатном платье, отделанном золотыми кружевами и украшенном чудесным жемчужным ожерельем, которое, как было известно Катрионе, принадлежало еще прабабушке. Прекрасные темные волосы Хезер прикрывал голубой чепец с золотым узором.

– Прежде чем приедут гости, мы с отцом желаем поговорить с тобой. Как только будешь одета, пожалуйста, пройди прямо в наши покои.

– Да, мама, – скромно ответила Катриона, но дверь за матерью уже закрылась.

Девушка с полной отрешенностью дала себя одеть, все это время раздумывая, что же хотят сказать ей родители. Кроме нее, их единственной дочери, в семье был старший сын Джеми, которому исполнилось восемнадцать, и десятилетние близнецы Чарли и Хьюн. Родители всегда оказывались столь поглощены друг другом, что воспитание детей легло главным образом на няnek и учителей. Катрионе пришлось самой устраивать свою жизнь почти с рождения.

Все было бы по-другому, если бы была жива ее прабабушка. Девушка знала это. Для Джеми наняли учителей, однако никто не подумал о том, что учить читать и писать надо и Катриону. Пришлось ей самой пробиваться на урок к Джеми. Когда удивленный преподаватель доложил родителям, что их дочь усваивает предмет быстрее, чем наследник, ей было разрешено остаться. Поэтому ее обучали как мальчика, но лишь до тех пор, пока Джеми не уехал в школу. Дальше о своих уроках девочке пришлось позаботиться самой.

Катриона настояла, чтобы родители наняли учителя, говорящего по-французски, по-итальянски, по-испански и по-немецки, дабы и ей овладеть этими языками. Учитывая, сколь хорошее образование получили ее отец с матерью, их безразличие к обучению собственного ребенка не находило оправдания.

Но двадцать лет спустя после свадьбы Хезер и Джеймс Хэй были влюблены друг в друга еще более, чем когда-либо. Так что невнимание к дочери происходило просто от беспечности. Дети сытно ели, носили хорошую одежду и жили в прекрасных условиях. Молодому хозяину Грейхевена, да и его жене просто не приходило в голову, что, помимо этих основных надобностей, детям требовалось что-то еще. И если маленьким братьям Катрионы вполне хватало теплоты и ласки, получаемых ими от любвеобильных нянечек, то ей самой этого было мало. Эллен Мор-Лесли понимала свою молодую госпожу. Но Кат Хэй выросла избалованной и своевольной, а сдерживать ее было некому.

Теперь девушка стояла перед зеркалом и рассматривала себя. Сегодня вечером, впервые за несколько лет, она встретит своего нареченного. Ему исполнилось двадцать четыре года, и он учился в университете Абердина. Он также посетил Париж и некоторое время состоял при дворе королевы Бесс в Англии. Катриона знала, что суженый был красив, уверен в себе и говорил изысканно. Она также надеялась, что ему предстояло пережить жестокий удар по самолюбию. Девушка пригладила зеленый бархат своего платья и, улыбаясь, отправилась к родителям. К ее удивлению, там же оказался и старший брат.

Отец откашлялся.

– Всегда предполагалось, – начал он торжественно, – что ты выйдешь замуж за Гленкерка после твоего шестнадцатого дня рождения. Однако, в связи с безвременной смертью прошлым летом третьего графа и введением молодого Патрика в звание четвертого графа Гленкерка, решено, что ваша свадьба будет отпразднована в Двенадцатую ночь.

Ошеломленная, Катриона посмотрела на отца.

– Кто решил так, папа?

– Мы вдвоем с графом.

– Не спросив меня? – Ее голос звучал гневно.

– Спрашивать тебя? Зачем, дочь? Вы были обручены одиннадцать лет назад. Свадьба всегда подразумевалась.

Джеймс Хэй не скрывал раздражения. Дочь вывела его из себя. Как всегда. Она никогда не была мягким и нежным созданием, подобным жене.

– Ты мог бы рассказать мне об изменившихся обстоятельствах, а потом спросить меня, не возражаю ли я выйти замуж на целый год раньше! – закричала Кат. – Я не хочу выходить замуж сейчас. И вы зря потратили время на разговоры, потому что я вообще не собираюсь выходить замуж за Патрика Лесли!

– А почему, дорогая? – спросила Хезер. – Такой славный молодой человек. И ты будешь графиней!

– Это бык в охоте, дражайшая мама! С тех пор как дядя Патрик слетел с лошади и сломал себе шею, не проходит и дня, чтобы я не слышала о победах его наследника! По всему округу ходят сплетни о его подвигах. В постели, на сеновале, под изгородью! Я не выйду замуж за грязного развратника!

Хозяин Грейхевена был ошеломлен этим взрывом ярости. Джеми принялся было смеяться, но быстро умолк под строгим взглядом матери. Теперь-то, хоть и слишком поздно, блистательная леди осознала, что пренебрегла очень важной стороной воспитания дочери.

– Оставьте нас, – велела Хезер мужу и сыну. – Сядь, Катриона, – сказала она, когда мужчины вышли. – Ты знаешь что-нибудь о том, что происходит между мужчиной и женщиной на брачном ложе?

– Как же, – сказала Кат резко, – он засовывает свою палку ей в дырку между ног, а через несколько месяцев через ту же дырку вылезает младенец.

Хезер на мгновение прикрыла глаза. «О дитя мое, – подумала она. – В моей огромной и всепоглощающей любви к твоему отцу я забыла, что ты тоже женщина. Ты ничего не знаешь о тех наслаждениях, что дарят друг другу влюбленные, а я не знаю, найду ли слова, чтобы описать их тебе».

Открыв свои фиолетовые глаза, леди глубоко вздохнула.

– Отчасти ты права, – спокойно произнесла она, – но акт любви между мужчиной и женщиной не обязательно всякий раз приводит к рождению ребенка. Есть способы предотвратить зачатие и в то же время наслаждаться радостями любви. Я буду рада научить тебя этому до твоей свадьбы.

Девушка, казалось, почувствовала любопытство.

– Любовь – весьма приятное занятие, Катриона, – продолжила Хезер.

– Разве? А как это, мама? – В голосе девушки звучало презрение.

«Боже милостивый, – подумала леди, – как ей объяснить?»

– Целовали ли тебя когда-нибудь, дитя мое? Не пытался ли на вечеринке какой-нибудь из твоих кузенов сорвать поцелуй?

– Да, мама, и я хорошенько их била. Больше не пытаются.

С досады Хезер готова была закричать.

– Поцелуи доставляют большое наслаждение, Катриона. А также и ласки. Я бы сказала, что наслаждение восхитительное.

Кат смотрела на мать как на помешанную.

– Я не вижу, мама, ничего восхитительного в том, что голые мужчина и женщина жмутся друг к другу.

Дочь выглядела до того самоуверенной, что вывела наконец Хезер из себя.

– Однако так оно и есть, дочь моя! Мне надо было такое предвидеть! Боже мой, Кат, ты же просто вопиюще невежественна! Ты даже и понятия не имеешь, что значит быть женщиной, и это моя вина. Но в ближайшие недели ты все узнаешь. Как мы и решили, на Двенадцатую ночь ты выйдешь замуж за своего кузена Гленкерка. Это отличная партия, и ты должна радоваться, что у тебя такой прекрасный жених.

– Я не выйду за него, мама!

Хезер попробовала другой маневр.

– И что же тогда ты будешь делать?

– Есть ведь другие мужчины, мама. Мое приданое достаточно велико.

– Только если за Гленкерка, дорогая моя. – Брови у Катрионы удивленно поднялись. «Наконец-то ты мне внимаешь», – с облегчением подумала Хезер. – Твое огромное приданое – только для Гленкерка. Так распорядилась твоя прабабушка. Если же тебе случится выйти замуж за кого-нибудь другого, то твое приданое будет очень скромным.

– Но разве прабабушка не подумала, что Гленкерк может умереть или вообще отказаться от своего намерения? – спросила девушка возмущенно.

– Если бы Патрик умер, то ты бы вышла замуж за Джеймса. Мэм распорядилась, чтобы ты стала графиней Гленкерк, и, конечно, даже речи не могло быть, что твой жених откажется. Ладно, дитя мое, Патрик Лесли – образованный очаровательный мужчина. Он будет любить тебя и хорошо к тебе относиться.

– Я не выйду за него!

– Выбор делать не тебе, дорогая моя. Так что давай убери с лица это недовольное выражение. Гости, должно быть, уже прибывают. Здесь будут все твои кузены, и они захотят пожелать тебе счастья.

Кузены! К счастью, дядюшки Колин и Эван жили в Эдинбурге, и ей не придется иметь дело с их выводками. Остальные были все-таки не столь ужасны, но эти шестеро жеманниц-кузин!

Фиона Лесли в свои девятнадцать лет уже стала вдовой. Бедный Оуэн Стюарт не выдержал суровостей брачного ложа. Золотисто-каштановые волосы, красный надутый рот и платье с огромным вырезом на пышных формах – вот что такое Фиона. Затем шестнадцатилетняя Джанет Лесли, которой предстояло весной выйти замуж за брата Фионы, кузена Чарлза. Эта едва скрывала удовольствие от того, что она будущая графиня Сайтен – что за глупая корова! Эйлис Хэй уже исполнилось пятнадцать, и ее предназначали Джеймсу Лесли – младшему брату Гленкерка. До этой свадьбы оставалось еще по крайней мере два года. А вот Бет Лесли минуло шестнадцать, но она обожала своего дядю Чарлза, и ей вскорости предстояло начать монашескую жизнь во Франции. А чтобы в чужой стране кузина имела близких родственников, ее четырнадцатилетнюю сестру Эмили обручили с сыном дядюшки Доналда, Жаком де Валуа-Лесли. Оставалась наконец малышка Мэри Лесли, которая, будучи тринадцатилетней, прождет еще три или четыре года, а потом выйдет за брата Кат Джеми. Кат надеялась, что к тому времени Мэри уже не станет хихикать в ответ на все, что скажет Джеми, хотя тот, казалось, не возражал.

Вместе с матерью Катриона вошла в зал. Именинницу сразу же окружили кузены со своими поздравлениями. Это был ее праздник, и она сочла невозможным и дальше оставаться сердитой. Вдруг Фиона произнесла своим кошачьим голосом:

– Кат, дорогая, вот твой нареченный. Посмотри, как она выросла, Патрик! Уже совсем женщина.

Катриона метнула сердитый взгляд на свою старшую кузину и, подняв недовольное лицо, встретила веселые глаза Патрика, графа Гленкерка, пристально глядевшего на нее. Большая и теплая рука графа поднесла маленькую ручку девушки к губам.

– Кузина, – голос Патрика оказался глубже, чем она его помнила, – ты всегда была восхитительна. Но сегодня, Катриона, ты превосходишь всех женщин в этом зале.

Взяв девушку под руку, граф повел ее к помосту. Фиона осталась одна и, удивленная, засмеялась. Граф посадил свою нареченную за главный стол.

– Почему ты сердишься на меня? – спросил он.

– Я не сержусь на тебя.

– Тогда улыбнись мне, дорогая.

Она намеренно не замечала его, и граф испытывал раздражение. Когда кушанья были убраны и начались танцы, он отыскал свою тетку, увел ее в библиотеку Грейхевена и там в тиши попросил объяснить, что происходит с девушкой.

– Это моя вина, Патрик, – сокрушалась Хезер. – Мне так жаль. Я, совсем того не желая, пренебрегла важнейшей стороной воспитания Катрионы. И теперь она полностью лишена чувственности и холодна как лед.

– Другими словами, моя прекрасная беспечная тетушка, вы были так поглощены вашим Джеми, что любить Кат просто позабыли.

– Но я люблю Кат!

– А разве вы когда-нибудь это говорили ей? Разве вы обнимали и ласкали ее, когда она была младенцем? Ребенком? Девушкой? Нет, тетушка. У вас не оставалось на это времени. Вы были заняты тем, что применяли на деле все те восхитительные вещи, которым вас научила Мэм.

Хезер покраснела до корней волос.

– Патрик! Что ты вообще можешь знать об этом?

– То, что мне рассказала моя мама, – ядовито усмехнулся он. – Но она уверяла, что моя невеста будет воспитанной и горячей. Вместо этого, тетушка, я должен растапливать эту ледяную девицу, которую вы прочите мне в жены?

– Она сказала, что не пойдет за тебя, – произнесла Хезер тонким голосом.

– Проклятие! – выругался Гленкерк. – Может быть, вы просветите меня почему?

– Не знаю, Патрик, – солгала тетушка. – Но когда сегодня вечером отец объявил ей, что свадьба переносится со следующего года на Двенадцатую ночь, она пришла в ярость. Заявила, что никто не спрашивал ее мнения, но что это все равно ничего не меняет, потому что она тебя не потерпит.

– Вы говорили кому-нибудь о переносе свадьбы?

– Мы думали объявить сегодня вечером.

– Тетушка, приведите сюда дядю, но только так, чтобы никто не заметил.

«Бедная малышка Кат, – подумал Патрик, когда тетка вышла. – С младенчества оставлена одна и должна сама устраивать свою жизнь. А затем, в самый важный момент жизни, за нее все решают другие. Ясное дело, рассердишься».

Граф знал, что женщины Лесли были пылкими по своей природе и что стоит только открыть Кат глаза на мир чувственных удовольствий, как она расцветет. Это потребует времени и терпения. Но ему уже наскучили легкие победы, а теперь времени у него было сколько угодно.

Тут в библиотеку вместе с женой вошел Джеймс Хэй.

– Итак, племянник! Что же случилось такое важное, что я должен тайком убегать от своих гостей?

– Думаю, нам следует отложить объявление дня свадьбы, дядюшка. Катриона явно рассержена и испугана, и я не хочу причинять ей боль.

– Девическая чепуха!

– А разве не так вела себя перед свадьбой тетушка Хезер?

– Нет. – При этом приятном воспоминании голос Джеймса Хэя сразу размяк. – Она вся была одним нежным и страстным желанием.

– Поздравляю вас с этой удачей. Откажете ли вы мне в подобном счастье?

– Хезер и я достаточно хорошо знали друг друга, – проговорил Джеймс Хэй.

– Именно так! – сказал граф. – Я отсутствовал шесть лет: изучал науки и путешествовал. Когда я уезжал, Кат не было еще и девяти. Она не знает меня. Я ей совсем чужой, и, однако, через четыре недели ей предстоит ужасная перспектива выйти замуж и лечь в постель к совершенно незнакомому мужчине. Послушайте, дядюшка! Вы уже испытали супружеское блаженство. Дайте мне время завоевать вашу колючую дочь, чтобы я мог иметь такое же удовольствие.

– Что ж, – рассуждал хозяин Грейхевена, – свадьба была назначена на эти же дни ровно через год... Но если к этому времени она не будет завоевана, хочет она или нет, но пойдет к алтарю!

– Согласен, – сказал Патрик. – Но и вы с тетужкой должны согласиться кое на что. Будут моменты, когда мои ухаживания могут показаться странными и, возможно, даже жестокими. Но что бы ни случилось, я намерен сделать Катриону своей женой. Помните это...

– Да, да, – охотно согласился владелец Грейхевена.

Его жена была до глубины души потрясена словами племянника. «Так Патрик, оказывается, ее уже любит, – с удивлением подумала Хезер. – Он, вероятно, питал к ней такие чувства с детства. Сначала станет ухаживать за ней нежно, но если это не принесет плодов, будет груб, ибо намерен получить ее. Ох, моя невинная дочь! Лучше бы я научила тебя тому, что знаю сама, прежде чем твой страстный любовник потеряет терпение и посягнет на твою невинность».

Ее раздумья прервал голос племянника:

– Я сам скажу Кат. Она вообще не должна знать, что мы обсуждали это.

Когда Патрик вернулся в зал, раскрасневшаяся, смеющаяся Катриона танцевала с его братом Адамом. Заняв место младшего брата, Патрик закончил с ней танец. Желание его было таким сильным, что он готов был обладать ею тут же и сейчас. Он схватил девушку за руку и увлек ее подальше от семейств в уединенный маленький альков.

– Я думаю, – сказал он, – нам не стоит жениться до следующего года. Когда я покинул Гленкерк, ты была маленькой девочкой. А возвратившись, нахожу тебя прекрасной женщиной. Я страстно желаю сделать тебя своей женой, дорогая. Но сознаю, что ты по-настоящему меня не знаешь. Не будешь ли ты возражать, если какое-то время мы уделим тому, чтобы познакомиться?

В первый раз за вечер она ему улыбнулась.

– Нет, милорд, не возражаю. Мне это по душе. Но если мы обнаружим, что друг другу не подходим?

Патрик поднял бровь.

– Ты хранишь, Катриона? Или, возможно, жуешь восточный бетельский орех?

Она весело покачала головой.

– Любишь ли ты музыку, поэзию и мелодичные звуки иностранных языков? Любишь ли кататься верхом в туманной тиши весеннего утра или лунным осенним вечером? А в жаркий летний день купаться голышом в укромном ручейке? Восхищает ли тебя первый зимний снег?

– Да, – прошептала она мягко, и отчего-то ее сердце быстро забилося. – Я люблю все это.

– Тогда, дорогая, ты должна полюбить и меня, потому что я тоже все это люблю.

Густые темно-золотистые ресницы Катрионы коснулись ее покрасневших щек, и сердце девушки забилося чаще. «Моя первая маленькая победа», – с удовлетворением подумал Патрик и немедленно попытался развить свой успех.

– Поставим ли мы на нашей сделке печать поцелуя? – спросил он.

Катриона подняла голову, и какое-то мгновение ее глаза цвета зеленых листьев смотрели на него. Затем глаза закрылись, девушка подняла свежие, как бутон розы, губы и подставила для поцелуя. Патрик осторожно прикоснулся к ним.

– Благодарю тебя, Катриона, – нежно сказал граф. – Благодарю тебя за первый твой поцелуй.

– Откуда ты знаешь?

– У невинности – своя красота, любовь моя. – Он встал. – Позволь мне проводить тебя к твоим гостям.

Когда они появились в зале, Хезер с удовольствием отметила, что дочь больше не выглядит угрюмой, а племянник кажется довольным. «Он завоеует ее», – подумала леди. И, глядя

на Гленкерка глазом искушенной женщины, отметила про себя: «Ох, моя Кат! Какое же тебя ожидает чудесное приключение!»

2

Фиона Лесли лежала на кровати, размышляя о своем кузене Патрике. Она мечтала о том, как хорошо было бы стать графиней. А вместо нее за графа выходит эта кисейная девственница Катриона Хэй! Прямо смех!

Фиона знала, что когда-то собирались устроить партию между ней и Гленкерком. Затем в дело вмешалась бабка, отдавшая ее замуж за этого слабенького дурачка Оуэна Стюарта. Как же она ненавидела теперь старую даму!

Оуэн был болезненным и, даже страстно желая свою пышную семнадцатилетнюю невесту, оказался не способен выполнять супружеские обязанности. Это не имело значения для Фионы, которая утратила девственность в тринадцать лет. То, что ей требовалось, она быстро нашла в поместье своего мужа. Его звали Фионн, он был охотником. Большой и сильный, нетребовательный в постели, этот дикарь втискивал себя в Фиону, и ей казалось, что она сходит с ума от наслаждения. А затем случилось невозможное: она просчиталась. Потом долго не могла поверить, что беременна, а к тому дню, когда точно это установила, избавляться от ребенка стало уже слишком поздно.

Леди Стюарт сообщила мужу о своем положении, ожидая, что это ничтожество примет все как должное и рта не раскроет. Но снова просчиталась. Едва сумев сползти со своего ложа, немощный супруг обозвал ее всеми грязными словами, какие знал, и добавил, что, когда наступит утро, выставит ее шлюхой всему миру напоказ. Здесь, однако, просчитался Оуэн Стюарт. Пока он спал, жена задушила его подушкой. Смерть была списана на приступ астмы, а беременную вдову ласково утешали.

Когда ребенок родился, при Фионе находилась лишь ее служанка Флора Мор-Лесли. Крепкого мальчика тайком вынесли из спальни и передали в одну крестьянскую семью, которая только недавно потеряла собственного ребенка. Фиона не хотела, чтобы дети усложняли ее жизнь, поэтому ее собственного младенца заменили мертвым, которого похоронили с большой скорбью в семейном склепе Стюартов.

Для Фионы это событие не прошло бесследно: роды были тяжелыми. Доктор и акушерка, вызванные впоследствии, в один голос заявили, что леди Стюарт больше не сможет иметь детей. Но ее тайна осталась при ней. Только Флора знала правду, но эта женщина взрастила свою госпожу с пеленок.

А сегодня вдовушка ликовала, ибо она узнала чужую тайну. Чтобы избежать ухаживаний своего кузена Адама Лесли, который страстно желал ее с тех пор, как им было по двенадцать лет, Фиона ускользнула в библиотеку. Спрятавшись за портьерами у окна, она подслушала весь разговор между Хезер, Патриком и хозяином Грейхевена.

Ничто другое не привело бы ее в такой восторг. Девственница Кат пугалась любовных ласк! Гленкерк не сможет долго вытерпеть, а она, Фиона, тем временем почаще будет завлекать его своими зрелыми прелестями. Но, конечно, так, чтобы ее не обвинили в нескромности. Да и она сама замечала, что Кат мучают какие-то страхи.

– Когда вы так улыбаетесь, госпожа Фиона, я знаю, это не предвещает ничего хорошего. Что за козни вы замыслили?

– Никаких козней, Флора. Я просто думаю, какое платье надену к Гленкеркам на Рождество.

Флора мечтательно улыбнулась.

– Рождество в Гленкерке, – вздохнула она. – Лесли из Сайтена, Лесли из Гленкерка, Хэй из Грейхевена, Мор-Лесли из Крэннога. Мы не собирались на Рождество в Гленкерке всей

семьей с тех пор, как умерла ваша бабушка. Я рада, что молодой граф снял траур. Старый лорд Патрик не одобрил бы этого. Думаю, что, если граф в следующем году женится на госпоже Катрионе, праздники в замке снова станут частыми.

– Да, – промурлыкала Фиона, – Рождество обещает быть очень занятым!

Но совсем нечаянно Кат обошла свою кухню Фиону. За десять дней до приезда всех остальных она прибыла в Гленкерк по особому приглашению своей тетки Мэг, вдовствующей графини Гленкерк. Мэг Стюарт Лесли знала о поведении своей племянницы как от Патрика, так и от Хезер и поэтому охотно предоставила своему старшему сыну возможность поухаживать за своей суженой. Она тоже когда-то появилась в Гленкерке испуганной невестой, а Мэм тепло приняла ее, окружила любовью и пониманием. Старой леди давно уже не было в живых, но Мэг намеревалась отплатить этот долг, помогая любимой правнучке Мэм, которая была к тому же ее собственной племянницей.

Стояла прекрасная погода – солнечная и прохладная. Патрик одержал свою первую победу, подарив Катрионе белоснежную лошадь.

– Она рождена от Дьявольского Ветра, Кат, – пояснил он, – и ты скоро убедишься, что она быстра, надежна и верна. Как ты ее назовешь?

– Бана. По-гаэльски означает «прекрасная».

– Знаю. Я тоже говорю по-гаэльски.

– Ох, Патрик! – Она обеими руками обвила его шею. – Спасибо за Бану! Не хочешь ли на своем Дабе поехать вместе с нами?

Днем они скакали по холмам вокруг Гленкерка, а по вечерам Катриона сидела со своей теткой и кузенами в фамильном зале замка. В камине весело пылал огонь, и Катриона играла в шарады и танцевала вместе с молодыми Лесли. Глядя на них, вдовствующая графиня снисходительно улыбалась, а графу приходилось прятать разочарование, потому что вечерами он никогда не оставался наедине со своей суженой.

И вдруг накануне того дня, когда должны были нагрянуть все остальные родственники, представился удобный случай. Вечером Патрик обнаружил Кат одну. Было поздно. Его мать давно спала, и, думая, что и остальные разойдутся по своим спальням, граф отправился в библиотеку, чтобы завершить некоторые дела по поместью. Позже, возвращаясь через фамильный зал, он заметил какую-то фигурку, в одиночестве сидевшую перед камином.

– Кат! Я думал, что ты уже легла спать, – удивился Гленкерк, присаживаясь рядом.

– Я люблю сидеть одна перед огнем во мраке ночи, – ответила Кат.

– Нравится ли тебе Гленкерк, любовь моя?

– Да, – проговорила она задумчиво. – Я не была уверена, что так окажется. Я помнила его огромным, но, конечно же, видела все глазами ребенка. На самом деле это оказался прелестный маленький замок.

– Значит, ты будешь счастлива жить здесь?

– Да, – чуть слышно сказала девушка.

Они молча посидели несколько минут, а затем Катриона решилась.

– Милорд, – сказала она, – не поцелуете ли вы меня? Не как раньше, а настоящим поцелуем. Я говорила и с мамой, и с моей Эллен. Они сказали, что поцелуй, которым мы скрепили нашу сделку, был вполне подходящим, однако... – она запнулась и закусил губу, – настоящий поцелуй содержит больше страсти.

Катриона откинулась назад, ее зеленые глаза блестели в свете камина. Патрик неспешно склонился и тронул ее губы своими. Нежно и постепенно он усиливал нажим, и тогда руки девушки сплелись у него на шее.

– Ох, милорд, – прошептала Кат, тяжело дыша, когда его рот отпустил ее. – Это было намного лучше! Пожалуйста, еще!

Патрик охотно подчинился и с удивлением почувствовал, как ее маленький язычок скользнул вдоль его губ. Мгновение спустя она снова заговорила:

– Вам понравилось, милорд? Мама сказала, что ощущение весьма приятно.

Неожиданно до графа дошло, что его суженая проводила опыты с вещами, о которых ей рассказала мать, но сама при этом ничего не чувствовала. Рискую вызвать гнев девушки, он схватил Катриону в объятия и, пробежав ладонью по ее спине от шеи до основания позвоночника, всем телом прижал к себе. Его рот яростно овладел алыми губами. Используя все свое умение, Патрик мягко, но настойчиво раздвинул губы и, глубоко ворвавшись к ней в рот, принялся ласкать ее язык и молча возликовал, когда все тело Кат трепетно задрожало. Он чувствовал ее возраставший страх, девушка пыталась вырваться, но он крепко держал ее до тех пор, пока сам не захотел отпустить.

– Патрик, – только и сказала она, задыхаясь, и разразилась слезами. Граф стал успокаивать ее.

– Ну что ты, голубка, что ты, – нежно шептал он, поглаживая своей большой рукой ее прекрасные волосы. – Не плачь, моя любовь.

– Почему ты сделал это? – спросила она сквозь слезы.

– Потому, моя драгоценная маленькая суженая, что ты опробовала со мной то, о чем рассказала тебе твоя прелестная ветреная матушка. И ты не чувствовала при этом ничего сама. Никогда, моя милая Кат, никогда не занимайся любовью, если тебе самой этого не хочется.

– Мне хотелось.

– Что тебе хотелось?

– Мне хотелось... хотелось... О боже! Не знаю, что я тогда чувствовала. Сначала мне просто не хотелось, чтобы ты прекращал, а потом я захотела... Меня как будто внутри всю встряхнуло... – Смущенная, девушка запнулась.

Патрик встал и помог Катрионе подняться. Положив руки ей на плечи, он властно посмотрел суженой в лицо.

– Когда я был тринадцатилетним парнем, меня обручили с малышкой, которой исполнилось всего четыре года. Как только обряд завершился, нас усадили на почетное место и служанка принесла освежающие напитки. Девушки носили тогда блузы с глубоким вырезом, а я как раз начинал интересоваться женскими прелестями и никак не мог отвести глаза от ее обворожительных белых выпуклостей. И вдруг дитя, сидевшее рядом со мной, выплеснуло свой напиток на открытую грудь служанки и резко меня отчитало. В тот самый миг я влюбился и оставался влюбленным все эти годы.

Она подняла глаза.

– Я все время слышу о твоих победах. Как ты можешь уверять, что любишь меня, когда в твоей жизни столько других женщин?

– У мужчины есть особые потребности, Кат. Если он не женат и у него нет супруги, чтобы их удовлетворить, то должен искать в другом месте.

– Ищешь ли ты в другом месте сейчас?

– Особенно сейчас. Черт возьми, Кат! Я хочу тебя! Голую, у меня в постели, чтобы твои прекрасные волосы лежали растрепанные, и ты кричала от любви ко мне.

Катриона почувствовала, как при этих словах по ее телу снова пронесся трепет. Подняв на графа глаза, она сказала:

– Если ты оставишь других женщин, Патрик, то я выйду за тебя замуж в новом году на Святого Валентина. Если ты желаешь говорить «доброе утро» и «доброй ночи» твоей настоящей любви, то придется сказать «прощай» всем другим женщинам.

– Ты мне будешь приказывать, любимая?!

– Я не желаю делить тебя с кем-то, Патрик. Я приду к тебе девственницей, и ты сможешь ради своего удовольствия делать со мной все, что захочешь. Но я должна быть твоей единственной любовью.

– Когда мы поженимся, я подумаю над этим, – рассмеялся граф, – а теперь отправляйся в свою холодную постель, ты, ворчливая маленькая кокетка, пока я не вышел из себя и не лишил тебя права распускать твои прекрасные волосы в день нашей свадьбы.

Послав ему недовольный взгляд, Катриона покинула комнату. Патрик удовлетворенно засмеялся. Что за девка его Кат Хэй! Еще не жена ему, а уже пытается распоряжаться его жизнью. Что ж, теперь граф знал по крайней мере две вещи. Его невеста совсем не была ледяной девицей, которую он опасался получить, и скучать с ней, конечно же, не придется.

3

На следующий день пополудни замок Гленкерк наполнился представителями семейств Лесли и Хэй. Поскольку Катрионе предстояло выйти замуж за графа, то она была освобождена от сурового испытания – спать в общей спальне со своими кузинами. Фиона также избежала этой участи – как из-за своего возраста, так и потому, что была вдовой.

Узнав, что Катриона гостила в замке последние десять дней, Фиона поспешила отыскать ее и начала строить всевозможные козни. В это время Кат в одиночестве вышивала в фамильном зале. Фиона уселась рядом.

– Итак, кузинушка, как тебе нравится замок Гленкерк?

– Очень, – ответила Катриона. – Мне будет приятно стать здесь хозяйкой.

Она метнула Фионе озорной взгляд. Та досадливо сжала зубы.

– Ты смелая девушка. Так стремиться в волчью пасть!

– Что ты имеешь в виду?

– Боже мой, дитя! Ты должна знать репутацию Гленкерка.

– Его женщины! – Катриона изобразила скуку. – Боже мой, Фиона! Все знают, что Гленкерк с девками просто дьявол. Скажи мне что-нибудь другое, чего я не знаю.

– Хорошо, дорогая, скажу. – Она понизила голос и подалась вперед. – Говорят, «петушок» у Гленкерка слишком велик. Говорят также, что граф сложен, как Аполлон. Я была уже замужем и много знаю, и должна тебе кое-что рассказать. Мы, женщины Лесли, очень маленькие. Большой «петушок» может нас разорвать. Вот мой покойный муж, лорд Стюарт, был среднего роста, и, однако, когда в свадебную ночь он воткнулся в меня... – Для большего эффекта она помедлила, с ликованием замечая побледневшее лицо Катрионы. – Да, кузина! Боль была страшной, и каждый раз становилось хуже. Пусть Бог простит его! Смерть Оуэна для меня оказалась просто счастьем!

– Но я – Хэй, Фиона. Со мной так быть не может.

– Твоя мать – Лесли, кузина. Дочь вырастает по образу и подобию матери. Я, конечно, тебе не завидую.

Объятая ужасом, Катриона передала разговор Эллен.

– Все совсем не так, – твердо сказала Эллен. – Эта Фиона пытается просто запугать тебя. Боль бывает только один миг в первый раз, когда разрывается девственный щит. После этого все прекрасно. Твоя кузина сама сохнет по графу. Грязная потаскушка! И еще имеет наглость пугать тебя! Глупышка. – Она взъерошила волосы девушки. – Посмотри на свою мать. Единственно, чем она занята, это тем, что льнет к твоему отцу. Разве бы так вела себя женщина, испытывающая постоянную боль?!

Раздосадованная тем, что ей так легко задурила голову хитрая кузина, Кат стала наблюдать за Фионой, чтобы убедиться в правоте Эллен. А кузина между тем не упускала ни одной возможности оказаться рядом с Патриком. Она наряжалась в платья с самым глубоким

декольте, выставляя напоказ свои пышные прелести. «Какая сука, – думала Катриона. – Рыжая сука!» Она поискала глазами брата, а найдя, спросила:

– Джеми, скажи мне, что ты знаешь о кухне Фионе?

Джеми хохотнул.

– Говорят, что она очень щедро раздает свои милости, но сам я никогда не попадал к ней в постель. Говорят, что малец, которого она принесла Стюарту, вовсе не был его сыном: сомнительно, чтобы Оуэн, известный слабак, смог когда-либо сделать ей ребенка.

Джеми посмотрел на сестру.

– Тебе теперь нравится Гленкерк, не так ли, Кат?

– Да.

– Тогда остерегайся Фионы. Всем известно, она его домогается, хотя сомневаюсь, что бедный Гленкерк это осознает.

Но Джеми ошибался: Патрик был вполне осведомлен о замыслах Фионы, и если бы Катриона не находилась в замке, то мог бы даже немного поразвлечься со своей пылкой рыжеволосой кузиной. Он знал, что шепотки насчет нее окажутся наверняка истинными, однако было бы весьма забавным подтвердить их.

Однажды ночью, вскоре после Рождества, Фиона попыталась обольстить графа. Когда все обитатели замка уже давно были в постели, Гленкерк остался перед камином побеседовать с братом. Графу хотелось женить его на наследнице Форбзов. Но Адам, однако, доказывал, что их младший брат, семнадцатилетний Майкл, намного лучше подойдет для тринадцатилетней Изабеллы.

– Я хочу жениться поскорее, причем не на ребенке. Майкл же не сможет сыграть свадьбу по крайней мере еще три или четыре года. Сделай хорошую партию. Изабелла будет без ума от этого ангелочка.

Патрик засмеялся.

– Ладно, брат, но кто та девушка, для которой ты себя бережешь?

Адам улыбнулся, и его глаза сузились.

– Я еще не посватался к ней, но скоро сделаю это.

Братья посидели еще некоторое время, потягивая подогретое вино с пряностями, приготовленное специально к рождественским праздникам. Оба были высокими, как их отец, но если Патрику достались темные волосы матери и зеленовато-золотые глаза Лесли, то Адам унаследовал красно-рыжие волосы Лесли и янтарные глаза Стюартов.

Разомлевшие от теплых братских чувств и роскошного красного вина, они поднялись по лестнице в свои покои.

– У меня есть хорошее виски из винокурни старого Макбина, – сказал граф. – Заходи, Адам, выпьем по капельке. Лучше заснешь.

Он открыл дверь и зашел в свою спальню, а брат без возражений последовал за ним.

– О боже! – переступив порог, выдохнул Адам. На кровати графа в отблесках огня, игравших на обнаженном белом теле, лежала Фиона Стюарт. – Ох, Господи благослови, кузина! Ты – самое приятное зрелище, которое я сегодня видел!

– Что ты тут делаешь, черт возьми! – вскричал мгновенно протрезвевший граф, похолодев от гнева.

– Ты не захотел прийти ко мне, Патрик, – тихо сказала Фиона. – И вот я пришла к тебе сама.

Он уловил тонкий запах ее надушенного тела.

– Я плачу своим шлюхам, Фиона. Сколько ты просишь?

– Патрик! – севшим от волнения голосом взмолилась она. – Пожалуйста! Я с ума по тебе схожу! Женись на своей кузине, если уж так надо, но возьми меня! Будь моим любовником. Не пожалеешь, Патрик!

– Боже мой! – холодно произнес Адам. – Тебя что-то смущает, брат? А мне вот еще только предстоит получить такое чудесное приглашение от женщины.

Патрик повернулся к нему:

– Эту хочешь?

Адам посмотрел на брата.

– Да. И уже давно.

– Тогда возьми ее! Я буду спать сегодня в твоей спальне.

– Нет! – яростно завопила Фиона. – Я хочу тебя, а не этого мальчишку-хлыща!

– Дорогая кузина, – спокойно сказал граф, – по всем тем слухам, что до меня доходят, у тебя имеется богатый опыт. И ты, конечно, должна знать, что заниматься любовью с тем, кого не хочешь, не только противно, но к тому же еще и дьявольски скучно.

Повернувшись к ней спиной, Патрик вышел из комнаты.

Адам прикрыл за братом дверь и с громким стуком задвинул железный засов.

– Фиона, любовь моя, – протянул он лениво, – я уже давно хочу поиметь тебя именно такой.

– Проваливай, – рывкнула она и, встав, попыталась пройти к двери.

Адам схватил ее за руку и потянул назад.

– Нет, голубка, – сказал он безжалостно, сдавливая грудь в своей ладони. – Нет! Сегодня ты раздвинешь ноги для меня!

Он толкнул ее обратно в постель, и молодой вдове вдруг стало страшно.

С тех самых пор, как Фиону впервые завалили на солому, – а сделал это в темной конюшне главный конюх ее отца, – она всегда раньше в таких случаях главенствовала. Теперь же вдова беспомощно лежала на кровати и смотрела, как кузен медленно сбрасывает с себя одежду. Широкая и мускулистая спина юноши переходила в узкую талию. Вот Адам снял свои короткие штаны. Бедрa его были худыми, а ягодицы приятно округленными. А когда он повернулся, то леди Стюарт только охнула от потрясения. Давным-давно, девочкой, она видела однажды, как их самый ценный племенной жеребец покрывал в поле кобылу. С того времени Фиона мечтала найти мужчину со столь же огромным членом. И вот неожиданность – именно такой мужчина стоял перед ней и смеялся.

– Да, голубка! Пять лет ты бегала как раз от того, чего хотела!

– О боже, – прошептала она. – Ты убьешь меня этим!

Но тайное место у нее между ног уже жадно билось и трепетало. Громко вскрикнув, Фиона протянула руки к мужчине. Сильное мускулистое тело быстро накрыло ее, и Адам почувствовал, как теплая рука судорожно проскользнула вниз, чтобы направить в истекающее соками лоно его орудие. Он осторожно втиснулся в женщину и, поняв, что та с легкостью может принять весь объем, начал медленные, проникновенные движения. Тело Фионы дико корчилось под ним, а ногти царапали ему спину. Движения становились все быстрее и яростнее, она начала тихо стонать, а несколько минут спустя стоны перешли в визг чистой радости.

Адам скатился с нее и лежал рядом, переводя дыхание. Затем приподнялся на локте и, глянув на распростертое тело, небрежно бросил:

– Для девки, которая блудила с тех пор, как едва начала созреть, ты умеешь чертовски мало, и это твоя вина! Ты ограничивалась любителями и посредственностями.

Наклонив голову, Адам задумчиво покусывал ее грудь, а его пальцы тем временем играли с ее чувствительной плотью между бедер.

– А я, голубка, – продолжил Адам, – получил воспитание у лучших шлюх Парижа, Лондона и Абердина. И с удовольствием обучу тебя всему, что знаю.

Все еще продолжая слабо сопротивляться, Фиона ответила:

– Я не говорила, что буду твоей любовницей, ты, тщеславный мальчишка!

– А я тебя и не спрашиваю, дорогая моя.

На ее лице отразилось недоумение.

– Уверен, что сейчас, – сказал он, – церковь уже привыкла давать кузенам Лесли разрешение на родственные браки.

Фиона была ошеломлена.

– Я старше тебя, – попыталась она робко возразить.

– На целых пять недель, – засмеялся Адам. – На следующей неделе, дорогая, мне исполнится двадцать.

Ненасытный любовник снова затянул ее под себя, и она бедром почувствовала его твердость.

– Я не хочу тебя! – яростно закричала Фиона. – Я хочу Гленкерка!

– Тебе его не добиться, голубка. Он тебя не хочет.

Адам раздвинул ей ноги.

– У тебя нет денег! – сказала она. – К тому же я не хочу жить в чужом доме!

– У меня совсем неплохой доход от вложений, которые оставила мне бабка, да и у тебя тоже. Один я богаче многих графов, вместе взятых. У меня есть доля и в семейном судовладении, и в овцеводстве. А ты имеешь дом в Эдинбурге – тот, который принадлежал твоей бабке Фионе Абернети. Мы с тобой несколько лет попутешествуем, а потом, когда маленький король Джеми вырастет, вернемся, начнем жить в Эдинбурге, будем представлены ко двору.

Адам снова глубоко втиснулся в нее, и они лежали молча.

Фиона сама не поняла, почему разоткровенничалась, но она сказала:

– Я не могу иметь детей. Ребенок Стюарта погубил меня.

– Я знаю, – ответил Адам равнодушно. – Повитуха, которую ты тогда позвала, принимала потом по крайней мере троих моих внебрачных детей. Эти сведения о тебе мне обошлись в две золотые монеты. И мне известно также, голубка, что младенец был не от Стюарта.

Адам засмеялся, услышав, как Фиона цветисто выругалась.

– Пусть Патрик, Джеми и Майкл продолжают наш род вместе со стадом своих младенцев, – проговорил он. – Я хочу только тебя. Но если я когда-нибудь застаю тебя с другим мужчиной, то изобью до посинения и откажу тебе в этом... – он резко воткнулся в нее, – на целый месяц.

Его янтарные глаза сузились и засверкали. Мысль, что она может потерять то, что так долго искала, бросила Фиону в дрожь. Обвив Адама ногами, она прошептала:

– Я буду хорошо себя вести. Клянусь!

На следующий день, к удивлению собравшихся родственников, Адам Лесли объявил, что женится на своей кузине леди Стюарт. Поскольку ни свою мать, ни родителей Фионы он прежде не известил, то началось столпотворение.

Патрик поднял голос в защиту брата.

– Они спросили моего разрешения, – солгал он. – Я должен принести свои извинения, дядюшка, что еще не посоветовался с вами. Предстоящая собственная свадьба совсем закружила меня.

Граф повернулся к младшему брату и строго сказал:

– Тебе не следовало объявлять о своих намерениях прежде, чем я поговорил бы с дядюшкой.

Адам изобразил раскаяние.

– Пойдемте, дядюшка Сайтен, – учтиво пригласил граф Гленкерк. – Давайте поговорим о делах наедине. Даже красивая вдова должна иметь приданое.

Прежде чем лорд Сайтен успел возразить, он оказался в библиотеке и там услышал от Адама, что его дочь навсегда осталась бесплодной и, учитывая это, следовало радоваться всякому зятю.

– Тогда почему же ты ее хочешь? – спросил лорд.

– Потому, дядюшка, что я люблю эту шалунью.

Лорд Сайтен больше ничего не сказал. Он никогда не считал свою дочь особенно достойной любви, тем более что хорошо знал ее славу. Считая большой удачей, что его от нее избавят, лорд согласился на довольно щедрое приданое, и договор был заключен. Свадьбу назначили на весну.

Когда дядюшка ушел, Гленкерк повернулся к брату.

– Почему ты так поступил? – спросил он. – Ведь ты мог бы жениться на милашке Изабелле Форбз и иметь законных сыновей.

– Потому, Патрик, что я по-настоящему люблю Фиону. Люблю с тех пор, как был мальчишкой.

– Она же шлюха! Прости меня, Адам, но ведь она ляжет под любого!

– Нет, теперь не ляжет. Не смотри так недоверчиво, Патрик. Помнишь Нелли Бэйрд?..

– Да, – уныло ответил граф, вспоминая одну особенно роскошную девку, которую содержал в Эдинбурге. Он обладал ею до тех пор, пока не одолжил брату всего на одну ночь.

Адам засмеялся и затем, снова посерьезнев, сказал:

– Фиона больше не станет блудить. Просто у нее огромные потребности в любви, а до вчерашней ночи ни у одного мужчины не хватало сил удовлетворить ее. Но теперь есть я, и она довольна.

– Но ведь с Изабеллой у тебя могли быть законные сыновья.

– И ты, и Джеми, и Майкл – все вы будете иметь сыновей, чтобы продолжить наш род. А я предпочитаю свою рыжую сучку.

– Понимаю тебя, – сказал граф, – и меня тоже госпожа Катриона Хэй заставляет плясать под свою дудку.

– Прими мой совет, Патрик, и укроти девку, иначе не будет мира в твоём доме.

– Да, но как?

Адам пожал плечами:

– Думай сам – это не моя забота. Мою зовут Фиона.

В библиотеку ворвалась Маргарет Лесли.

– Как ты мог? – набросилась она на старшего сына. – Как ты мог позволить брату жениться на шлюхе?! Сайтен смеется и ликует, что снова избавился от этой суки. Пусть Фиона моя племянница, но я не допущу, чтобы кто-то из моих мальчиков спаривался с такой блудливой девкой!

Патрик встал и посмотрел на мать.

– Хочу вам напомнить, мадам, что глава семейства – я, а не вы. Решения здесь принимаю я. Адам влюблен в Фиону, а она в него. Лорд Сайтен согласился на брак и дает щедрое приданое. Они пожениятся весной. Вы должны приветствовать Фиону, как приветствовали Катриону и Эйлис Хэй, а в будущем – Изабеллу Форбз.

Маргарет Лесли повернулась к младшему сыну. Он взял руки матери в свои.

– Я действительно люблю ее, мама. Ты прожила с отцом счастливые годы. Я хочу так же прожить свои с Фионой.

Мэг Лесли расплакалась, а сыновья заключили ее в объятия.

– Вы всегда были своевольны, мальчики!

– Мадам, мы надеемся найти свое счастье. Вы с отцом показали нам пример, – сказал Адам.

Мэг Лесли деликатно вздохнула, потом вытерла глаза и улыбнулась обоим.

– Очень хорошо, господин граф и глупый мой младший сын. Я приветствую Фиону, хотя все еще считаю это непристойным. Девчонка не лишена озорства. Когда ей хочется, она может быть скверной. Мне это не нравится.

4

Граф Гленкерк ухаживал за своей будущей невестой с элегантностью и изяществом французского царедворца. Каждое утро, когда Эллен приносила Катрионе завтрак, на подносе всегда лежало что-нибудь и от Патрика. Иногда это было нечто скромное и простое, вроде сосновой веточки и золоченой шишки, перевязанных красными бархатными ленточками. Иногда – дорогое, наподобие резной коробочки из слоновой кости, наполненной дюжиной бриллиантовых пуговиц. Совершая короткие поездки верхом по декабрьским снегам и неспешно прогуливаясь по сонным садам, Катриона и Патрик лучше узнавали друг друга.

Патрик Лесли был хорошо образованным человеком, и его юная нареченная, которая так долго и упорно боролась за свое собственное образование, жадно слушала своего жениха. Графа забавляло, что в таком роскошном молодом теле обнаруживался столь глубокий и гибкий ум, хотя и беспокоило, что невеста зачастую оказывалась совсем наивной. Выросшая в обособленном мире Грейхевена, она почти не знала жизни.

Девушка настолько освоилась в обществе графа, что сама предложила назначить свадьбу на День святого Валентина. После Пасхи тихо, без лишнего шума, поженятся Адам и Фиона, хотя вся семья прекрасно понимала, что свадьба будет простой формальностью. Они уже давно жили вместе как муж и жена. Фиона выглядела пухлой и гладкой, словно кошка, кормленная одними сливками.

– Она почти что уже мурлыкает, – посмеивалась Эйлис Хэй. – Я надеюсь только, что мой Джеми так же хорош, как, судя по рассказам девок, кузены Патрик и Адам.

– Хороши в чем? – спросила Катриона.

Большие голубые глаза Эйлис широко открылись, а затем она снова захихикала.

– Ох, Кат! Ты смеешься надо мной!

– Не знаю, о чем ты говоришь, Эйлис. Ты надеешься, что Джеми столь же хорош, как Патрик и Адам, но в чем?

– В постели, ты, гусыня-простушка! – воскликнула Эйлис, потеряв терпение. – Они говорят, что у гленкеркских мужчин девки теряют рассудок от наслаждения! Не могу дождаться июня, когда выйду замуж!

– Боже мой, Эйлис! Ты такая же шлюха, как Фиона!

Глаза Эйлис наполнились слезами, и милашка возмущенно затрясла белокурыми локонами.

– Я, – отвечала она с большим достоинством, – такая же девственница, как и ты, Катриона Хэй! Но на этом между нами и кончается сходство. Я предвкушаю ночи, которые буду проводить на супружеском ложе, и всем, чем только смогу, доставлю удовольствие Джеми. А ты холодна как лед. И если не переменишься, то граф примется искать утешения в более теплой постели. И кто тогда его обвинит?..

Катриона гордо удалилась, ничего не сказав в ответ. С тех пор как на Рождество в замок приехала вся семья, поведение Гленкерка стало сдержанным.

Больше не повторилась та ночь перед камином, когда он разбудил ее чувства, о существовании которых она раньше даже не подозревала, и сейчас не была уверена, что сумеет справиться с ними. Она жаждала снова испытать их.

В одну из ночей, одетая только в мягкую льняную рубашку, Катриона выскользнула из своей спальни и спряталась в алькове возле покоев графа. Она дрожала от холода, когда наконец он появился. Девушка выскользнула из укрытия и последовала за ним в комнату.

– Ох, Кат, милая, что тебе?

Увидев, что она дрожит, граф набросил ей на плечи плащ, подбитый мехом.

– А теперь, любовь моя, скажи, что же такое важное привело тебя сюда посреди ночи?

Катриона оробела. Граф ласково обнял ее и присел с ней у камина.

– Скажи же, сладкая моя.

Ее голос был тих:

– Я хочу... я хочу, чтобы ты любил меня.

– Нет, голубка. Если бы я считал, что так надо, то в один миг раздел бы тебя, и ты была бы уже в постели.

– Пожалуйста, Патрик! Я в самом деле хочу! Ох, милорд, я вопиюще невежественна! Моя мать пыталась исправить это, но она понимает любовь так возвышенно и одухотворенно! А тут еще Эйлис сплетничает и смеется насчет репутации гленкеркских мужчин, и Фиона открыто спит с Адамом и выглядит чертовски надменной и довольной. Это совсем не одухотворенно. Так что... не знаю, чего и ожидать. Пожалуйста, научи меня! Хотя бы немножко!

– Очень хорошо, – сказал он, едва сдерживая смех. – Но если ты испугаешься и захочешь, чтобы я прекратил, то не стесняйся и попроси.

– Хорошо, Патрик.

В комнате стало очень тихо, слышалось только потрескивание огня в камине. Одной рукой он обнял ее, а другой, свободной, медленно и осторожно спустил рубашку, обнажив прекрасную округлую грудь, словно выточенную из слоновой кости. Сосок выделялся темно-розовым пятном. Какое-то время граф разглядывал это совершенство. Затем его ладонь нежно охватила и сжала грудь. Он почувствовал, как девушка легонько вздрогнула. Вытянув большой палец, Патрик стал поглаживать соблазнительное розовое острие, пока оно не затвердело. Катриона затаила дыхание, и у Гленкерка на губах заиграла улыбка.

Граф наклонился, чтобы поцеловать Катриону, и его плащ соскользнул на пол, потому что девушка обвила его шею руками. Он осторожно снял рубашку с прекрасного тела и бросил ее на свой плащ. Потом принялся ласкать свою возлюбленную, поглаживая ее атласную кожу. Хотя Катриону била дрожь, она что-то довольно шептала и лгнула к нему. Внезапно Патрик остановился и замер, а Кат взмолилась:

– Пожалуйста, милорд! Еще! Я не боюсь!

Но граф сам испугался, ибо его желание быстро нарастало. Он знал, что следует поскорее остановиться, иначе он возьмет ее здесь и сейчас же.

– Кат! Любимая! Послушай меня. Я начинаю желать тебя очень сильно. Если я не отошлю тебя сию минуту, то не смогу отказать себе в удовольствии обладать твоим телом.

– Прошу тебя, милорд! Я тоже тебя хочу! Пожалуйста, возьми меня сейчас!

Если бы перед ним стояла другая, он с большой охотой подчинился бы ее желанию. Но это была Кат, его невинная суженая, которая только просыпалась навстречу радостям любви.

– Нет, любимая. При свете дня все будет выглядеть по-другому. Если я заберу твою девственность сейчас, потом себя за это возненавижу.

Вздыхнув, Патрик снова натянул на нее рубашку, а затем отнес невесту обратно в комнату, уложил в постель и нежно прикрыл одеялом.

– Спокойной ночи, любовь моя, – прошептал он, закрывая за собой дверь.

Катриона неподвижно лежала в тепле своей постели и прислушивалась к звукам зимней ночи. В камине с мягким потрескиванием горел огонь. За окном прокричала сова, и в ответ завыл волк. Теперь девушка понимала, что имела в виду ее мать. Но она теперь стала понимать и Эйлис, и с большей симпатией относилась к своей кузине Фионе. Снова и снова Кат переживала в мыслях последние часы. Ее груди стали тугими, и, заметив это, она покраснела. Весь остаток ночи невеста Гленкерка металась между беспокойным сном и не менее беспокойным бодрствованием. Ее молодое тело томилось по ласкам Патрика.

Наутро, когда суженые встретились, чтобы отправиться на прогулку верхом, граф приветствовал девушку в своей обычной манере. Катриона последовала его примеру и молчала

до тех пор, пока они не оказались на безопасном расстоянии от замка. Тогда, медленно повернувшись к нему, Кат сказала:

– Я не жалею ни о чем, что случилось прошлой ночью.

Патрик улыбнулся, почувствовав, с каким напряжением это было сказано.

– А тут, Кат, и жалеть-то не о чем. Мы только целовались и ласкались... невинные забавы, которым предаются влюбленные со времен сотворения мира.

– Я приду к тебе снова, – сказала она.

Патрик усмехнулся.

– Нет, ты останешься в своей постели как хорошая девочка, – велел он, – иначе я за себя не отвечаю.

Девушка надула губы.

– Я не останусь одна.

Гленкерк внимательно посмотрел на нее и вдруг, к своему крайнему изумлению, понял, что именно так она и поступит. «Боже мой, – подумал граф, – это тигрица!» А вслух сказал:

– Если ты ослушаешься меня, то я возьму лещинный хлыст и исполосую твою прелестную попку. Я не шучу!

Ночью Катриона снова появилась у него в комнате. Вручив ему лещинный хлыст, она резким движением плеч сбросила свой плащ. Другой одежды на девушке не было. Граф отшвырнул хлыст в камин и, схватив ее и притянув к себе, нежно поцеловал, позволив своим пальцам прикоснуться к тайному местечку между ног. Она едва слышно застонала, но не остановила его.

Каждую ночь Кат приходила в комнату Патрика, и граф чувствовал, что если не передохнет от пытки, на которую она его обрекла, то сделает нечто, о чем оба будут потом жалеть.

Закончились празднества Двенадцатой ночи, и родственники отбыли по домам. Граф упросил Катриону вернуться к себе в Грейхевен на несколько недель, чтобы потом приехать снова в Гленкерк для приготовлений к свадьбе. Девушка уезжала с большой неохотой.

За две недели до свадьбы Катриона вернулась, привезя свое приданое – одежду, драгоценности, белье и обстановку. К ужасу Патрика, девушку поместили в покои графа и графини Гленкеркских, частью которых была и его собственная спальня. На дверях между всеми этими спальнями никогда не существовало замков. И если сейчас он прикажет поставить замок на свою дверь, то какие же вызовет пересуды!.. В первую ночь по возвращении Катрионы граф допоздна засиделся в библиотеке, беседуя с Адамом, в надежде, что, когда он придет к себе, девушка будет спать.

Наконец Патрик пожелал брату спокойной ночи и отправился в свою спальню. Дверь между двумя комнатами стояла открытой. Граф прислушался, но ничего не услышал. Пospешно, стараясь не шуметь, он начал раздеваться.

– Патрик, – прозвучал нежный голос.

Гленкерк повернулся и обнаружил, что Катриона стоит в двери, такая же голая, как и он сам. Девушка простерла к нему руки, и граф застонал.

– Пойдем, любовь моя. Моя постель уже согрета.

Патрик не мог отвести глаз от ее роскошной груди и соблазнительных длинных ног. Медового цвета волосы, тяжелые и густые, ниспадали ниже тончайшей талии, а глаза сияли так ярко, как никогда прежде.

– Если я сегодня заберусь в твою постель, Кат, то пути назад не будет. Я больше не стану играть с тобой в игры. Если я приду в твою постель, голубка, то лишу тебя девственности. Не обманывайся! Если начну, то и закончу!

– Пойдем, Патрик!

Катриона направилась в свою спальню. Граф последовал за ней.

– Ты уверена, любовь моя?..

Она повернулась и положила руку ему на грудь, вызвав волну возбуждения.

– Я не в силах больше ждать, милорд. Пожалуйста, не заставляй себя упрасивать.

Забравшись на свою огромную кровать, Катриона протянула к нему руки. Патрик торопливо последовал за ней и, прижав к себе, с силой поцеловал. Он почувствовал, как по телу девушки пробегает дрожь, и отодвинулся, чтобы посмотреть на возлюбленную.

– Ты уверена?..

– Да, милорд.

Когда его жадные губы побежали по ее телу, Катриона затрепетала, словно плененное дикое животное. Поцелуи будто насквозь прожигали ее тонкую кожу, а когда губы Патрика обхватили жесткий сосочек, девушка испытала восхитительную смесь страха и удовольствия. Его рука бережно обследовала у нее тайное влажное место между ног – поддразнивая, поглаживая, лаская. Нежным движением Патрик всунул внутрь палец, и Катриона выгнулась ему навстречу. Она была нетронутой. Граф понял, что придется действовать крайне осторожно, чтобы причинить ей как можно меньше боли.

Однако он мог не торопиться. Впереди была целая ночь, и граф хотел возбудить Катриону до крайности. Он уже и прежде не раз лишал девушек невинности и обнаружил, что распаленная девственница чувствует меньше боли, нежели та, что напряжена и испугана. Патрик взял руку Катрионы и приложил ее к своему органу. Катриона не отвела руку, а стала поглаживать член робко и нежно, а потом вдруг склонилась и поцеловала его пульсирующую головку.

По его телу вихрем пронесся безудержный трепет. Снова поджав девушку под себя, граф впился в нее поцелуем. Их языки превратились в огненные копыя – пытливые, обжигающие. Катриона корчилась под ним, и Патрик удовлетворенно улыбнулся. Склонившись, он пробирался губами к маленькой родинке, отмечавшей расщелину между ее ногами. Затем пустил язык в самую эту соблазнительную щель. Катриона затаила дыхание от изумления. Патрик любовно, хоть и настойчиво, раздвигал ее бедра. Он нежно вошел в любимую и пришел в восторг, потому что она призывно выгнулась навстречу. С величайшим усилием граф сдерживался, чтобы не давить слишком сильно. На мгновение остановившись, он посмотрел на Катриону. Пот покрывал ее тело, словно мелкий бисер, и было заметно, что она немного испугана.

– Легче, голубка, легче, – вполголоса промурлыкал Патрик и погладил трепетное тело возлюбленной.

– Мне больно, Патрик! Больно!

– Еще мгновение, любовь моя, только один раз будет больно, а потом сразу станет лучше, – пообещал граф.

И прежде чем Катриона успела снова пожаловаться, Патрик откинулся назад и резко ткнулся сквозь барьер. Ее глаза расширились, и она вскрикнула от боли. Этот крик мужчина заглушил своими поцелуями. Но он не обманул. Боль сразу начала стихать. Гленкерк мягко двигался внутри ее, и Катриона, скользнувшая в новый блистательный мир, выгнула свое гибкое тело ему навстречу. Ее омывали волны удовольствия, и чем мощнее они становились, тем глубже ее увлекало в какой-то крутящийся золотой вихрь. Она тоже услышала девичий крик, но не поняла, что это был ее собственный голос.

Столь же неожиданно, как началось, все кончилось. Катриона обнаружила, что лежит в объятиях Патрика и плачет. А тот целиком был во власти угрызений совести и отвращения к самому себе. Покрывая ее мокрое от слез лицо поцелуями, он молил о прощении, каялся, что поступил как ужасная скотина. Катриона прервала его на полуслове, засмеявшись сквозь слезы.

– Ты глупец! – сказала она, улыбнувшись. – За что же мне тебя прощать? За то, что ты сделал меня женщиной за две недели до нашей свадьбы? – Она взяла его лицо в ладони. –

Я люблю тебя, милый! Ты слышишь? Я с ума схожу по тебе, милорд! И не могла вынести, что не обладала тобой целиком! Я своевольная девка, Патрик!

Гленкерк склонился над ее лицом и улыбнулся.

– Я побую тебя, если ты когда-нибудь ослушаешься меня! Дитя, я люблю тебя всем сердцем, но я хочу быть хозяином своего дома!

– До тех пор, пока я твоя единственная любовница, милорд! – парировала она.

Граф засмеялся.

– Какая же вы озорница, мадам!

Он опрокинул ее обратно на подушки.

– Давай-ка спать, а не то утром все в замке будут знать, чем мы тут занимались.

В ответ Кат удивленно подняла бровь. Граф усмехнулся.

– На сегодня достаточно, моя ненасытная малышка. Тебя слишком недавно растеребили. И если ты собираешься подняться и куда-нибудь пойти поутру, то одного раза на сегодня хватит. Но в следующие ночи я буду любить тебя без остановки с вечера до утра. Ни один мужчина, если только в нем есть сколько-нибудь огня, не сможет никогда насытиться тобой.

Утром Эллен заметила кровавые пятна на постели Катрионы. Но она промолчала, ибо никого не касалось, что жених и невеста провели свадебную ночь прежде, чем отпраздновали свадьбу. Ее беспокоило другое: возможно, ее молодая госпожа собиралась выйти замуж за мужчину, которого не любила. Теперь же Эллен знала, что все было в порядке: Катриона не отдалась бы Гленкерку, если бы не любила его.

К несчастью, Фиона тоже узнала об этой ночи. Никто не раскрывал ей секрета, но инстинктивно леди Стюарт чувствовала это. Дня за три до свадьбы она отыскивала Катриону, когда та была одна, и небрежно заметила:

– Итак, ты все-таки позволила, чтобы он тебе воткнул до свадьбы. Ну ты и смелая!

Катриона покраснела, поняв, что ее тайна раскрыта. Но она вовсе не желала, чтобы Фиона чувствовала себя победительницей.

– Ты ревнуешь, кузина?

Та засмеялась:

– Послушай, малышка. У меня мужики были с тринадцати лет. И среди них не нашлось такого, чтоб я не могла поиметь, когда хотела. И твой драгоценный Гленкерк не исключение!

– Лгунья! – возмутилась Катриона.

– Нет, – нагло улыбнулась Фиона. – Я имела обоих – и Патрика, и Адама. Я останусь со своим Адамом. Но чтобы у тебя не было сомнений на этот счет... – И Фиона во всех подробностях описала спальню Патрика.

Не произнеся ни слова, Катриона рассталась с кузиной. Отправившись в свои покои, она облачилась в теплые замшевые бриджи, шелковую рубашку, надела сапоги на меху и тяжелый плащ, тоже с меховой подкладкой. Затем послала смущенную Эллен в конюшню, приказав, чтобы оседлали Бану.

– Но куда же вы поскачете в такое время? – возразила было служанка.

– Не знаю, – ответила Катриона, садясь на Бану. – Но когда великий граф Гленкерк возвратится из Форбза, скажи ему, что я скорее выйду замуж за самого дьявола!

Рывком повернув голову Баны, она прищипорила кобылу и поскакала легким галопом через подъемный мост в сгущавшиеся зимние сумерки.

5

Подхватив свои юбки, Эллен, спотыкаясь, побежала обратно в замок на поиски хозяина Грейхевена. Найдя его, выдохнула:

– Она ускакала, милорд! Госпожа Катриона ускакала!

Грейхевен соображал не слишком быстро, но его жена разобралась во всем сразу.

– Что случилось?

– Не знаю, миледи. Она была так счастлива, что снова оказалась в Гленкерке, и предвкушала свою свадьбу.

– Я подозреваю, – сказала Хезер, – не было ли все это притворством.

– Нет! Нет, миледи! Кат влюблена в графа, это ясно. Они были даже... – Эллен запнулась, охваченная ужасом, и прикрыла рот ладонью. Хезер поняла.

– Как долго?

– Ох, миледи!

– Как долго, Эллен?

– В первую ночь, когда мы вернулись в Гленкерк. Я нашла пятна на следующее утро. Но что-то происходило уже и на Рождество. Он не насиловал ее! В этом я уверена, миледи!

– Хочешь ли ты сказать, что граф спал с моей девочкой? – возмутился лорд Хэй.

– Ох, Грейхевен, помолчи! – прикрикнула на него Хезер. – Не столь важно, что они спали вместе. Все равно им предстоит пожениться через три дня. Эллен... что Кат делала сегодня? Куда она ходила?

– После обеда, как обычно, часок поспала. Затем отправилась в семейный зал со своей вышивкой. Графа не было весь день, так что они не могли поссориться.

Отыскалось несколько человек, которые разговаривали с Катрионой или видели ее после обеда. Все – и Мэг Лесли, и ее дочери, и Эйлис Хэй с двумя служанками – в один голос уверяли, что девушка выглядела веселой и находилась в приподнятом настроении.

– Что же могло испугать ее? – задумалась Мэг.

– Она не казалась испуганной, миледи, – поправила Эллен. – Была бодра и оживленна.

Во дворе послышался цокот копыт и лай собак: граф и его братья возвращались из Форбза, куда ездили вчетвером заключать брачное соглашение между Изабеллой Форбз и Майклом Лесли. Со смехом и шутками они вошли в семейный зал, разом остановившись перед картиной, представившейся их глазам.

– Что такое? – встревожился граф.

– Кат... – бездумно начала Хезер.

Патрик побелел.

– Нет-нет, с ней все в порядке, – поспешила заверить леди.

– Тогда что же?

– Кат в скверном настроении, племянник. И она ускакала. Не выдержали перед свадьбой девичьи нервы, – ответила Хезер, пытаясь его успокоить.

– Когда?

– Примерно час назад. После обеда она еще была здесь. Потом неожиданно отправилась в свою комнату, оделась для езды верхом и ускакала.

– Кто разговаривал с ней? И откуда вы знаете, когда она уехала?

Хезер объяснила, а затем повернулась к Эллен, чтобы та поведала все что знала.

– Она ворвалась ко мне в спальню, милорд. Кричит: «Элли, отправляйся на конюшню и вели седлать Бану». – «Миледи, – говорю я, – уже поздно, и солнце близится к закату». – «Делай как тебе велят!» – приказала она. Боже мой! Я растила ее с младенчества, и никогда прежде Кат со мной так не разговаривала. Когда она садилась на лошадь, на ней была старая одежда для верховой езды. «Элли, – говорит, – скажи великому графу Гленкерку, что я скорее выйду замуж за самого дьявола!» И ускакала. А я сразу побежала к миледи Хэй и все рассказала.

Патрик Лесли стиснул зубы. Его глаза сузились.

– Кто-то, наверное, расстроил ее, – процедил он.

– Кого расстроил? – спросила Фиона, входя в зал. – Боже, что здесь происходит?

Не повышая голоса, Патрик спросил:

– Ты видела Кат сегодня после обеда?

– Да, она вышивала.

Граф посмотрел на брата. Адам решительно взял свою будущую жену под руку и увел ее в библиотеку. Испуганная Фиона предстала перед обоими Лесли.

– Что ты сказала Кат, дорогая кузина? – ледяным голосом обратился к ней граф.

– Ничего, Патрик. Я ничего не говорила! Клянусь! Мы разговаривали о наших девичьих делах.

Адам схватил свою нареченную и, бросив ее поперек стула, провел кнутовищем по спине. Фиона завизжала от боли и попыталась увернуться, но Патрик придержал ее за тонкую белую шею, не дав подняться.

– Слушай, кузина, – проговорил граф сердито, – любит тебя Адам или нет, но сейчас он по моему приказанию забьет тебя до смерти. Что ты сказала Катрионе?

– Я сказала, что ты спал со мной. – Всклипывая, Фиона передала им весь разговор.

– Сука! – выругался Патрик. – Я столько времени потратил, чтобы завоевать доверие Катрионы, а ты сгубила все за три минуты!

Хлопнув дверью, он вышел из комнаты. Адам посмотрел на Фиону сверху вниз.

– Я предупреждал тебя, любовь моя, что, если будешь озорничать, я тебя накажу.

Он поднял руку, и Фиона услышала свист кнута, который тут же опустился на ее спину.

– Не надо, Адам! – закричала несчастная, но жених был безжалостен. Он бил и бил невесту, пока та не упала в обморок.

А Гленкерк действовал быстро и решительно. Его любимому жеребцу после поездки в Форбз требовался отдых, поэтому Патрик приказал оседлать своего второго любимца – Дерга. Он позволил сопровождать себя только одному брату Эллен – Коноллу Мор-Лесли. Перед отъездом граф побеседовал с матерью, с теткой Хезер и с Адамом.

– Бог знает, куда она поскакала. Может быть, мне придется разыскивать ее не одну неделю. Но свадьбу отменять слишком поздно, поэтому, Адам, вы с Фионой поженитесь вместо нас.

Он внимательно посмотрел на брата.

– Ты все еще хочешь эту суку?

– Да, брат. Фиона – скверная кошка, но, думаю, теперь она будет вести себя прилично.

– Хорошо! Скажи гостям, что невеста подхватила корь и заразила жениха. Это предотвратит скандал.

– Патрик, сын мой! Будь поласковее с Катрионой! – взмолилась Мэг. – Она молода и невинна, а Фиона страшно огорчила ее злой ложью.

– Мадам, – холодно ответил Патрик, – Катриона делила со мной ложе почти уже две недели. Я обращался с ней нежно и никогда не принуждал ее. Она даже не захотела высказать мне все в лицо, а сразу посчитала меня виновным и бежала. Я не прощу ей такое недоверие. Я найду ее, верну и женюсь, как и предполагалось ранее. Но прежде еще последую примеру Адама и побью ее так, что она не сможет садиться целую неделю.

Несколько минут спустя граф Гленкерк вместе с Мор-Лесли проскакали галопом по подъемному мосту. Ночь была холодная, но светлая: луна освещала им дорогу. Сначала они направились в Грейхевен, ибо Патрик подозревал, что Катриона сбежала домой. Однако там ее не оказалось. Преследователи повернули своих коней на Сейтен, но и здесь их ждало разочарование. Патрик и Конолл подождали до утра и начали тщательно прочесывать местность.

Но Катриона как сквозь землю провалилась. Ее никто не видел.

Пришел День святого Валентина, и Адам Лесли женился на своей вдовствующей кузине леди Стюарт. Гости втихомолку посмеивались, слыша, что граф и его невеста заболели корью.

«Какая удача, – перешептывались они, – что у Лесли наготове имелась другая обрученная пара, и празднества не пришлось отменять».

Это был прекрасный пир. Однако новая леди Лесли выглядела усталой и подавленной. Разглядывая своих гостей с главного стола, Фиона думала: «Что бы они сказали, если бы узнали о настоящей причине моей бледности». Ибо последние три ночи Фиона провела привязанной к стулу, наблюдая, как Адам занимался любовью с очень хорошенькой, но совершенно ненасытной крестьянской девкой. Мученица попыталась было закрывать глаза, но даже звуки, доносившиеся с кровати, все равно оказывались непереносимыми. Зачарованная, она смотрела, как исполинский член Адама погружался в корчившуюся девицу, как выходил обратно. Ее собственное желание нарастало, душу и тело охватывала жестокая боль, и в последнюю ночь она вообще думала, что сойдет с ума.

Сегодня утром, однако, Адам сказал, что время наказания истекло. Фиона поклялась, что больше никогда не причинит зла своей кузине, и пообещала, что, когда Катриона будет найдена, она извинится и скажет ей правду. Удовлетворенный Адам улыбался: он знал, как обращаться со своей девкой.

Но Катриону никак не могли найти. Февраль уступил место марту, март – апрелю, а долгожданного известия все не было. И тут Эллен, отправившаяся в Крэнног навестить своих родителей, неожиданно обнаружила, что ее госпожа живет у них! Бежав из Гленкерка, Катриона направилась прямо к Рут и Хью Лесли. Рут, которой было за шестьдесят, немедленно согласилась спрятать девушку. И хотя семидесятилетний Хью выказал меньшую охоту, жена убедила его, что их давно умершая хозяйка одобрила бы этот шаг. Эллен изумилась.

– Конечно же, соседи о чем-то подозревают, – предположила она.

– С чего это? – ответила Рут. – Они же никогда не видят Катриону. Каждую ночь она для упражнения ездит верхом на Бане, но это только часок; а кроме этого она совсем не выходит из дома.

– Мама, Кат не может оставаться здесь бесконечно. Она сказала вам, почему убежала?

– Да! Эта мерзкая Фиона! Еще когда она была ребенком, я знала, что из нее вырастет что-то гадкое.

– Так и случилось, мама. Очень гадкое. Настолько, что она довела госпожу Кат до такой ярости, что та убежала из дому. Но Фиона солгала, и госпожа напрасно усккала, не попросив объяснения у лорда Гленкерка. Граф обижен, что Катриона могла так плохо о нем подумать. Однако он любит ее и все еще хочет сделать своей женой.

– Хорошо. – В голосе Рут звучала мудрость, унаследованная ею от покойной хозяйки. – Тогда мы должны сделать так, чтобы он ее нашел. Но не здесь.

– Значит, А-Куил, мама. В горах над Лох-Сайтен. Ее бабушка, Джин Гордон, получила тамошний дом в приданое, а теперь он принадлежит госпоже Кат.

– Насколько он велик и в каком состоянии?

– А-Куил небольшой и уединенный. Дом построен из камня, с шиферной крышей. К свадьбе его подновили. На первом этаже – гостиная, на втором – спальня. Имеется кухня и еще небольшая конюшня с двумя комнатками на чердаке. Вот, пожалуй, и все.

– Подходит, – сказала Рут. – А сколько туда ехать верхом?

– Добрый час.

Рут улыбнулась.

– Я уговорю госпожу Катриону поехать туда, а затем отправлюсь в Гленкерк и извещу графа. Там тихо и спокойно, и они наедине разрешат все свои недоразумения.

Рут так и сделала. Убедив девушку, что летом ей следует побольше бывать на свежем воздухе, и заверив, что А-Куил достаточно удален от Гленкерка, женщина отослала беглянку в горы. Эллен заранее поехала проветрить дом и сделать запасы пищи. Служанка попросила

у своей молодой госпожи разрешить пожить вместе с ней, и Катриона, чувствовавшая себя одиноко, согласилась.

А-Куил стоял в сосновом лесу, высоко на утесе, откуда далеко внизу виднелись Гленкерк, Сайтен и Грейхевен. Место было тихим и укромным. Несколько дней все еще не успокоившаяся Катриона бродила по лесу, росшему вокруг дома. Ночью она спала глубоким сном в большой просторной спальне, а Эллен устраивалась неподалеку в низенькой кроватке на колесиках. Так прошло больше недели, и девушка начала чувствовать себя в безопасности.

Но вот однажды вечером разразилась страшная буря, загнавшая Катриону и Эллен в спальню. Разведя в камине огонь, они поужинали тостами с сыром и выпили слегка крепленого сидра. Ни та, ни другая не обращали внимания ни на молнию, зловеще сверкавшую над ними, ни на грозные раскаты грома. Внезапно дверь распахнулась, и Эллен в ужасе закричала. Широкими шагами вошел граф.

– Твой брат на кухне, Эллен. Найдется ли в доме место, где вы могли бы спать оба?

– Чердак над конюшней, милорд.

– Тогда беги.

– Нет! Не оставляй меня с ним, Эллен!

Эллен беспомощно смотрела на свою госпожу.

Граф мягко взял служанку под руку и вывел за дверь.

– Не подходи к этой комнате, если только я не позову тебя. Понятно?

– Да, милорд.

Дверь за женщиной плотно закрылась, и она услышала, как с грохотом задвинули засов. Спустившись по лестнице, Эллен увидела брата и повела его в чердачные комнаты над конюшней.

– Он очень сердит на нее, Конолл?

– Да, – спокойно ответил брат. – И будет ее бить.

– Никогда! – выдохнула Эллен. – Он же с ума по ней сходит!

– И все равно, – ответил Конолл, – будет ее бить, и правильно сделает. Убежав от него, она поступила, как блудливая девка. Если граф с самого начала не станет хозяином в собственном доме, то у него всегда будут с ней нелады. Зачем мужчине такой брак?

– Если бы мы с мамой знали, что госпоже Кат будет больно, то не позволили бы графу найти ее.

– Сестра, – терпеливо, словно ребенку, втолковывал Конолл, – он не причинит ей сильной боли. Просто задаст трепку, чтобы помочь исправиться.

Эллен покачала головой. Она знала Катриону Хэй лучше, чем все остальные, потому что сама вырастила ее. Графу предстояло узнать, что, побив свою невесту, он не укротит ее.

6

Катриона рассерженно смотрела в лицо графу Гленкерку. Он аккуратно развесил свой мокрый плащ на спинке стула у камина и снял сырую льняную рубашку.

– Мои сапоги, Кат! – Это были первые слова, которые Патрик сказал ей.

– Отправляйся к дьяволу! – огрызнулась Катриона.

– Мои сапоги! – Его золотисто-зеленые глаза сузились и засверкали недобрым блеском.

Сердце девушки дико забилось. Она встала на колени и стянула с графа сапоги. «Я не боюсь его», – подумала Катриона. Но почему так сжималось ее сердце?..

Патрик грубо схватил невесту за длинные волосы и, обернув их вокруг руки, притянул девушку лицом к себе. Взяв другой рукой верх ее рубашки, он разорвал ткань от горловины до подола и отбросил лохмотья в сторону.

– Я предупреждал, что если ты когда-нибудь ослушаешься, то побью тебя.

И прежде чем Катриона смогла возразить, Патрик толкнул ее на кровать и безжалостно опустил кнутовище ей на спину. Дрожа от боли и возмущения, она закричала и попыталась вывернуться, но граф, удерживая девушку, оставил на ее попке еще несколько красных рубцов и только тогда остановился. Отбросив кнутовище, он забушевал:

– Вы заставили меня несколько месяцев бегать за вами, мадам! Если бы Адам не согласился немедленно жениться, мы оказались бы в неудобном положении перед всеми родственниками и всей округой. Ты довольна, что Фиона заняла почетное место на нашей свадьбе?

Перевернувшись, Катриона проворно села и обратила к нему дерзкое лицо, залитое слезами.

– Ты ублюдок! – завопила она. – То, что ты совал мне между ног, ты совал и ей! Я не прощу тебе этого! Никогда!

– Сучка! – закричал Патрик в ответ. – Как ты могла ей поверить?! Я никогда не спал с Фионой. Однажды она ждала меня в моей спальне, но Адам был со мной. Он сох по ней много лет, поэтому в ту ночь я спал в его комнате, а он наслаждался с ней. Никогда я не спал с этой дьяволицей!

– Почему я должна тебе верить? Вы, ублюдки, шлаетесь по всему округу. Фиона сказала, что могла иметь любого мужчину, какого только хотела, а потом в точности описала твою спальню. Что я должна была думать?!

– Почему ты веришь ей больше, чем мне? – спросил он. – Как могла ты спать со мной и не верить, что я люблю тебя и не сделаю ничего такого, что причинит тебе боль?

– Лгун! Ненавижу тебя! Убирайся из моего дома!

– Твоего дома? Твоего?! Нет, Кат, этот дом – часть приданого, которое твой отец дал мне вместе с тобой. Он принадлежит мне, как принадлежишь и ты.

Граф толкнул невесту обратно на постель и склонился над ней.

– Ты – моя собственность, Катриона, так же как и Гленкерк, как и мои лошади, и мои собаки. Ты – это что-то для моего удовольствия. Ты – вещь, на которой я буду выводить сыновей. Понимаешь?

Катриона замахнулась. Уловив стальной блеск, Патрик извернулся и схватил ее за запястье. Вырвав у Катрионы небольшой нож, он ударил ее по лицу.

– Фокусы блудной девки, голубка! Ты этого хочешь? Чтобы с тобой обращались, как со шлюхой?

– Лучше я буду шлюхой, чем твоей женой, Гленкерк! Ни один мужчина не станет владеть мной! Ни один!

Граф засмеялся.

– Славные слова, девица. Однако, поскольку ты выказала интерес, то я могу обучить тебя некоторым фокусам настоящих шлюх. Ты еще не столь расторопна в постели. Мало опыта. Но я исправлю это упущение в ближайшие недели.

– Что ты имеешь в виду? – Ее сердце безудержно забилося.

– А вот что, дорогая моя. Пока я не засажу тебе в живот ребенка, домой в Гленкерк ты не поедешь. Я, конечно, не могу быть уверен, что ты непременно выйдешь за меня замуж. Но когда в твоем чреве вызреет мой сын, то у тебя не будет другого выбора, так ведь?

Стоя, он быстро спустил свои короткие штаны, а затем снова бросился на нее. Губами он нашел ее рассерженный рот и безжалостно впился в него. Скользнув Катрионе промеж ног, граф закинул их себе на плечи и спрятал голову между ними. По мере того как бархатистый язык графа ласкал и щупал ее, вопли ужаса постепенно переходили у девушки в звуки пристыженного желания.

– Патрик! Патрик! – кричала она. – Нет! Пожалуйста! Ох, боже мой! Нет!..

Она отчаянно пыталась ускользнуть от требовательного рта, который обсасывал ее, уйти от мучившего ее языка. Но большие и сильные руки графа удерживали ее округлые бедра

железной хваткой, и Патрик наслаждался, посылая по ее телу волны огня и боли. Рыдая, Катриона попыталась не позволить ему наслаждаться ее оргазмом, но он все-таки сумел дважды его добиться. Затем, посмеиваясь, Гленкерк забрался на нее и протиснулся глубоко внутрь, чтобы излиться самому. Не желая того, девушка страстно корчилась под ним. Кончив, граф откатился в сторону и сказал холодно:

– Это, дорогая моя, был урок номер один.

Девушка отползла на угол кровати и молча плакала. Ее плечи тряслись от унижения. Патрику очень хотелось схватить строптивую суженую в объятия и утешить ее, но он был убежден, что малейший признак мягкотелости с его стороны все погубит. Не желая ломать ее дух, он, однако, хотел быть хозяином в собственном доме.

Но Катриона была слишком неопытна, чтобы использовать те хитрые средства, какими женщина может управлять мужчиной так, чтобы тот об этом даже не догадывался. Патрик удивился бы, если бы узнал, что невеста плачет вовсе не из-за того, что он с ней сделал, а из-за того, что он взял над ней верх.

Граф снова заключил Катриону в объятия и стал играть с ее грудью.

– Нет! – возмутилась она.

Патрик, не обращая внимания, вместо ответа сжал мягкую плоть ладонью.

– Боже, – прошептал он, приблизив свое лицо. – Боже, ведь у тебя самые нежные соски, какие я когда-нибудь видел.

Руки графа ласкали трепещущий живот возлюбленной, но едва он двинулся дальше вниз, как девушка вскрикнула:

– Нет! Больше нет!

Улыбаясь, он приподнялся на локте и посмотрел на невесту. Рука протиснулась у нее между ног, и пальцы двигались, не переставая.

– Разве тебе не понравился первый урок, голубка?

Извиваясь, она попыталась отползти.

– Когда я скажу своему отцу, что ты меня изнасиловал, он убьет тебя.

– Нет, моя ласковая. Он благословил меня делать с тобой все, что захочу. Лорд Хэй знает, что в конце концов я выполню свое обязательство и женюсь на тебе. Это все, что ему надо.

Катриона понимала, что Патрик прав, и это бесило ее.

Меж тем граф затянул ее под себя и целовал израненный рот до тех пор, пока она не закричала от боли. Губы Патрика стали мягкими. Бедра девушки раздвинулись от прикосновения его разбухшего члена и жадно выгибались ему навстречу.

– Боже, Кат, ты прямо голодная сучка! Сомневаюсь даже, чтобы Фиона была такой горячей.

Катриона изо всех сил колотила кулачками по его гладкой груди, но он опять засмеялся, а затем неспешно стал превращать ее сопротивление в покорность. Наконец, утомившись, он впал в глубокий сон. Поскольку в таком положении ускользнуть ей было невозможно, она тоже уснула.

В ранний утренний час Патрик разбудил Катриону и снова овладел ею. С непривычки ее молодое тело болело. Понимая это, он приволок в спальню высокий дубовый чан и поставил его перед камином. Под изумленным взглядом своей невесты он принялся таскать ковшом горячую воду, пока не наполнил чан до самых краев. Откуда-то появился кусок благоухающего мыла. Подняв суженую на руки, граф посадил ее в воду.

– Ты пахнешь борделем, – заметил он.

– Тогда ты должен чувствовать себя как дома, – парировала она.

Сорвав с кровати простыни, Патрик выбросил их в коридор и застелил постель свежим бельем, пахнущим лавандой. Затем он исчез и через несколько минут вернулся с наполненным бокалом. Катриона уже вылезла из чана и сидела перед камином, завернувшись в полотенце.

– Выпей.

– Что это?

– Сладкое красное вино со взбитым яйцом и травами.

Это было восхитительно. Сняв с нее влажное полотенце, он поднял обнаженное тело, перенес на кровать и положил на прохладные простыни, укутав пуховым одеялом.

– Спи, милая. У тебя была долгая ночь.

Патрик наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Куда ты идешь? – спросила Катриона. Но прежде чем граф успел ответить, она уже заснула.

Патрик Лесли внимательно разглядывал спящую девушку. Он размышлял о том, как сильно любит ее, вспоминал, как испугался, воображая всевозможные ужасы, когда она убежала от него. Больше он никогда не даст ей случая убежать, и, конечно же, она не узнает, каковы его истинные чувства к ней: женщин лучше держать в неопределенности. Но как ему самому вынести, если Катриона вдруг снова скажет, что ненавидит его?

Патрик принял ванну, оделся и пошел вниз на кухню. Конолл поднялся со скамейки.

– Сиди, парень, – сказал граф. – Эллен, любовь моя, положи мне миску такой же овсяной каши, которой так наслаждается твой брат.

Служанка поставила перед ним еду.

– Конолл, я хочу сегодня съездить в Гленкерк и привезти кое-какую одежду для себя и для госпожи Катрионы. Мы останемся здесь на несколько недель. Эллен, ты скажешь, что ей нужно, и я запишу.

– Я умею читать и писать, милорд, – обиженно сказала Эллен. – Если вы не возражаете, я бы предпочла сама написать леди Хэй.

– Прекрасно, Эллен, – улыбнулся Патрик. – Не сердись, цыпочка, и не ругайся. Ты же знаешь, что я люблю ее.

– Вы били ее, милорд?

– Десять ударов по ее сочному заду. В своем доме хозяином буду я, Эллен.

– Всего десять?

– Всего десять, – ответил он. – Она заслужила больше, но я милосерден.

– Да, – согласилась Эллен. – Она заслужила больше. Однако, когда она была ребенком, бить ее было бесполезно. После этого она дерзила вдвойне. – Она надеялась быть услышанной.

– Она не изменилась, – засмеялся Патрик.

Эллен написала записку, попросив леди Хэй прислать несколько смен нижнего белья, две мягкие льняные блузы, полдюжины тончайших шелковых ночных рубашек из приданого Катрионы, бархатный пеньюар, тапочки и несколько кусков ароматного мыла. Покидая Гленкерк, беглянка не забыла захватить с собой щетку и гребень для волос, а также зубную щетку, которой их всех научила пользоваться прабабка. Эллен вручила графу свой длинный список.

– Это немного, но я останусь здесь, чтобы обстирывать ее. Ноша невелика, справится один брат.

– Славная ты девушка, – похвалил Патрик и повернулся к Коноллу. – Отведи Бану обратно в Гленкерк и кобылу твоей сестры тоже. Пусть здесь останутся только две наши лошади.

– Ох, милорд, – взмолилась Эллен. – Не отбирайте у нее Бану. Кат так любит ездить верхом.

– Она получит кобылу обратно, когда мы вернемся в Гленкерк. Чем больше лошадей я здесь оставлю, тем быстрее она сможет убежать от меня. Но я постараюсь не предоставлять ей такой возможности. Мы останемся в этом доме, пока она не понесет моего ребенка. Вот тогда я заберу ее домой и женюсь на ней.

Эллен вздохнула.

– Она очень рассердится, милорд.

– Поскольку я намереваюсь здесь кормиться охотой на оленей, то сумею переждать ее гнев в лесу, – холодно ответил граф.

Катриона проснулась пополудни. Конолл только что вернулся, выполнив поручение, и, открыв глаза, она увидела Эллен, стоявшую возле небольшого платяного шкафчика.

– Что ты делаешь? – сонно спросила Катриона.

– Убираю ваши одежды, любимая моя, Конолл привез их из Гленкерка.

У Катрионы сон как рукой сняло.

– Где Патрик?

– Уехал на рассвете. Сказал, будет отслеживать оленя для нашего стола.

– Дай мне чистую рубашку и бриджи, Эллен. Хотя уже поздно, я поскачу на утреннюю прогулку.

Катриона перекинула ноги через край кровати. Эллен глубоко вздохнула:

– Не могу, госпожа, и не стоит трудиться изливать на меня свой гнев. Милорд отослал вашу Бану и мою Рыжуху домой в Гленкерк.

Катриона яростно выругалась.

– Похотливый ублюдок! Пусть знает, что, когда мне потребуется, я уйду пешком! Если он возвратится сюда, то я не останусь и на одну ночь!

– Он также приказал, – продолжила Эллен, – чтобы вы несколько дней не выходили из дома. Если вы ослушаетесь, сказал граф, можете уйти голой или в ночной рубашке. Мне приказано не давать вам другой одежды.

Катриону захлестнула волна ярости, но она подавила ее, ибо верная Эллен ни в чем не была виновата.

– Дай мне хоть что-нибудь надеть, – устало проговорила пленница, – и особо не выбирай, потому что мне все равно. Он все с меня стащит, потому что от своей шлюхи он желает только одного.

– Госпожа Кат, – ласково упрекнула ее Эллен, – граф – ваш суженый, и вы скоро станете мужем и женой. Он уже и сейчас был бы вашим супругом, если бы вы не обманулись в нем и не убежали.

– Боже, Элли! Он, значит, и тебя переманил на свою сторону?

Служанка промолчала и вручила Катрионе ночную рубашку из бирюзового шелка.

– Принесу вам что-нибудь поесть, – сказала Эллен и вышла из комнаты.

Устало и равнодушно Катриона натянула рубашку на свое пышное тело. Затем, взяв щетку, снова опустилась на кровать и стала медленно расчесывать пряди золотистых волос. Итак, он решил, что, отобрав у нее лошадь и одежду, сможет держать ее пленницей. Что ж, возможно, какое-то время он ее действительно продержит. Она выждет. Но в конце концов откроется же какая-нибудь из дверей, и тогда она снова убежит от него. Уже больше не имело значения, спал он с Фионой или не спал – хотя Катриона и была рада, что нет. Сейчас значило только то, что она не могла позволить ему завладеть Катрионной Хэй и не позволит. Никто не был над ней властелином. Пока Патрик Лесли не поймет, что она – личность, а не просто его продолжение, придется бороться с ним изо всех сил.

Неся поднос, вошла Эллен.

– Свежий хлеб, только что из печи! Полкролика поджарила на огне. Медовые соты и коричневый эль.

Катриона почувствовала голод.

– Ну, если вы так кушаете, то с вами все в порядке, – обрадовалась Эллен.

– В трудный час отказывается от еды только помешанный, – ответила Катриона. – Если мне надо придумать, как убежать от его сиятельства, то я должна поддерживать свои силы.

– Госпожа Кат! Я не знаю, почему граф терпит вас, если только вас не любит!

– Любит? Чепуха, Элли! Он полагает, что владеет мной, и ему приятно показывать свое превосходство, насмехаясь над моим телом.

Эллен пожалала плечами. Она не могла взять в толк, почему Катриона так говорит. Забрав пустой поднос, она вышла из спальни, покачивая головой.

Катриона начала расхаживать по комнате. Еще вчера это было просто место, где она спала. Теперь спальня становилась ее тюрьмой. Возле дверей располагался небольшой камин, слева от него – ряд оконных переплетов, а справа находилось еще одно маленькое круглое окошечко, комната была небольшой и вмещала лишь просторную кровать с балдахином и занавесками напротив двери, низенький платяной шкафчик, стоявший возле кровати, небольшой столик у стены справа да стул у камина. На стене, неподалеку от двери, висело зеркало.

Катриона стояла у окна. Ее взору открывались часть долины, убегавшей вниз, и лес, в окружении которого стоял дом. Она увидела, что из этого леса показался Патрик. Он ехал верхом, и через седло был перекинут олень-самец. Конолл выбежал навстречу и, взвалив добычу себе на плечи, пошагал в конюшню. Граф двинулся следом. Катриона открыла дверь и позвала Эллен.

– Приготовь на кухне ванну для графа, Элли. Он только что привез оленя и вместе с Коноллом сейчас разделывает тушу. Я не хочу, чтобы он капал потом кровью по всей моей спальне.

Когда час спустя вошел Патрик, обернутый одним лишь толстым полотенцем, Катриона не смогла сдержать улыбку. Он усмехнулся в ответ:

– Видите, мадам, я исполнил ваше повеление. Подойдите же и поцелуйте меня.

Катриона робко приблизилась и, обвив шею графа руками, поцеловала его.

– Господи, сладкая ты моя, – пробормотал он, пробежав своими большими ладонями по ее телу, обтянутому шелком, и спрятав лицо на груди у любимой.

– Пожалуйста, Патрик... – прошептала она.

– Пожалуйста... что? – хрипло спросил граф.

Он увлек Катриону к зеркалу и, встав позади, нежно потянул с нее рубашку. Сильными руками он накрыл ее прелестные груди, и соски немедленно восстали.

– Посмотри на себя, Кат! Я еще только прикасаюсь к тебе, а ты уже меня жаждешь!

– Нет! Нет! – возмутилась она, крепко зажмурив глаза, чтобы не смотреть в зеркало.

Патрик ласково засмеялся и, встав к ней лицом, принялся нежно гладить ее шею, губы, веки своими губами. Потом его губы начали спускаться к груди. Граф встал на колени и, нежно, но твердо удерживая Катриону за талию, стал целовать ее живот, и чем ниже опускались его губы, тем крепче они целовали и, найдя наконец маленькую родинку, нежно прикоснулись к ней. Катриона начала тихо всхлипывать.

– Не надо, голубка, – ласково сказал граф. – Не надо стыдиться, что ты женщина и наслаждаешься этим.

– И ты с самого начала знал это? – удивилась Кат.

– Да, – ответил он, увлекая ее на пол и укладывая перед потрескивающим пламенем камина. – Знал. У меня было достаточно много женщин, и я научился безошибочно распознавать, когда им это нравится, даже если они отбиваются, словно демоны, и клянутся, что ненавидят меня.

– Ненавижу тебя, – не унималась Катриона.

Он засмеялся:

– Тогда в ближайшее время у тебя будет повод ненавидеть меня еще больше.

Граф проворно раздвинул ей ноги и всунул свой налитой мужской орган в мягкую женскую плоть. Катриона вздрогнула и попыталась вывернуться.

– Ну нет, голубка! Прошлой ночью я сказал, что ты принадлежишь мне. А что я говорю, моя сладкая Кат, от того не отступаю.

Промчалась весна, пришел и ушел День святого Иоанна. А граф Гленкерк все еще не выпускал свою прекрасную пленницу. Сам он часто велел седлать кобылу и уезжал в Гленкерк, куда спускаться было целых два часа, и там занимался делами своего поместья. Часто Патрик охотился, добывая пропитание для обитателей маленького дома. Но ни одной ночи он не проводил без Катрионы.

Хотя Катриона никогда бы в этом не призналась будущему мужу, она теперь жила в ожидании его ночных объятий. Ведь эта юная женщина была здоровой и сильной, и что бы ни говорила, она любила своего красавца жениха. Что же до графа, то он пылал к ней неистовой страстью. И не раздумывая убил бы любого мужчину, который осмелился бы взглянуть на его суженую хотя бы с малейшим любопытством.

Дни становились теплее и длиннее. Патрик стал часто сажать невесту на свою лошадь и пускался вскачь по лесам и высоким луговым травам. Несколько раз они предавались любовным утехам среди свежего вереска, пронизанного солнечными лучами. Катриона была горяча, как вино, и сладка, как мед. Патрик все больше удивлялся – как это он, никогда ранее не остававшийся верным одной женщине больше чем неделю или две, теперь испытывал страх при одной только мысли, что придется возвращаться в Гленкерк и делить невесту пусть даже со своей семьей.

Но возвращение близилось. Катриона еще не догадывалась о том, что месячные у нее прекратились в связи с предстоящим материнством. А Эллен уже подумывала о том, как подликатнее обратить внимание своей молодой госпожи на это обстоятельство. Однажды утром такая возможность представилась.

Граф поднялся спозаранку и по делам отправился в Гленкерк. Эллен весело вошла в комнату Катрионы, неся на подносе небольшой пирог с дичью, который только что вынула из печи.

– Ваш любимый, госпожа Кат. Разве не чудесно пахнет? – ликовала она, поводя подносом перед Катрионой.

Но та вдруг изменилась в лице и побледнела. Спрыгнув с кровати, она схватила со стола тазик и нагнулась над ним; ее вырвало.

– Ох, – сочувственно произнесла Эллен, поставив поднос и вытирая влажный лоб девушки льняным полотенцем. – Ложитесь-ка вы обратно в постель, моя дорогая госпожа. – И она поплотнее закутала Катриону. – Что за скверный мальчуган так докучает маме!

Катриона устала на служанку, словно на полоумную.

– И что ты там бормочешь, Элли? Убери ты этот проклятый пирог, а не то меня снова вырвет! Принеси попить коричневого эля, а к нему лепешек.

Эллен убрала злополучный пирог и вернулась через несколько минут с тем, что велели. Она наблюдала, как Катриона медленно и осторожно тянула эль, а затем, очевидно, оправившись, с волчьим аппетитом съела лепешки.

– Как вы теперь себя чувствуете?

– Уже лучше. Ума не приложу, что это вызвало у меня такую рвоту? И это ведь уже третий раз за последнюю неделю. Как ты думаешь, Элли, не могло в кладовке что-нибудь испортиться?

– Госпожа Кат! – Эллен уже теряла терпение. – Вы же беременны! Он засадил вам в живот своего ребенка, и теперь мы можем отправляться домой!

Зеленые глаза Катрионы широко раскрылись.

– Нет, – прошептала она. – Нет, нет, нет!

– Да! И он у вас растет! В этом нет никаких сомнений. Граф будет так счастлив!

Катриона в ярости накинулась на Эллен:

– Если ты осмелишься сказать ему, то я вырежу твой подлый язык! Понимаешь?

– Миледи!..

На миг Катриона закрыла глаза. Открыв их снова, она заговорила спокойно и тихо:

– Я сама извещу лорда о своем положении, но не сейчас. Как только он узнает, то тотчас же отправит меня в Гленкерк. А я пока не хочу оставлять А-Куил. Ну пожалуйста, Эллен. Ведь пока дело зашло недалеко. Время еще есть.

У Эллен от природы было мягкое сердце. А мысль о том, что молодая госпожа хочет еще немного побыть наедине с графом, привела ее в восторг.

– Когда кровь была в последний раз? – спросила она.

Катриона на мгновение задумалась.

– В начале мая.

– Ах, моя милая, уже истекли добрых три месяца! – воскликнула Эллен. – И ничего, с неделю или около того еще можно подождать, а потом известим его светлость. Наследник будет зимним ребенком.

– Никаких намеков, Элли. Никаких лукавых взглядов. Я преподнесу графу сюрприз.

И она, быть может, сама обо всем сказала бы Патрику, а потом покорно отправилась в Гленкерк, если бы он сам все не испортил. Задержавшись в поместье на три дня и три ночи из-за какого-то незначительного обстоятельства, граф вернулся обратно в А-Куил похотливым, словно молодой жеребец.

Катриона совсем уже было собралась открыться будущему супругу и радостно побежала приветствовать его. Но, не говоря ни слова, он просто схватил ее в объятия и понес в спальню. Без предваряющих комплиментов или любезностей граф сорвал с нее одежду и жестом приказал лечь на кровать. Грубо задрал ночную рубашку, он вонзил в нежную плоть свой член. Катриона была возмущена.

Удовлетворившись на какое-то время, граф сел, опершись на подушки, и властно притянул ее к себе. Патрик всегда любил трогать у Кат груди и теперь принялся жадно ласкать их. Но они уже начали набухать из-за беременности, прикосновения были болезненными и рассердили ее. Еще больше граф обидел девушку своим хихиканьем.

– По-моему, эти сладкие сосочки все растут и растут, Кат. – Он игриво сжал их. – Любовь и нежность мужчины творят чудеса, а, голубка?

Патрика должно было насторожить напряженное молчание невесты, но его голова была занята другими заботами, а тело снова жаждало ее. Он взял Катриону еще раз, а затем столкнул с постели и, похлопав по ягодицам, попросил подать обед.

Девушка спустилась на кухню. Эллен давно уже отошла ко сну, так что Катрионе самой пришлось собрать поднос, положив туда половину жареной курицы, холодный пирог с дичью, хлеб, масло, медовые соты, кувшин пенистого коричневого эля, в который она бросила щепотку ароматных сушеных трав. У графа сегодня будет прекрасный сон.

Все это она подала жениху с нежной заботливостью и даже почувствовала себя виноватой, когда он сказал:

– Ты станешь самой красивой графиней, какую когда-либо видел Гленкерк. Боже милостивый, моя голубка! Как же я люблю тебя!

Сонное травяное зелье уже начинало действовать, Патрик уснул.

С раннего детства она умела просыпаться, когда того хотела. Было еще темно. Поднявшись с постели, Катриона надела льняную рубашку и штаны для верховой езды. Наскоро собрав небольшой тюк и прихватив теплый плащ Гленкерка, девушка выскользнула из комнаты и спустилась по лестнице. До рассвета оставалось еще целых три часа. Она прокрадлась в конюшню. Наверху, в комнатке на чердаке, громко храпела Эллен. Ее брат Конолл, как было известно всем, спал сейчас примерно в полумиле отсюда у своей любовницы. Катриона тихо оседлала Дерга. Надев поводья на конолловского Файна, она вывела обеих лошадей из конюшни.

Прошагав добрую четверть мили, Катриона села на Дерга и, ведя за собой на поводу Файна, поскакала галопом в сторону Грейхевена. Она рассчитывала попасть туда прежде, чем проснутся слуги. Дома она заберет свою одежду, драгоценности и немного золота из тайника отца.

Осуществив эти намерения, Катриона поспешила на большую дорогу, не забыв перед этим ударом уздечки отослать Файна – Катриона знала, что лошадь тотчас отправится в свою конюшню в Гленкерке.

Беглянка ехала, пожевывая овсяные лепешки и посмеиваясь про себя. Она таки перехитрила Патрика! В последние недели граф был таким добрым и любящим, что, казалось, принял ее как равную. Той памятной ночью, однако, он сказал, как это обстоит на самом деле. И сомневаться уже не приходилось. Она была его собственностью, нужной только для того, чтобы выводить сыновей. Что ж, скоро Патрик увидит, как сильно ошибся, выдав желаемое за должное. Она не рабыня.

Катриона прищипорила Дерга, пустив его галопом.

Неужели Патрик и в самом деле полагал, что, отобрав у нее Бану, помешает ей убежать?.. Если бы он столько же времени уделял тому, чтобы узнать женщину Катриону Хэй, сколько тратил на познание ее тела, то очень быстро обнаружил бы, что не существовало лошади, с которой она не могла бы совладать. Катрионе доставило бы огромное удовольствие узнать, что именно это и обнаружил в тот самый миг Патрик Лесли...

Граф проснулся поутру с головной болью и странным привкусом во рту. Протянув руку, он понял, что Катрионы в постели нет. Чьи-то бешеные удары в дверь мучительно отзывались в его голове.

– Войдите, черт возьми! – закричал Патрик. В комнату ввалились Эллен и Конолл и разом запричитали.

– Тихо! – приказал граф. – По одному! Эллен, ты первой.

– Она сбежала, милорд. Госпожа Катриона сбежала. Забрала обеих лошадей и сбежала.

– Когда?

– Ночью. Мне очень жаль, милорд. Я всегда сплю как убитая до шести утра и ничего не слышу.

– А ты где был? – спросил Патрик, повернувшись к Коноллу. – Нет, не отвечай, я и так знаю. Умчался кидать палки своей пастушке. Проклятие! – выругался граф. – Когда я поймаю ее, она целый месяц у меня не сможет сидеть!

Но Эллен набросилась на него:

– Вы и пальцем госпожу Катриону не тронете! Моя бедная девочка! Уже больше трех месяцев, как она беременна вашим ребенком. И деточка уже собралась сообщить вам об этом, когда вы вернетесь из Гленкерка. Что вы сделали для того, чтобы Кат убежала? Моя бедная Кат! Что-то такое вы наверняка уж сделали!

Патрик покраснел.

– Так! – поняла Эллен. – И что же это было?

– Только любовь, – возразил Патрик. – Я целых три дня ее не видел!

– Если бы вы, мужчины Лесли, больше думали головой и меньше членом! Итак, значит, любовь? Понятно. – Эллен окинула спальню рассерженным взглядом. – Приехав домой и даже ни о чем не расспросив свою невесту, вы завалили ее. Один раз или два? А затем, держу пари, вы попросили ужин.

Лицо графа залила краска стыда.

Эллен презрительно фыркнула.

– Боже мой! Куда девался ваш рассудок? – продолжала она горестно. – Если бы вы были англичанином или французом, тогда можно было бы ожидать таких глупостей. Но каждый

шотландец знает, что шотландская женщина – самое независимое существо на свете! Что ж, теперь у нее над вами хорошая фора, и так просто на этот раз вы ее не отыщете.

– Она не могла уйти далеко, – сказал Патрик. – Поскакала наверняка домой к матери.

Эллен печально покачала головой:

– Не думаю, милорд. Если она и поскакала в Грейхевен, то лишь затем, чтобы забрать свои драгоценности и, возможно, украсть у отца немного золота. Но куда она скроется дальше, милорд, я не знаю. Прежде она ни разу не выезжала за границы округа.

– Я полагал, что ее драгоценности в Гленкерке, – удивился граф.

– Нет, милорд. Когда госпожа Катриона убежала от вас в феврале, я отвезла их обратно в Грейхевен, и она знала об этом.

Какое-то мгновение Патрик Лесли выглядел подавленным. Затем он спустил ноги с кровати и поднялся. Не говоря ни слова, Эллен подала ему бриджи и вышла из комнаты.

Граф обратился к Коноллу:

– Где здесь поблизости есть лошади?

– В долине. Самая ближняя ферма – Гэвина Шоу.

– Иди, – велел граф. – Встретимся там.

Конолл кивнул и вышел. Одевшись, Патрик спустился на кухню. Эллен подала ему большой кусок хлеба с беконом.

– Пожуйте на ходу.

Граф поблагодарил кивком.

– Собери здесь все мои вещи, Эллен. Я пришлю за ними кого-нибудь самое позднее попозднее. Не останешься ли ты в Гленкерке, пока я разыскиваю Кат? Теперь ты потребуешься ей больше, чем когда-либо.

– Останусь, милорд. Ее покои все еще не подновили как следует, да надо к тому же приготовить и детскую.

Просияв, Гленкерк вышел из дома и стал спускаться в долину на ферму Шоу.

Несколько часов спустя Патрик Лесли убедился в правоте Эллен. Катрионы в Грейхевене не оказалось, и проверка показала, что отсутствуют ее драгоценности вместе с доброй порцией фамильного золота.

Патрик поскакал в Сайтен, а позже заехал в поместье к Рут. Ни там, ни там Катрионы не было. В Гленкерке его прелестная мать обругала сына за глупость таким голосом, какого он никогда в жизни у родительницы не слышал, она потребовала найти Катриону и ее будущего внука.

– Джеймс управится с поместьем, пока тебя не будет, – сказала она. – К сожалению, Адам и Фиона уехали в Эдинбург. Они собираются во Францию навестить наших кузенов.

– Мама, я не знаю, где искать Кат.

Она взглянула на него с жалостью.

– У тебя меньше шести месяцев, сын мой. И если не найдешь, то следующий законный Гленкерк родится вне брака.

Застонав от отчаяния, он покинул комнату. Если бы в этот момент Катриона Хэй увидела расстроенное лицо графа, то она была бы довольна.

8

Фиона Лесли прикрыла капюшоном свое привлекательное лицо. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ней не следят, она тихонько проскользнула в таверну «Роза и чертополох».

– Я ищу госпожу Абернети, – сказала она хозяину.

– Наверх по лестнице и направо.

Фиона поднялась по ступенькам. Она совсем не представляла, кто была эта Абернети, но когда на улице какой-то мальчишка сунул ей в руку записку, любопытство взяло верх над осмотрительностью. Она постучала в дверь и, услышав приглашение, вошла в комнату. Стоявшая возле окна женщина обернулась.

– Кат! – охнула Фиона.

– Закрой дверь, дорогая, и садись.

Гостья расправила свои черные бархатные юбки и посмотрела на красавицу кузину.

– А я-то думала, что Гленкерк заточил тебя в А-Куиле. Что ты здесь делаешь?

– Я снова убежала от него и прошу твоей помощи.

– Боже мой! Глупая ты, Кат! – вздохнула Фиона. – Я обещала Адаму, что если мы снова встретимся, то скажу тебе правду. Я никогда не спала с Гленкерком, хотя прежде, чем его брат взял меня, я прямо сгорала от страсти. – Она жалобно усмехнулась. – На самом-то деле он меня не захотел. Я тогда лежала у него на кровати в чем мать родила, а он не захотел взять меня! Только тебя хотел. Такова правда.

Катриона улыбнулась:

– Спасибо, Фиона. Спасибо, что сказала. Патрик говорил, что не спал с тобой, и хотя мне хотелось ему верить, только теперь я верю по-настоящему.

– Но тогда что ты делаешь здесь, в Эдинбурге? Уверена, что бедный Гленкерк не знает, где ты.

– Нет, не знает. Он, вероятно, меня сейчас ищет, но я не вернусь к нему. Не вернусь, пока он не признает меня за человеческое существо, а не за племенную кобылу. Помогите мне, Фиона! Я знаю, кузина, мы никогда не были близки, но я надеюсь, что ты поймешь. Эллен сказала, что вы с Адамом скоро отправитесь во Францию. Позволь мне остановиться в вашем доме. Никто не должен об этом знать, даже Адам. Там мне будет спокойнее, чем где-нибудь в другом месте. Патрику не придет в голову искать меня в Эдинбурге, а тем более в вашем доме.

Фиона прикусила губу и задумалась. Катриона вскоре станет графиней Гленкерк, а такую подругу иметь не помешает. И однако, если Адам узнает, что они с Катрионой объединились против его брата, то снова накажет ее тем ужасным способом, какой применял уже дважды.

Смотреть в бессилии, как собственный муж предается любви с другой женщиной, оказалось самым страшным мучением, какое только существует на свете. А с кузиной, рассказав ей правду, она уже полностью расквиталась.

Катриона встала и умоляюще протянула руки:

– Пожалуйста, Фиона.

Опытный глаз Фионы подметил, что живот у Катрионы несколько округлился, чего, конечно же, никогда раньше не наблюдалось.

– Боже мой, кузина! Ты беременна!

– Да, – с горечью призналась Кат. – И знаешь, что он мне сказал, Фиона? Что я та «штука», на которой он будет строгать своих сыновей. Ненавижу его!

Фиона усомнилась в последних словах кузины, но поняла ее чувства. Уж больно горды эти мужчины Лесли! Ведь Катриона только-то и хотела, чтобы Гленкерк признал в ней личность. Через несколько месяцев он совсем обезумеет и будет готов согласиться на все, лишь бы сын родился законным.

Фиона поняла, что временная разлука принесет пользу и жениху, и невесте. К тому же она решила отомстить человеку, который пренебрег ею. Повернувшись к Катрионе, она сказала:

– Дом твой, дорогая. Только я уже отпустила слуг.

– Мне никого не надо.

– Не глупи, цыпочка. Кого-то обязательно надо. Я пошлю записку миссис Керр. Она обычно присматривает за домом, когда меня нет. Я расскажу ей о своей кузине – госпоже

Кэйт Абернети, которая овдовела и приезжает пожить в моем доме. Я попрошу ее позаботиться о бедняжке. У тебя хватит денег?

– Думаю, что да. И к тому же я привезла свои драгоценности.

– Если деньги кончатся или понадобится что-нибудь заложить, то отправляйся к Кира на улицу Голдсмита-лейн. И немедленно сходи к доктору Роберту Рамсею. Он живет тут рядом, через несколько домов, за углом на Хай-стрит. Помни, что ты носишь наследника Гленкерков.

– Спасибо, Фиона, – нежно сказала Кат. Внезапно она наклонилась и поцеловала кузину.

– Мы выезжаем завтра утром, – сердито продолжала Фиона, – а ты приходи в полдень. Миссис Керр откроет тебе и передаст ключи.

Она поднялась и, надвинув капюшон, сказала:

– Поскорее помирись с Патриком, Кат. Лесли бывают надменны, но, клянусь Богом, это мужчины.

На следующий день Катриона переехала из таверны «Роза и чертополох» в дом Фионы. Первоначально этот дом принадлежал их общей бабушке – Фионе Абернети, жене первого графа Сайтена. И прабабка кузин считала, что особняк должен отойти Фионе. Воля Мэм была исполнена.

Сам по себе дом оказался невелик. Построенный лет семьдесят назад, он был сложен из красного кирпича, обильно увитого с трех сторон плющом. В подвальном помещении размещались удобная кухня, кладовая, буфетная и умывальня с несколькими большими чанами для стирки. Первый этаж занимали прелестная столовая, салон, небольшая семейная гостиная, окна которой открывались в сад, и еще библиотека, полная книг. На втором этаже располагались четыре спальни, каждая со своей гардеробной. Мансарда была отведена под комнаты для служанок. При доме имелась небольшая конюшня, куда Катриона поставила Дерга, и чудный сад, деревья которого давали тень в жаркие дни, где было полно цветов и душистых трав. Поскольку особняк стоял немного в стороне от модной Хай-стрит, движения было мало, все дышало тишиной и спокойствием.

Миссис Керр, пухлая вдовушка средних лет, мягкая и доброжелательная, выразила Катрионе свое сочувствие. Она доверительно поведала, что и сама оказалась когда-то в подобном положении: ее мужа застрелили на границе в схватке с англичанами, а она в это время была уже на шестом месяце беременности. Ребенка пришлось растить одной. Однако каким славным парнем он стал! Теперь проходит обучение у мясника.

– Моя кузина леди Лесли рассказала вам, как умер мой муж? – спросила Катриона.

Миссис Керр покачала головой.

– Тоже в пограничном бою, – печально продолжила Катриона. – В Чиовио, всего два месяца назад.

– Да, – сочувственно кивнула женщина, – я помню об этом случае. Но англичане потеряли тогда больше парней, чем мы.

Снова оставшись одна, Катриона довольно посмеивалась. В Кэйт Абернети скоро поверят все. Она угадала в миссис Керр сплетницу – добрую душу, но большую любительницу посудачить о чужих делах.

На следующий день Катриона последовала совету Фионы и посетила доктора Рамсея. Тот осмотрел ее и сказал:

– Если только не случится чего-то непредвиденного, я вряд ли вам понадоблюсь, дорогая. Там растет славный здоровый парнишка, и ваша миссис Керр, должно быть, сумеет его принять безо всяких затруднений. Но если я вам все-таки потребуюсь, то посылайте за мной без колебаний.

Устроившись в доме кузины, Кат, к своему удивлению, обнаружила, что не перестала радоваться жизни. Ее больше не тошнило по утрам, прежний аппетит восстанавливался. За всю свою жизнь она ни разу не оказывалась так далеко от дома. Ни матери. Ни отца. Ни Гленкерка.

Ни Эллен. Ни перед кем не надо отчитываться, кроме как перед самой собой. Правда, каждое утро приходила миссис Керр. Она прибирала в доме и смотрела за тем, чтобы ее подопечная была накормлена. Но каждый вечер женщина уходила еще до наступления темноты.

Стояла осень, и Катриона, изучая город, подолгу бродила по самым богатым улицам Эдинбурга. Беременную женщину со скромными манерами, одетую в простое, хотя и дорогое платье, никто не беспокоил. По мере того как дни становились холоднее, она ограничила свои прогулки садом и короткими походами на рынок с миссис Керр.

Эти вылазки приводили Катриону в восторг. Сопровождая свою экономку, она открыла для себя новый удивительный мир. Позже миссис Керр расширила границы этого мира: она взяла молодую женщину покупать ткань на одежду будущему младенцу. И вскоре уже сама Катриона говорила:

– Миссис Керр, мне нужно сходить в галантерейную лавку. Кажется, у меня кончается этот прелестный голубой шелк для детских чепчиков. Нужно ли что-нибудь от мясника, раз уж я прохожу мимо?

Миссис Керр вовсе не казалось странным, что ее молодая госпожа была столь несведуща в повседневных делах. Катриона объяснила славной женщине, что рано осталась сиротой и росла в сельском монастыре. Тогда это была обычная история.

Дни становились все короче, и, решив, что молодая дама не должна по вечерам оставаться одна, миссис Керр привела за ней ухаживать свою двадцатилетнюю племянницу по имени Салли. Эта девушка была похожа на свою тетку – такая же пухлая и жизнерадостная. Ее присутствие скрашивало одиночество Катрионы. Молодые женщины вместе шили, или Катриона читала вслух, уютно устроившись перед камином. Будущая мать настолько привязалась к новой подруге, что спросила, не останется ли та и потом, когда придется смотреть за ребенком. Салли с радостью согласилась.

Фиона и Адам отпраздновали Рождество в Париже со своими кузенами Лесли. На Новый год пришли поздравления из Гленкерка. В них, среди прочего, сообщалось, что Патрик до сих пор не сумел отыскать Катриону. Девка словно сквозь землю провалилась. Адам покачал головой и внимательно посмотрел на жену.

– Ты тоже мне когда-нибудь такое устроишь, дорогая?

– Нет, – ответила Фиона, стрельнув глазами.

Адам посмотрел внимательнее.

– Боже мой! – закричал он. – Ведь ты знаешь, где она! Знаешь! Так ли?

Его взгляд был ужасен, и Фиона перетрусилась.

– Кат в нашем эдинбургском доме. Она взяла с меня обещание никому не говорить об этом! Я думала, что она уже давно вернулась домой и вышла замуж за Гленкерка, – зачистила Фиона. Потом она рассмеялась. – Ей не занимать мужества, этой Кат! Что за молодчина!

– Ты ведь знаешь, – свирепо начал Адам, – как я тебя накажу, Фиона.

И тут Фиона вспыхнула. Если нашлась управа на Патрика, то, значит, найдется и на Адама. Попытка не пытка.

– Да, Лесли! – закричала она в ответ. – И я раздвину ноги перед первым мужчиной, который войдет в эту дверь. Я не позволю тебе больше обращаться со мной, как со скверным ребенком!

Какой-то миг они сверкали друг на друга глазами, а потом Адам засмеялся:

– А я и не предполагал, что вы с Кат так дружны.

– Мы и не были дружны, но теперь мы подруги по несчастью, нам обеим приходится бороться с надменностью Лесли. Твой ослухий брат назвал Катриону вещью, на которой он будет выводить своих сыновей. И если ты винишь кузину в том, что она сбежала, то я – нет!

– Я должен сообщить ему, Фиона, иначе невинное дитя родится вне брака.

– Знаю, – согласилась она. – Гленкерский курьер все еще здесь. Отправь письмо с ним. И, Адам, напиши Патрику, чтобы он обращался с Кат помягче. Кузина любит его, ты знаешь. Но бедняжка хочет, чтобы и Гленкерк любил ее – ее саму, а не только за детей, которых она может ему подарить. Твой брат должен обращаться с Катрионой уважительно. Так что во всем виноват он сам.

– По-моему, голубка, – насмешливо проговорил Адам, – замужество идет тебе на пользу. Ты набираешься мудрости.

Он увернулся от подушки, которая полетела ему в голову.

– Займись своим письмом, Адам, и приходи в постель, – ответила Фиона. – Кузина Лесли показала мне сегодня восхитительные картинки, и я прикидываю, сумеем ли мы их воспроизвести.

Она кокетливо глянула через плечо. Адам Лесли не мог отвести глаз от своей соблазнительной жены.

– Я буду самым прилежным учеником, мадам, – сказал он, ухарски подняв бровь.

9

Курьеру Лесли не составило труда добраться из Парижа до французского побережья, однако там ему пришлось остудить свой служивый пыл. Надвигалась жестокая зимняя буря, и ни один капитан не соглашался выходить в Северное море. Парень был бы вовсе не против надолго засесть в маленькой уютной таверне, наслаждаясь обильной пищей и прекрасным старым вином. Но он знал, что несет графу новость огромной важности. Лорд Адам дал ему золотой, добавив, что в Гленкерке будет еще один.

В конце концов одним ветреным, но солнечным утром курьер встал посреди пивной и, высоко подняв золотую монету, объявил:

– Она достанется тому настоящему мужчине, который благополучно доставит меня в Абердин! И еще одну монету он получит от моего хозяина, графа Гленкерка, когда мы прибудем на место!

Монета была выхвачена из его руки каким-то чернобородым моряком.

– Если ветер удержится, парень, – сказал он, – то я доставлю тебя в мгновение ока!

Утром второго февраля курьер добрался до Гленкерка. Там граф не только возместил ему истраченный золотой, но дал еще два. Капитан тоже получил обещанное вознаграждение.

В тот же день Патрик Лесли выехал из Гленкерка. Он остановился в аббатстве и попросил дядю Катрионы, аббата Чарлза Лесли, сопровождать его в Эдинбург.

– Нам придется поспешить, дядя. Хотя Эллен и говорит, что до родов осталось по крайней мере еще две недели, но с первым ребенком все может случиться.

Чарлз Лесли кивнул, удалился в свои покои и вернулся через несколько минут. Монашеского одеяния как не бывало. Аббат превратился в высокого крепкого мужчину, обутого в длинные сапоги и готового тотчас выехать верхом.

– Так мне будет удобнее, – объяснил он. – Я не буду выглядеть священником в этом еретическом городе.

Несколько дней спустя граф с аббатом стояли перед домом Фионы в Эдинбурге. Дверь открыла Салли. Увидев на пороге две представительные фигуры, она вытаращила глаза от удивления.

– Твоя хозяйка дома? – спросил граф.

– Она еще спит, милорд. – Салли впервые видела этого красивого незнакомца, но не сомневалась в его дворянском звании.

– Тогда мы подождем, – заявил Чарлз Лесли, входя в дом. – Я ее дядя.

Салли провела их в гостиную и отправилась за миссис Керр. Несколько минут спустя появилась экономка, неся на подносе вино и бисквиты.

– Я миссис Керр. Могу я узнать, какое дело вас привело, джентльмены? Моя хозяйка находится в настоящее время в очень деликатном положении.

– Она еще не родила? – тревожно спросил Патрик.

– Нет, сэр. Пока нет. Но в ближайшие дни это непременно случится.

– Скажите, миссис Керр, – осведомился аббат, – вы какой церкви – новой или старой?

Годы бесконечных религиозных распрей сделали горожан осмотрительными, но почему-то миссис Керр почувствовала доверие к этому человеку. Быстро оглядевшись по сторонам, она ответила без колебаний:

– Старой, сэр.

– Я аббат Гленкеркского аббатства, – представился старший мужчина. – А это мой племянник, граф Гленкерк.

Миссис Керр присела в реверансе.

– А ту молодую женщину, – продолжил аббат, – что именует себя миссис Абернети, на самом деле зовут леди Катриона Хэй, и она – нареченная графа. По причинам, в которые я не стану вдаваться, моя своенравная племянница уже дважды убегала со свадьбы. Теперь, однако, время глупостей кончилось. Через несколько дней родится сын графа. Он должен, конечно же, быть законным ребенком. Если вы любезно проводите нас в спальню моей племянницы, то мы повидаем ее сейчас же.

Ни слова не говоря, миссис Керр торопливо вышла из гостиной и поднялась по крутой лестнице. Аббат с графом последовали за женщиной. На втором этаже она остановилась и кивнула на одну из дверей.

– Вот комната моей госпожи. Вы разрешите мне разбудить ее, милорд?

Несколько минут спустя миссис Керр высунула в дверь голову и знаком велела мужчинам войти. Затем она удалилась и поспешила вниз по лестнице, чтобы успеть рассказать Салли об этом невероятном повороте событий.

Катриона Хэй, одетая в темно-зеленый бархатный пеньюар, стояла спиной к пылающему камину.

– Итак, дядя, что же привело вас сюда? – невозмутимо спросила она.

На какой-то краткий миг беглянка напомнила Чарлзу Лесли его бабушку Джанет.

– Я пришел услышать, что ты наконец-то обменяешься брачным обетом с Патриком.

– Такая долгая поездка – и впустую, – сказала она.

– Племянница! Роды уже совсем близко. Ты носишь в себе законного наследника Гленкерка. Разве ты хочешь отказать ребенку в том праве, которое полагается ему по рождению?

– Побереги слюну, дядюшка. Я не выйду за Патрика замуж. Да он и не хочет жену. Ему нужна племенная кобыла, которая будет рожать ему сыновей. Граф не сомневается, что владеет мной. Он сам мне так сказал.

Патрик содрогнулся.

– Пожалуйста, не говори так, Кат. Я люблю тебя, голубка. Я с ума сходил от беспокойства по тебе и по нашему ребенку. Пожалуйста, любовь моя! Это ведь моего сына ты носишь в себе!

– Нет, милорд. Не вашего сына. Ваше незаконнорожденное дитя!

Граф покачнулся, словно его ударили, и на какой-то миг Чарлз Лесли пожалел племянника. Не так-то просто будет добиться, чтобы Катриона произнесла свой брачный обет, но он ведь и сам не кротостью возвысился до звания аббата.

– Оставь нас, племянник.

Когда Патрик вышел и дверь за ним закрылась, Чарлз Лесли повернулся к племяннице:

– Хорошо, Катриона, давай поговорим. Я хочу знать все, что произошло между вами. Ведь год назад ты была готова выйти замуж за Патрика. Что же случилось такого, что вызвало этот разрыв?

Вздыхнув, она осторожно опустилась на стул.

– Сначала было простое недоразумение: Фиона заявила, что спала с ним, и я пришла в бешенство. А почему бы и нет? Ведь он говорил, что любит только меня и в то же время, оказывается, спал с другой женщиной.

– Ты могла бы спросить у него самого, дитя мое.

– Дядя! Слава графа бежала впереди него, а я была еще очень молода и неопытна. Когда он отыскал меня в А-Куиле, то побил и изнасиловал. Дядя, он заявил, что я – та вещь, на которой он станет выводить своих сыновей. И сказал, что я не смогу уйти домой, пока не понесу его ребенка, ибо тогда-то уж мне придется стать графиней, поскольку другого выхода у меня просто не будет.

Аббат мысленно поблагодарил Бога за то, что выбрал религиозную стезю. Женщины, особенно те, что рождались в его семье, оказывались иногда такими несносными!

Катриона продолжала:

– Он называл меня своей собственностью. Никому я не собственность! Когда Патрик признает меня за личность, а не только за часть себя самого, тогда я подумаю о замужестве.

Чарлз Лесли вздохнул. Дело обстояло хуже, чем он полагал. Но, осознав этот факт, он усмехнулся про себя. Племянница оказалась великолепным стратегом, и теперь она держала Гленкерка за глотку. Если Патрик хотел иметь сына, – а аббат даже мысли не допускал, что может родиться девочка, – тогда он должен согласиться на все ее требования. Аббат решил сыграть на материнских чувствах Катрионы.

– Разве ты не любишь своего ребенка, девочка?

– Нет. А что, должна?

Чарлз Лесли взорвался:

– Боже мой! Девочка моя! Ты самая нелепая мать, какую я когда-либо встречал! Не чувствовать любви к своему ребенку?!

Катриона засмеялась:

– Не говорите глупости, дядюшка. Почему у меня уже должны появиться какие-то чувства к этому ребенку? Я еще совсем не знаю его. Я никогда его не видела. Так чего же мне думать о нем? Глупости! А если мне пригрезится парень с голубыми глазами и рыжий, а родится кареглазый и шатен? – Катриона замолчала, а потом продолжила: – Или, еще хуже, белокурая девчушка? Что ж, дядюшка, я тогда сильно разочаруюсь. Не говоря уже о том, что мы с отцом ребенка находимся не в самых лучших отношениях.

Чарлз Лесли поджал губы.

– Ты нарочно привередничаешь и запутываешь все дело.

– Да, – тихо согласилась она. – Это от усталости. Я несу тяжелую ношу, дядюшка. Но не стесняйтесь и располагайтесь с Патриком здесь на ночлег. Если на обратном пути вы пришлете ко мне миссис Керр, то я распоряжусь насчет ваших удобств.

Аббат, сколь мог непринужденно, ретировался на первый этаж в библиотеку. Там с нетерпением ожидал Патрик. Чарлз Лесли покачал головой.

– Тут потребуется время, парень. Она чувствует свою силу и не расположена так просто мириться с тобой.

– Она должна!

– Нет, парень. Теперь постарайся быть осторожным. Ты полагал, что сможешь укротить девушку, а не смог. Это твоя первая ошибка. Она горда, и у нее в характере огромное стремление к независимости, о котором мне было известно и раньше. Катриона очень похожа на мою бабушку Джанет Лесли. Но вместе со своенравием у той была и мудрость.

– Уж не знаю, мудро ли она вела себя в возрасте Кат, – проворчал Патрик.

– Наверное, если пережить все, что пришлось пережить ей, – ответил Чарлз Лесли. – Однако, племянник, наша нынешняя забота – Катриона. Племянница очень сердится на тебя за то, что ты ей сказал и что потом сделал. Кат кажется, что ты хочешь жениться на ней не ради нее самой, а ради ее способности рожать. Теперь ты должен проявить снисхождение. Женщины перед родами имеют некоторые странности. Тебе следует понять это.

– Не знаю, чего она хочет, – пожаловался граф. – Я люблю ее. Разве этого мало?

– Мало, племянник, мало. Ты принимаешь в расчет только себя. Я сам не убежден, что до конца понимаю, чего хочет Катриона, но, по-моему, ей надо, чтобы ты проявил к ней интерес как к личности. Следует беседовать с ней, вместе обсуждать вопросы, затрагивающие вашу совместную жизнь, а не просто предъявлять свои требования. Катриона, в конце концов, хорошо воспитанная и образованная молодая женщина. Я думаю, Патрик, что ваши сложности в значительной мере проистекают из того, что прежде ты общался со слишком многими женщинами низкого пошиба, и теперь не знаешь, как обращаться с умной, благородной дамой. Катриона не забава. И пока ты не осознаешь это, она тебя не потерпит.

Граф зарделся. Но прежде, чем он смог сказать что-либо в свое оправдание, в дверях показалась миссис Керр и пригласила их отобедать.

– Присоединится ли к нам хозяйка? – спросил аббат.

– Нет, милорд. Она отдыхает.

Ели в молчании. Аббат с удовольствием отметил хороший стол. На обед подали вкусный суп с морковью, ячменем и жирной бараниной. Затем появились миски со свежепойманными устрицами, хорошо прожаренный говяжий окорок, аппетитный каплун, артишоки в уксусе и сдобная выпечка с кроличьим и оленьим мясом. Ко всему этому принесли горячий хлеб, только что вынутый из печи, и соленое масло.

Венчал трапезу домашний торт с грушами, яблоками, орехами и разными пряностями, а также изысканный сыр. Кубки раз за разом наполнялись добрым красным вином.

Деликатно срыгнув, аббат заметил:

– А тебе, племянник, не придется голодать, когда Катриона придет в твой дом.

– Если только для начала я смогу ее туда привести, – уныло ответил Патрик.

Время тянулось медленно, но наконец настал вечер, и Чарлз Лесли удалился в свою комнату, чтобы совершить молитвы и немножко соснуть. Не находя себе места, Патрик схватил плащ и отправился побродить по городу. Холодный февральский вечер предвещал снегопад. Никакие мысли не лезли Патрику в голову, и он бродил наугад, пытаясь утихомирить бушевавшие в душе чувства. Неожиданно на глаза ему попала небольшая ювелирная лавка, и он зашел внутрь. Хозяин, наметанным глазом опознавший богатого клиента, поспешил ему навстречу.

– У вас есть в продаже кольцо?

– Да, милорд. Если только милорд согласится присесть. – Он сделал знак подмастерью, который тотчас поспешил поднести стул.

Патрик сел.

– Дамское кольцо, – уточнил он.

– А-а! – понимающе улыбнулся ювелир. – Его светлость хочет что-нибудь для своей милой подруги...

Он щелкнул пальцами, и появился еще один подмастерье с подносом.

Патрик осмотрел изделия.

– Боже мой! – презрительно обронил он. – А получше этого у вас ничего не найдется? Я покупаю кольцо для жены, а не для шлюхи.

Вынесли новый поднос, и Патрик улыбнулся.

– Вот это больше похоже на дело, черт возьми!

На бледно-голубом бархате в гнездах располагались четыре кольца, бриллиантовая слеза, рубиновое сердце, круглый сапфир и квадратный изумруд. Каждое было в тяжелой золотой оправе. Граф тщательно изучил их по очереди, спрашивая цену. Наконец, выбрав кольцо с рубином, сказал:

– Беру это, но с одним условием.

– С каким же, милорд?

– Пошлите одного из ваших подмастерьев к банкирам Кира на Голдсмитс-лейн. Передайте им, что граф Гленкерк просит немедленной оценки.

Хозяин почтительно поклонился и велел одному из своих парней идти по указанному адресу. Ювелир не запрашивал лишнего, цены были честные, и теперь за это он благодарил Бога. Заполучить такого клиента, как граф Гленкерк, – большая удача. «Если граф купит кольцо, – думал торговец, – то жена займет новый плащ, с которым она приставала всю зиму, а любовница получит кружевной чепец, о котором давно мечтала». Вскоре подмастерье вернулся, ведя за собой какого-то человека.

– Бенджамен! – приветствовал граф, схватив вновь прибывшего за руку.

– Рад вас видеть, милорд. Как давно в Эдинбурге?

– Только сегодня приехал. И со мной мой дядя Чарлз. Мы остановились в доме брата неподалеку от Хай-стрит.

– Да, – сказал Бенджамен Кира, – я знаю этот дом. Я разговаривал с лордом Адамом и его женой, прежде чем они уехали во Францию.

Он улыбнулся графу.

– Итак, вы хотите приобрести драгоценности?

– Да, для моей будущей жены, леди Катрионы.

– Так, – задумчиво произнес Бенджамен Кира. Он вообще-то знал, что случилось у графа с невестой, но был слишком воспитан, чтобы это показать. – Кольцо, пожалуйста, маэстро ювелир.

Вставив себе в глаз маленькую лупу, он внимательно разглядывал рубин.

– Так... Да-да. Хм... Да. Хорошо. Очень хорошо! – Кира передал кольцо Патрику и повернулся к торговцу: – Что ж, маэстро Эйиди, прекрасный камень, хорошая оправа. Ваша цена?

Ювелир назвал.

– Очень справедливо, – подвел итог Кира. – Милорд, вы получаете прекрасную вещь задешево. Позвольте взглянуть на другие кольца из тех, которые вы показывали графу.

Бенджамен Кира снова повернулся к ювелиру. Он тщательно изучил бриллиант, сапфир и изумруд, а затем справился о цене каждого.

– Слишком дешево, – сказал он изумленному ювелиру. – Поднимите цену изумруда на двадцать процентов, а бриллианта и сапфира на десять.

Патрик велел проследить, чтобы ювелиру было уплачено. Поблагодарив банкира за оценку, он распрощался с обоими и покинул лавку.

Над городом повисли серо-синие сумерки. Большими липкими хлопьями начал падать снег. Быстрым шагом Гленкерк вернулся к дому брата. Салли отворила ему дверь и, помогая снять плащ и шляпу, пригласила пройти через зал в семейную гостиную.

– Там горит добрый огонь, милорд, и я принесу вам горячего вина с пряностями.

В гостиной Патрик обнаружил своего дядю вместе с Катрионой, поглощенных партией в шахматы. Они уютно расположились перед камином. Граф ничего не сказал, а просто сел неподалеку. Вошла Салли и поставила бокал возле него. Он медленно выпил, наслаждаясь сладостью вина, остротой пряностей и чудесным теплом, которое начало растекаться по его продрогшему телу.

– Шах и мат, – услышал он слова дяди.

– Вы слишком искусный шахматист для аббата, – сокрушалась Катриона.

– Я обычно выигрываю то, что ставлю целью выиграть, – был ответ.

– В вас говорит Лесли, – засмеялась Катриона. – По-моему, вы на что-то намекаете, дядюшка.

– Да, дитя мое. Какими бы ни были ваши отношения с Патриком, ребенок ни в чем не виноват. Не позволяй ему родиться без имени.

– О! Без имени он не останется! Я собираюсь назвать его Джеймсом, в честь короля. Я видела однажды, как этот парень выезжал верхом. Такой напыщенный мальчуган, но большой красавчик.

Гленкерк закусил губу, чтобы удержаться от смеха. Шалунья, конечно же, нарочно подкалывала аббата и играла свою игру блестяще. Чарлз Лесли очень не по-аббатски разразился целым потоком гаэльских проклятий. Катриона поднялась и присела в реверансе.

– Спокойной ночи, дядя. Я что-то опять устала, – сказала она, покидая комнату.

А Патрика будто и не заметила.

– Кто-то должен отшлепать эту строптивую девку по задку, – прорычал аббат.

– Я уже пробовал, – ответил граф. – Но никакой пользы это не принесло.

Аббат фыркнул:

– Завтра я снова поговорю с ней. А теперь отправлюсь в постель. Ночью следует хорошо отдохнуть, раз уж придется вести борьбу с Катрионой Хэй.

Патрик стоял у окна и смотрел, как падает снег, хлопья которого давно уже покрыли и крыши домов, и пустынную улицу. Дверь гостиной открылась, и вошла Салли с подносом.

– Госпожа подумала, что после прогулки вы проголодались, милорд. Они с дядей поели раньше. – Служанка поставила поднос на стол у камина. – Я скоро вернусь. Поешьте же!

На подносе стояли миска с дымящимися вареными креветками, тарелка с двумя толстыми ломтями холодной ветчины, маленькая горячая буханочка хлеба, блюдо с несоленым маслом и кувшин коричневого эля. Патрик с аппетитом проглотил все эти кушанья. Вернувшись, Салли принесла тарелку теплого песочного печенья и большую миску блестящих красных яблок. Граф съел все печенье и два яблока. Салли, убирая поднос, тепло ему улыбнулась.

– Приятно смотреть, как вы кушаете, милорд! Прямо как мой брат Нац. А теперь, сэр, если вы посмотрите в том шкафу, – она показала на другой конец комнаты, – то обнаружите хорошее виски. Будут ли еще какие приказания, прежде чем я отправлюсь спать?

– Нет, девочка. Спасибо. Можешь идти.

Снова оставшись в одиночестве, граф налил себе виски и медленно выпил, наслаждаясь его продымленной остротой. «Уж Катриона всегда отыщет добрую винокурню, – тепло подумал он. – Кат! Ах, милая, я обидел тебя, и теперь мне придется пережить ужасные дни. Завтра дядюшка может разводить какую угодно дипломатию. Но я сам должен поговорить с тобой непременно сегодня».

Патрик поставил стакан и вышел из гостиной. Уходя, Салли оставила ему на столе возле лестницы зажженную свечу. Граф медленно поднялся по ступенькам, страшась того мига, когда окажется лицом к лицу с невестой. Остановившись перед ее дверью, он едва слышно постучал. На какое-то мгновение Гленкерк надеялся, что она уже уснула. Но дверь отворилась, за ней стояла Катриона в своем зеленом бархатном пенюаре. Ее тяжелые золотые волосы рассыпались по плечам. Язык у Патрика одеревенел, и он чувствовал себя дураком.

– Патрик, – тихо проговорила Катриона, – либо войди, либо уходи.

Она повернулась и пошла обратно в спальню. Граф шагнул следом, прикрыв за собой дверь. В камине горел огонь, освещавший комнату. Он понял, что поднял ее с постели. Не обращая внимания на жениха, Катриона снова забралась под теплые одеяла. Две огромные подушки подпирали ей спину. Патрик придвинул стул и сел.

– Итак, милорд, – произнесла она, складывая руки на своем огромном животе. – Я полагаю, что могу чувствовать себя в безопасности. Вряд ли сегодня вы пришли меня насиловать. Что же вам тогда нужно?

– Я хочу поговорить с тобой. Оставим дипломатию и такт нашему дядюшке аббату. Мы же можем сказать друг другу правду. Я дурак, Кат!

– Да, – согласилась она.

– Я люблю тебя, девочка! Что сделано, того не вернешь. Если ты не можешь простить меня, то можешь по крайней мере забыть мою грубость? Я сделаю все, чтобы вернуть тебя.

– Но можешь ли ты изменить образ своих мыслей, Патрик? Потому что моя цена именно такова. Я не буду твоей собственностью. Ни твоей, ни чьей-либо! Я не могу быть только женой Гленкерка. Я должна оставаться Катрионой Хэй Лесли. И если ты станешь воспринимать меня именно такой, твоему примеру последуют и другие. – Она нежно ему улыбнулась. – Ах, милый! По-моему, ты не совсем это понимаешь! Возможно, просто не в состоянии понять!

– Я пытаюсь, Кат... Ну а если я определю часть твоего приданого в твое собственное пользование?

– Это не совсем то, что я имею в виду, Патрик. Но если уж речь зашла об этом, то я точно тебе скажу, что мне требуется по части финансов. Капиталовложения, которые оставила мне бабушка, были включены в мое приданое. Этого не следовало делать. Они принадлежат мне одной, и я хочу получить их обратно. И А-Куил тоже мой. Усадьба принадлежала моей бабушке по отцу, она распорядилась записать ее на мое имя так же, как этот дом – на Фиону. Боже мой, Патрик! Ведь ты знал бабушку лучше, чем я, и помнишь, как важно для нее было, чтобы женщина в семье имела что-то свое.

– Конечно, ты можешь получить А-Куил обратно, – с готовностью сказал Патрик. – Но что до вложенных капиталов, любовь моя, то, поскольку ты совсем не разбираешься в финансах, я не могу позволить тебе растратить бабушкино наследство из-за какого-то каприза.

– Тогда нам незачем продолжать этот разговор, Патрик. Спокойной ночи. – Катриона отвернулась и замолчала.

Она не захотела говорить Гленкерку, что уже два года распорядилась бабушкиными капиталовложениями. Из многочисленных правнуков и правнучек Джанет Лесли Катриона Хэй стала самой богатой именно благодаря тому, что внимала Кира и училась у них, а ведь помощь этой семьи когда-то много значила и для самой Джанет. У Катрионы неожиданно обнаружились способности к финансовым операциям и почти сверхъестественный дар предвидения. Но она не захотела сообщать Патрику об этих открытиях. Граф должен был вернуть ей ее законную собственность. Катриону мало волновало, что именно подвигнет жениха на такой поступок, ибо она особенно и не ждала, что Гленкерк поймет ее чувства. Однако, уступая, он не должен подозревать о ее деловых способностях, поскольку иначе в этом не будет никакого смысла.

Катриона услышала, как дверь тихонько закрылась. Перевернувшись на спину, девушка оглядела комнату. Графа не было. Она почувствовала, как по щекам заструились слезы – горячие и соленые. Несмотря на свое внешне спокойное поведение, Кат была напугана. Она носила в себе следующего Гленкерка и не могла не желать, чтобы мальчик родился с обоими своими именами. Но она не уступит. Патрик будет ждать до тех пор, пока не выполнит ее условия. Ребенок во чреве шевельнулся, и она положила руки на живот.

– Не волнуйся, Джеми. Твой отец скоро будет смотреть на вещи по-нашему! – тихо прошептала Катриона.

Она была уверена, что это произойдет очень скоро, ибо сын мог появиться теперь в любой час. Ей было любопытно: испытывал ли Патрик такое же беспокойство, что и его невеста? Сомкнул ли он сегодня ночью глаза?

10

Снег шел всю ночь, и Эдинбург проснулся поутру весь сверкающий, серебристо-белый. Катриона поднялась с постели, сходила по нужде в ночной горшок и снова забралась под теплое одеяло. Несколько минут спустя пришла Салли, чтобы разжечь в камине огонь. Она принесла горячего молока со взбитыми яйцами и пряностями, целую тарелку горячих лепешек, с которых капало масло, и земляничный джем.

– Слава богу, – сказала Катриона, нагибаясь вперед, когда Салли взбивала ей подушки. – Сегодня утром у меня волчий аппетит. Бекона нет?

– Можно принести, миледи, – улыбнулась Салли. – Начните с того, что есть, а я скажу миссис Керр.

Катриона с жадностью отхлебнула молока и принялась за лепешки.

– Ты выглядишь, словно десятилетняя девочка, а вовсе не как женщина, которая вот-вот родит, – засмеялся Патрик, входя в комнату. – У тебя по всему лицу размазан джем. А вот и ваш бекон, мадам.

Граф элегантно пронес тарелку у нее под носом и поставил на столик.

– Спасибо, милорд. – Катриона схватила кусок и с наслаждением его сжевала.

– Можно ли мне позавтракать с тобой?

– Если хочешь.

– Салли, девочка, принеси!

Катриона подождала, пока Салли выйдет, и только тогда заговорила:

– Чувствуешь себя уверенно, да, Патрик?

– Проклятие, Кат! Неужели так теперь будет всегда?! Все время издеваешься!

– Пока не вернешь мне мое законное, вообще ничего не будет.

Катриона откусила лепешку, и масло потекло по ее маленькому подбородку.

– Ты подбиваешь меня показать, что я не блефую? – Граф едва сдерживал изумление.

– Да-а, – протянула она, глядя ему в лицо. – Не хочешь поспорить, что я еще и выиграю?

– А какие ставки, мадам?

– А-Куил против дома в Эдинбурге, который я сама выбираю.

– Если выиграешь, милая.

– Выиграю, – убежденно сказала Катриона, накидываясь на последний кусок бекона.

Граф засмеялся, любуясь ее возмутительной самоуверенностью. С этой стороны невесту он раньше не знал, и она ему нравилась.

– А если, – спросил Патрик, – я найму экипаж, не согласишься ли ты сегодня поехать со мной на прогулку?

– Соглашусь! Мои размеры теперь меня стесняют, и последние несколько недель я сидела взаперти.

У Бенджамена Кира нашлись сани, привезенные из Норвегии. Они были красного цвета, с черным и золотым рисунком. В них впрягались две лошади. Граф удобно устроил Катриону, обернув ее несколькими меховыми накидками, взял в руки поводья и пустил лошадей вскачь.

Катриона Хэй выглядела прелестно. Восхищенные взгляды прохожих, то и дело обращаемые на сани, всерьез досаждали Патрику. Однако один его огненный взгляд обескураживал любого сердцееда.

Катриона куталась в коричневый бархатный плащ. Капюшон, отделанный широкой полосой темного соболя, чудно обрамлял ее сердцевидное личико, на котором румянец играл, как кровь с молоком. Несколько прядей темно-золотистых волос выскользнули из-под капюшона и легли в восхитительном контрасте с темным мехом. Патрик ругался про себя. Ему таки

придется уступить ее требованиям! Дело было даже не в одном только имени сына. Он любил эту своенравную лисицу, и если даст ей снова убежать, то никогда не получит обратно.

– Я голодна, Гленкерк, – прервала его мысли Катриона.

– На окраине, голубка, есть одна отличная таверна. Думаю, туда можно заехать.

Граф лихо вогнал сани во двор «Роял Скотт» и, соскочив на землю, бросил вожжи пареньку-прислужнику. Катриона откинула меховые одежды и позволила Патрику взять ее на руки. Чтобы ей не пришлось шагать по глубокому снегу, он донес ее до самых дверей и только тогда поставил на ноги.

– Отдельную комнату, сэр? – спросил хозяин.

– Нет, дорогой. Общий зал нас вполне устроит, если только он не очень забит.

Их усадили за столик у окна перед большим камином. Патрик снял с невесты плащ. На ней было надето обманчиво-скромное свободное платье из коричневого бархата с кружевным, украшенным рюшами воротничком кремового цвета и такими же манжетами. Тяжелая золотая цепь с топазами смягчала строгость этого платья. Волосы рассыпались по плечам.

Не дожидаясь приказания, хозяин принес бокалы горячего вина с пряностями.

– Мы будем обедать, – сказал граф. – Принеси нам самого лучшего, что у тебя есть.

Они выпили по паре бокалов вина, а затем появился слуга, пошатывавшийся под весом подноса. На первое им подали по миске креветок с устрицами, приправленными изысканным соусом из разных трав. Рядом лежали свежий хлеб и масло, блюдо артишоков в уксусе с маслом и салат из капусты. Потом принесли жареную утку, коричневатую и хрустящую, со сладко-кислым лимонным соусом, три говяжьих ребра, тонко нарезанные розовые ломти молодого барашка на большом плоском блюде и красное вино с розмарином к нему. За всем этим последовали целая отварная форель, а также слоеные булочки, начиненные рубленой олениной, крольчатиной и фруктами. Последним блюдом оказалась большая миска запеченных в сметане груш и яблок, посыпанных цветным сахаром, и к ним еще и желе, засахаренные орехи и большой кусок сыра. Завершали обед вафли и маленькие стаканчики гиппокраса.

Катриона, никогда и раньше не проявлявшая робости за столом, ела с особым удовольствием, которое позабавило графа. Наконец она сказала:

– Что-то мне дремотно, Гленкерк! Отвези меня домой.

Патрик заплатил по счету и похвалил хозяина за прекрасную еду и за усердие. Дав всем на чай, граф снова усадил невесту в сани, укутал и повез домой. Когда, возвратив сани Бенджамену Кира, он вернулся обратно, то узнал от Салли, что ее госпожа удалилась в свою комнату. Гленкерк поднялся по лестнице и постучал, Катриона велела ему войти. Она уже успела сменить парадное платье на бледно-голубой шелковый халат и прилегла на кровать.

– Я ощущаю себя страшно толстой и очень тяжелой, – сказала она, – и намереваюсь проспать до самого вечера. – Катриона потянулась к графу и привлекла его к себе. – Спасибо, Патрик, мне так понравилась наша прогулка!

– И мне тоже, любовь моя, – ответил он, а потом наклонился и нежно ее поцеловал.

Катриона взяла его руку и положила на свой выступающий живот. Когда он почувствовал, как в ее чреве шевельнулось дитя, лицо его осветилось недоверчивым восторгом. Катриона засмеялась:

– Да, любимый! Мой Джеймс – сильный и здоровый малыш!

Она сказала «мой», а не «наш». Патрик про себя обиделся, но попытался не показывать этого и бодро сказал:

– Наш Джеймс, Кат. Он и мой сын.

– Нет, мой, лорд Гленкерк. Вчера я вам это уже сказала. Малыш мой. И ваш внебрачный. Патрик встал.

– Спокойной ночи, – сказал он тихо и вышел. Граф почти уже готов был уступить. Катриона понимала это. Она отлично знала, что Патрик хотел ее, и не только из-за ребенка. И она

не возражала, чтобы он желал ее тело, ибо она так же сильно желала его. Но до тех пор, пока Патрик не отдаст то, что должен, и не осознает свою неправоту, жить с ним она не сможет. Катриона заснула, размышляя о том, сколько же времени еще пройдет, пока граф признает поражение.

А пока она спала, Патрик узнал от своего дядюшки весьма любопытную новость. Утро аббат провел в библиотеке, ожидая возвращения племянника с племянницей. Он был чрезвычайно доволен собой, полагая, что его беседа с Катрионой уже начала приносить плоды. Когда Патрик вошел в библиотеку, Чарлз Лесли спросил:

- Итак, племянник! Когда я совершаю брачный обряд?
- Пока рановато, дядя. Она еще не готова принять решение.
- Господи! Что же она хочет?! Ты понимаешь ее? Я уже перестал.

Патрик засмеялся:

– Думаю, что уже понимаю ее вполне. Она не хочет, чтобы с ней обращались как с движимым имуществом.

– Чепуха, – отрезал аббат. – Что же такое женщина, как недвижимое имущество? Ведь даже еретики-протестанты с этим соглашаются.

– И тем не менее, – продолжал Патрик, – она хочет, чтобы с ней обращались как с равной, и убеждена, что ни А-Куил, ни капиталовложения, оставленные ей бабушкой, не должны были включаться в ее приданое. Кат хочет, чтобы они были возвращены, и заявляет, что не выйдет за меня до тех пор, пока не получит их.

Аббат минуту подумал и сказал:

– Бабушка действительно считала, что каждой женщине нужно чем-нибудь владеть, поэтому она и позаботилась, чтобы все ее внучки и правнучки, родившиеся до ее смерти, получили в наследство как небольшую собственность, так и определенные капиталовложения. Сумасшедшая мысль! Никакой судья не согласится поддержать такую чепуху! И если лорд Грейхевен включил А-Куил с капиталовложениями в приданое Катрионы, то они, конечно же, твои.

Слушая пространные рассуждения дядюшки, Патрик внезапно понял всю их несправедливость. Гнев Катрионы разом стал ему понятен.

– Я обещал ей вернуть А-Куил, – твердо сказал граф. – А производила ли она какие-либо операции со своими капиталовложениями? Или только получала дивиденды?

– Грейхевен что-то говорил однажды об этом, однако точно я не помню, о чем именно тогда шла речь. Тебе следует справиться у Кира.

– Я намереваюсь это сделать, – ответил Патрик, – но, дядя, если ты хочешь, чтобы мой сын родился законным, не говори Катрионе о нашем разговоре. Я повидаяюсь с Бенджаменом Кира. Если она, проснувшись, спросит обо мне, то я ушел на прогулку.

Но когда Катриона проснулась, то уже не думала о Патрике. Сильная боль пронизывала все ее тело. Девушка попыталась подняться на ноги, но едва успела это сделать, как по ногам уже полились струи воды. От испуга она громко закричала. Через несколько секунд в комнату вбежали миссис Керр и Салли. Женщина в мгновение ока оценила обстановку и, успокаивая, обняла Катриону за плечи.

– Не волнуйтесь, миледи. Просто малыш решил, что ему пора вылезать наружу. Салли, девочка, принеси полотенца. Вам больно, миледи?

– Немного. Боль подходит и отступает.

– Именно, – сказала миссис Керр. – Салли, пойди скажи аббату, что нам потребуется его помощь, чтобы перенести стол. А теперь, миледи, вам лучше ненадолго прилечь.

И она помогла Катрионе взобраться на кровать. Салли поспешила вниз в библиотеку, где Чарлз Лесли мирно дремал перед пылающим камином. Девушка мягко потрясла его за плечо:

– Сэр! Сэр!

Аббат открыл глаза.

– У госпожи начались схватки, сэр. Потребуется ваша помощь. Нужно перенести родильный стол.

Чарлз Лесли окончательно проснулся.

– Граф вернулся? – спросил он.

– Нет, сэр.

– Проклятие, – выругался аббат.

– Придется бежать разыскивать его. – Салли положила руку ему на локоть. – Милорд, мой младший брат сейчас на кухне. Он пойдет и отыщет графа. Времени предостаточно. Первенцы всегда выходят медленно.

– Дай брату вот это, – сказал аббат, вручая Салли медную монету. – Когда вернется, получит серебряную.

– Спасибо, сэр. Если вы подождете здесь, то я пошлю мальчика сейчас же.

Она поспешила на кухню, где ее десятилетний брат за обе щеки уписывал тушеную баранину. Девушка протянула ему медяшку:

– Вот, Робби, это тебе. Беги скорее в дом банкиров Кира на Голдсмитс-лейн. По дороге не отвлекайся и ни с кем не разговаривай. Спросишь графа Гленкерка. Передашь ему, что его сын вот-вот родится. А если графа не захотят беспокоить, то скажи им, что это вопрос жизни и смерти. А когда вернешься, получишь серебряный!

Зажав монетку в кулачке, мальчик схватил свой плащ и мигом убежал.

В доме Бенджамена Кира граф Гленкерк, удобно устроившись, потягивал турецкий кофе. Со все возрастающим изумлением он вслушивался в то, что говорил о финансовом чутье Катрионы нынешний глава почтенного семейства.

– За последние два года она почти утроила свой капитал, – сказал банкир.

– Наверное, потому, что вы даете ей указания, говорите, как поступать, – предположил Патрик.

– В последние два года – нет, милорд. Когда ей исполнилось двенадцать лет, Катриона Хэй написала мне письмо, в котором спрашивала, не соглашусь ли я наставлять ее по финансовым вопросам. Я начал с самого простого, поскольку не был уверен, серьезны ли ее намерения и есть ли у девочки нужные способности. Однако чем больше я учил ее, тем все больше и больше она хотела знать. Катриона впитывала все, что я ей говорил, и буквально все схватывала на лету. И понимала. Два года назад она захотела сама управлять своими делами. Примерно шесть месяцев она непременно советовалась со мной прежде, чем что-либо предпринять, но потом все взяла на себя. Катриона умна, милорд, очень умна. И я не премину по секрету сообщить вам, что порой сам следовал ее примеру, причем зарабатывал на этом кругленькие суммы!

Патрик сглотнул слюну.

– Должен ли я так понимать, Бенджамен, что, когда леди Катриона сообщала вам об ее вложениях, вы старались вложить свои капиталы туда же?

– Да, милорд.

– Знали ли вы, что еще в прошлом году, когда был назначен день нашей свадьбы, Грейхевен все капиталовложения Катрионы передал мне?

– Не знал, милорд. Нас не уведомили об этом. Леди Хэй продолжала управлять своими денежными средствами, особенно с тех пор, как сама появилась в Эдинбурге.

– Так будет и дальше, Бенджамен. Ваш брат Абнер – юрист, не так ли?

– Да, милорд.

– Если он здесь, то я хочу немедленно составить бумагу, которая законно возвратит леди Катрионе Хэй ее собственность. И, Бенджамен, леди никогда не должна узнать, что я расспра-

шивал вас о ее финансовых делах. Буду с вами честен, ведь вы мой друг. У леди Хэй скоро родится ребенок. Но она отказывается выйти за меня замуж – как это было условлено много лет назад, – если только я не верну ей ее собственность. Естественно, я не потерплю, чтобы следующий Гленкерк родился вне брака, однако Катриона упряма, и никто – ни мой дядя-аббат, ни я сам – не может переубедить ее.

– Я немедленно пошлю за братом и за его клерком, милорд. И можете вполне довериться мне. Женщины в лучшем случае непредсказуемы. А уж те из них, которые готовятся рожать, – просто опасны. Остается только уступить и сделать хорошую мину.

Пока они ждали юриста и клерка, в комнату ввели юного Робби.

– Этот малец заявляет, – сказал слуга, – что должен видеть графа по вопросу жизни и смерти.

– Итак, парень, – ласково обратился к мальчику граф.

– Я Робби Керр, брат Салли. Ее милость сейчас рождает.

– Проклятие! – выругался Патрик. – Он уже родился?

– Нет, сэр, – невозмутимо проговорил Робби, – родовые схватки только начались.

– Ты очень хорошо осведомлен для девятилетнего мальчика. Или десяти? – Граф разве-селился.

– Десяти, сэр. И как же мне не знать? После меня было еще шесть.

– Твоя мать достойна похвалы, юный Робби, – включился Бенджамен Кира.

– Нет, сэр. Мать умерла, рожая меня. Это мачеха имела после меня шестерых.

Граф побледнел, и, заметив это, Бенджамен Кира поспешил успокоить его:

– Я пошлю с мальчиком свою жену. Она уже трижды была матерью и сможет определить, как идут дела у вашей леди. Не беспокойтесь, милорд. Первые – всегда долгие. У вас еще порядочно времени.

Когда Абнер Кира с клерком вошли в комнату, Бенджамен и маленький Робби уже шли за госпожой Кира. Муж и жена переговорили на языке, незнакомом мальчику, хотя и звуча-шем немного похоже на гаэльский, который ему иногда приходилось слышать. Банкирша обра-тила на мальчика свои прелестные карие глаза.

– Что ж, паренек, в путь! Веди меня к дому его светлости!

Робби привел госпожу Кира к парадному входу, и Салли впустила их в дом.

– Я жена господина Бенджамена Кира. Его светлость послал меня узнать, как чувствует себя леди.

Салли присела в реверансе.

– Прошу вас, мадам, если вы соизволите присесть, то я схожу за своей тетушкой. Она находится сейчас при ее милости.

Когда миссис Керр спустилась по лестнице, то сразу засуетилась.

– Ох, Салли оставила вас в прихожей! Пройдите в гостиную и примите стакан крепкого напитка.

– Спасибо, миссис Керр, – улыбнулась Анна Кира, – но мне нужно спешить назад. Его светлость, подобно большинству отцов, которые ожидают первенца, совсем безумел. Как обстоят дела у леди?

– Ему не стоит волноваться. Все идет хорошо. Она не разродится еще несколько часов.

– Думаю, он будет дома много раньше, – тихо проговорила госпожа Кира.

Женщины понимающе переглянулись и рассмеялись. Быстро возвратившись домой, Анна Кира успокоила графа.

К этому времени Абнер уже составил документ, по которому Катриона Маири Хэй Лесли, графиня Гленкерк, являлась единственной законной владелицей А-Куила и капиталовложе-ний, оставленных ей Джанет Лесли. Составленный в двух экземплярах документ был подписан Патриком Лесли, графом Гленкерком, и тут же засвидетельствован Бенджаменом Кира и его

братом. Один экземпляр оставался на вечное хранение в сейфах этого семейства, а другой граф забрал с собой.

В сумерках Патрик торопливо шагал сквозь метель, сжимая под плащом заветную бумагу. Ну, теперь-то она выйдет за него замуж! Должна!

– Еще нет! – выпалила Салли, впуская его и забирая плащ.

– А дядя?

– В библиотеке, сэр!

Граф быстро прошел в библиотеку.

– Скорее, дядя Чарлз, и возьмите все принадлежности, нужные для венчания. Я выполнил просьбу Катрионы и теперь поднимаюсь к ней.

Прежде чем аббат успел ответить, граф был за дверью. Пробежал по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, и вихрем ворвался в спальню.

Перед камином стоял длинный стол, один конец которого был выше другого. Он был накрыт муслиновыми простынями. На столе, со всех сторон обложенная подушками, сидела Катриона. Ошеломленный, граф огляделся.

– Роды – кровавое дело, милорд. Я полагаю, что не стоит губить прекрасный новый матрас с периной, – объяснила ему миссис Керр.

Патрик прошел к Катрионе и встал рядом. Не говоря ни слова, он протянул ей свернутый пергамент. Она сорвала печать, развернула бумагу и внимательно прочитала с начала и до конца. На какое-то мгновение роженица зажмурилась от приступа боли. Затем, подняв на графа глаза, полные слез, Катриона тихо сказала:

– Спасибо, Патрик.

– Катриона Хэй, мы с тобой обручены уже больше двенадцати лет. В эту самую минуту рождается наш ребенок. Скажи, что теперь ты выйдешь за меня замуж. – Патрик замолчал и, лукаво взглянув ей в глаза, усмехнулся. – К тому же этот документ написан на имя Катрионы Маири Хэй Лесли, графини Гленкерк. Ты должна выйти за меня замуж, чтобы получить обратно свою собственность!

– Патрик, ты вернул мне мою собственность, это так. Но изменилось ли твое отношение? Как ты теперь смотришь на меня?

Это был хитрый вопрос, и граф знал, что их судьбы, вместе с судьбой их ребенка, зависят от его ответа.

– Я смотрю на тебя, – проговорил он медленно и значительно, – сначала как на Кат Хэй – умную и прекрасную женщину. Надеюсь видеть тебя еще и своей женой, и любовницей, и другом, и матерью наших детей. Ты не одна женщина, а сразу много! И некоторых из них мне еще только предстоит узнать.

– Патрик, – улыбнулась сквозь боль Катриона. – Я верю, что ты начинаешь меня понимать. Это, конечно, далось тебе нелегко. Спасибо.

Она соглашалась. Граф был уверен в этом и чувствовал неимоверное облегчение.

– Да, милорд... моя любовь... мой дорогой друг и дражайший враг. – Катриона сжала его руку. – Я выполню наш уговор. Я выйду за тебя замуж.

И тут, словно в театре по реплике, вбежал аббат со своим переносным алтарем.

– Прекрасно, племянница! И чтоб больше никаких глупостей! Если ты не произнесешь обет сама, мне придется сказать его вместо тебя. Старику аббату следовало позаботиться об этом еще несколько месяцев назад! Полагаю, сейчас ты не станешь сопротивляться?

– Не стоит угрожать мне, дядя. Я выйду замуж за Патрика, но только подождите еще несколько минут. Если вы оба удалитесь, то я бы хотела одеться на свою свадьбу. – Она скорчилась от боли, а затем повернулась к Салли: – Рубиновый бархатный пеньюар! О боже!

Мужчины быстро вышли. Салли забеспокоилась:

– Роды приближаются, миледи. По-моему, вы не сможете подняться.

– Только на несколько минут! Я не могу выходить замуж, лежа на родильном столе!

Ее пронзил новый приступ боли. Салли помогла Катрионе высвободиться из халата и облачиться в тяжелый бархатный пеньюар. Миссис Керр тем временем выскользнула в зал.

– Произносите ваши речи поскорее, милорд аббат. Схватки неожиданно усилились, и следующий Гленкерк родится очень скоро.

Чарлз кивнул. Салли высунула голову из двери.

– Госпожа желает, чтобы церемония происходила в гостиной у камина.

Пока миссис Керр с аббатом негодовали друг на друга, Патрик, широко шагая, поспешил обратно в спальню. Пошатываясь от слабости и боли, Катриона стояла в своем рубиново-красном пеньюаре возле камина. Ее тяжелые длинные волосы были заплетены и крепко заколоты золотыми шпильками с жемчужинами. От графа не укрылась боль в глазах невесты, и его руки бережно обвились вокруг нее. Ни один из них не произнес ни слова. Все еще обнимая невесту, Патрик вывел ее из спальни и осторожно проводил вниз по лестнице через зал в гостиную. Аббат, миссис Керр и Салли прошли следом.

Чарлз Лесли открыл свой трюбник и привычно начал читать. Жених и невеста стояли перед ним. Катриона крепко держалась за руку Гленкерка. Всякий раз, когда роженица испытывала очередную схватку, граф это чувствовал, потому что она еще крепче сжимала его руку. Он не переставал дивиться силе своей возлюбленной.

Видя, как бледна племянница, аббат не мешкал.

– Кольцо, – зашипел он на Патрика.

Тот протянул рубин.

Чарлз Лесли благословил кольцо, вернул его графу, и тот надел драгоценное украшение на палец Катрионе. Невеста сразу определила цену сердцевидного камня, и ее глаза широко раскрылись от изумления. Она подняла их на Гленкерка и улыбнулась. Граф успокаивающе улыбнулся в ответ. Торжественно произнеся еще несколько слов, Чарлз Лесли объявил племянницу и племянника мужем и женой.

Патрик не стал ждать поздравлений. Он поднял Катриону на руки и быстро понес обратно в спальню. Салли побежала вперед, а миссис Керр, стараясь не отставать, поспешила следом. Женщины помогли Катрионе вылезти из тяжелого платья и устроиться на родильном столе. Когда Патрик убедился, что жена сидит удобно, насколько это было возможно в ее положении, он пододвинул стул и сел рядом.

– Милорд, здесь не место мужчине, – попыталась прогнать его миссис Керр.

– Если только моя жена не возражает, я желаю видеть, как рождается мой сын. – Граф посмотрел на Катриону.

Та протянула руку.

– Останьтесь, милорд. Вы уже столько пропустили... – Она улыбнулась.

Меж тем схватки учащались и становились все тяжелее. Роженица покрылась потом. Она сжимала губы и глубоко вздыхала.

– Не сдерживайтесь, миледи, – говорила миссис Керр. – Надо кричать, а не то вам станет хуже.

– Не хочу, чтобы мой сын вошел в мир при криках боли его матери, – заупрямилась Катриона.

– Чепуха, – оборвала ее миссис Керр. – Малыш это и не вспомнит, ведь он будет так занят своим собственным криком. – Ее глаза озорно блеснули. – Почему бы вам не браниться? По-гаэльски? Он же все равно не поймет!

Аббат, ждавший в прихожей, с изумлением услышал целый поток цветистых гаэльских ругательств, несшихся из спальни племянницы. Примерно десять минут спустя последовал торжествующий крик Гленкерка и возмущенный плач младенца. Неспособный далее сдержи-

вать свое любопытство, Чарлз Лесли ворвался в спальню. Миссис Керр хлопотала возле Катрионы, а Салли вытирала родильную кровь с плачущего младенца.

– У меня сын, дядя! Сын! Пятый граф Гленкерк! – возбужденно закричал Патрик. – Джеймс Патрик Чарлз Адам Лесли!

– Да, дядюшка, – послышался усталый, но довольный голос. – Вы слышите: у него сын. Четвертый граф Гленкерк родил пятого графа. И, подумать только, он все это сделал в одиночку!

– Я не смог бы это совершить без тебя, голубка, – заулыбался граф.

– Нет, не смог бы, – слабо усмехнулась она. – А когда я смогу увидеть то чудо, которое произвела на свет?

– Минутку, дорогая, – сказала миссис Керр. – Вы уже вся чистая и можете лечь обратно в постель.

Она через голову надела на Катриону сладко надушенный пеньюар из мягкой шерсти бледно-лилового цвета.

– Милорд, не будете ли вы любезны отнести графиню в кровать?

Патрик нежно поднял Катриону на руки и уложил меж нагретыми простынями. Затем он натянул на молодую мать пуховое одеяло. После этих приготовлений Салли вложила ей в объятия запеленутого спящего младенца.

– Боже мой! Такой малюсенький! Рождественские каплуны – и те побольше! – Но в голосе Катрионы звучала гордость.

Заметив черный влажный пучочек, который Салли причесала завитком, она продолжала:

– И у него твои волосики, Патрик!

Миссис Керр забрала ребенка и передала его Салли.

– Она уложит маленького в колыбель и посидит с ним, пока он не проснется. Вы все еще хотите его выкармливать сами, или мне нанять кормилицу?

– Я стану кормить сама, миссис Керр. По крайней мере сейчас. Однако я думаю, что сестре Салли, Люси, следует приходить и помогать ухаживать за ребенком. Салли не может оставаться при нем день и ночь.

– Да, миледи. Но теперь вы должны поспать.

– Еще несколько минут, миссис Керр. Вы позаботитесь, чтобы его светлость и аббат хорошо поужинали?

– Разумеется, мадам, – улыбнулась экономка, – я немедленно распоряжусь.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Миссис Керр?

– Да, миледи.

– Спасибо, миссис Керр. За все.

Экономка просто засветилась от удовольствия:

– Было очень почетно, миледи, принять будущего Гленкерка. – Она повернулась к аббату: – Пойдемте, сэр. Уверена, что вся эта суматоха пробудила у вас аппетит.

И они вместе вышли из комнаты.

Затем пришел Патрик, осторожно опустился на угол кровати. Взяв руку жены, он поднес ее к своим губам.

– Ты излишне горда, Кат, и невероятно упряма. Но, клянусь Богом, я люблю тебя. Я горд и счастлив иметь тебя своей женой и... другом!

Катриона подняла на него свои изумрудные глаза, и они озорно сверкнули.

– С тебя причитается дом в городе, Гленкерк, и, как только смогу, я непременно взыщу этот должок!

Глубокий смех Патрика разнесся по всему особняку.

11

Джеймс Патрик Чарлз Адам Лесли родился двадцать четвертого февраля 1578 года. Спустя месяц после его рождения Адам и Фиона Лесли вернулись из Франции. Гленкерк послал им курьера с известием о рождении сына, и младшие Лесли поспешили в Эдинбург, чтобы стать ребенку крестными.

Чарлз Лесли совершил обряд без промедления. Священник отсутствовал в своем аббатстве уже почти два месяца. И теперь, наняв самое быстрое каботажное судно, поспешил отправиться к северу на Петерхед. Оттуда он продолжит путь по суше. Чарлз предвкушал, как проведет первую ночь на твердой земле, пользуясь гостеприимством Оленьего аббатства.

Фиону забавляло, что Катриона наслаждается своим материнством.

– Вот уж не думала, что ты станешь такой добропорядочной гусыней!

В ответ Катриона улыбнулась.

– Я и сама не думала. Это находит на тебя незаметно. Однако следующего не будет еще несколько лет.

– Если Гленкерк такой же жеребец в охоте, что и Адам, то у тебя не будет выбора.

– Я буду осторожна.

– Ох, кухня, – улыбнулась снова Фиона, подняв элегантно выщипанную бровь. – До чего же ты изменилась за этот год!

– Мне не приходилось скучать, Фиона.

Катрионе не пришлось скучать и теперь. Она подыскивала себе дом в Эдинбурге, ибо, когда вернулись Адам с Фионой, маленький особняк оказался тесным. Прежде Адам обещал жене, что они отправятся путешествовать, однако теперь его намерения изменились.

Дело в том, что второй сын Гленкерка, Джеймс, был женат на Эйлис Хэй, а единственный ее брат Френсис умер зимой от лихорадки. Джилберт Хэй не имел других законных сыновей, и поэтому брат Патрика становился его единственным наследником. Джеймс и Эйлис теперь переезжали в Хэй, чтобы ознакомиться с делами этого небольшого имения.

Майклу же Лесли предстояло меньше чем через два года жениться на Изабелле Форбз и тоже взять за ней поместье. Вот поэтому-то сейчас Адам должен был научиться управлять гленкеркским имением – на тот случай, если Патрик умрет прежде, чем его сын достигнет совершеннолетия.

– Проведете годик в Гленкерке, а на следующий год сможете отправиться путешествовать, – пообещал Патрик, увидев разочарование Фионы.

Тем временем Катриона наконец нашла дом по своему вкусу. Подобно особняку Лесли, он стоял на тихой улочке. Но графиня выбрала ту, что прилегала к Канонгэйт, шедшей не к Хай-стрит, а к дворцу Холлируд.

Кирпичный особняк имел большую и солнечную кухню, буфетную, умывальню, кладовую, холл, удобный флигель для повара и несколько закутков для кухарок и поварят. На первом этаже находились просторная приемная зала, светлый салон, столовая, затем семейная столовая и семейная гостиная. Второй этаж почти полностью состоял из одного огромного зала, от которого отходили несколько отдельных прихожих. На третьем этаже располагались шесть спален, каждая со своей гардеробной и теплым туалетом. Четвертый этаж был отведен под детскую, а пятый – под комнаты прислуги.

При особняке были сад, огород и цветник. Тут же находилась отличная просторная конюшня. Когда граф было посокрушался, что дом слишком велик, ему напомнили, сколько набиралось родственников. Предполагалось, что здесь будут останавливаться все Лесли, приезжающие в Эдинбург, а потом, как только малолетний король подрастет и вступит в свои права – а тогда ему непременно придется содержать двор, – особняк окажется еще более полезен.

Катриона официально наняла миссис Керр, чтобы та постоянно присматривала за домом и вела хозяйство в новом владении. Графиня надеялась остаться в Эдинбурге по крайней мере до конца июня, чтобы самой заказать обстановку, но Гленкерк дал ей времени только до середины мая.

– Почему ты не можешь ехать вдвоем с Адамом? – возмущалась она. – Мы с Фионой останемся в городе, а когда покончим с делами, поедем тоже.

Патрик засмеялся.

– Мадам, – галантно произнес он, глядя на жену сверху вниз. – Я больше не рискую спускать с вас глаз, потому что, боюсь, потом вас уже не найду. Обещаю, что в середине мая мы вместе вернемся в Гленкерк. Все дела вам придется закончить к этому сроку. К тому же какая разница, будет сейчас дом обставлен или нет?

– А я, милорд, не собираюсь всю зиму сидеть, засыпанная снегом, в Гленкерке. После рождественских праздников, а если удастся, и раньше, мы вернемся в город.

Патрик еще более развеселился. Итак, она намеревается приезжать в столичный Эдинбург каждую зиму?! Граф еле сдерживал готовый вырваться смех. Какой же несносной иногда оказывалась его жена! Однако надо будет почаще заполнять ее животик детишками. Шумная детская компания наверняка не оставит ей времени ни на что другое.

В последующие несколько недель Катриона вела переговоры со множеством ремесленников и мастеровых. Рассмотрев сотни предложенных эскизов, она наконец заказала обстановку и договорилась с Бенджаменом Кира, что мастерам уплатят после того, как товар будет поставлен и одобрен миссис Керр. Об этом графиня мужу не сказала. Может быть, Гленкерк и забыл, что этот дом принадлежал ей.

Еще до отъезда из Эдинбурга их навестил Джордж Лесли, граф Рауте, глава всего клана Лесли. И Патрик, и Адам были польщены такой честью, оказанной им, младшей ветви семьи. На Катриону, однако, визит не произвел впечатления.

– Мы богаче, – рассудительно сказала графиня, – и он решил поддержать с нами отношения на тот случай, если придется занимать денег.

Хотя мужчины и возмутились таким неуважением, Фиона рассмеялась.

– Ты и в самом деле сука, Кат, но тут я с тобой согласна. К тому же Джордж Лесли принадлежит к новой церкви, и его семья когда-то была замешана в убийстве кардинала Витона. Я не доверяю ему.

В середине мая, как и было намечено, все вместе они выехали из Эдинбурга. Граф, графиня, Адам и Фиона ехали верхом, а Салли вместе с малышом удобно устроились в фургоне. Поскольку на дорогах было небезопасно, господ сопровождал отряд гленкеркских воинов во главе с Коноллом Мор-Лесли. Иногда мелкие торговцы и ремесленники, узнавая, что процессия направляется в сторону Абердина, просили разрешения присоединиться. Чем больше был обоз, тем спокойнее чувствовал себя каждый.

Две недели спустя братья с женами прибыли в Гленкерк. Увидев ожидавший их там прием, Фиона озорно расхохоталась. Чинным рядом, будто по ранжиру, выстроились вдовствующая графиня, Маргарет Лесли, родители и братья Катрионы, родители и братья Фионы, а за ними следовали все гленкеркские Лесли и крэнногские Мор-Лесли.

– Проклятие! – потихоньку выругалась Катриона. – Они притащили весь клан! Единственно, кажется, нет преподобного дядюшки!

– Что ты, и аббат здесь! Он просто нагнулся, чтобы поднять перчатку тетушке Мэг. – Казалось, что Фиона снова расхохочется.

– О боже!

– Это не нас они встречают, Кат. Это его светлость следующего графа Гленкерка, – возразила Фиона, когда родственники толпой начали спускаться к ним.

И кухня оказалась права. Восторженные родственники вырвали бедного Джеми из рук Салли и, несмотря на его истошный крик, принялись передавать от одного к другому. Рассердившись, Катриона забрала сына, успокоила его, пресекая все возражения.

Эллен сказала:

– Я возьму его, миледи.

– Ни в коем случае, – отрезала графиня. – Ты слишком хорошая служанка, и мне тебя очень не доставало.

Опечалившаяся было отказом, женщина вскоре повеселела.

– Салли, – позвала Катриона, – возьми своего мокрого господина.

Ей пришлось еще выдержать пир, устроенный в честь их приезда матерью Патрика. А ее собственная мать долго пыталась вызнать, все ли хорошо у дочери с графом. Убедившись в конце концов, что дела обстоят отлично, Хезер испустила вздох облегчения и вернулась к мужу.

Приближался вечер, и Катриона не могла сдерживать зевоту. Мэг Лесли усмехнулась.

– По-моему, – шепнула она невестке, – тебе будет совершенно позволительно удалиться с этого пира.

Катриона склонилась к Патрику:

– Гленкерк! Придется мне прямо здесь и заснуть, между желе и пирожными. Или ты раньше объявишь о конце этого вечера?

– Хорошо, голубка, иди, но я еще должен побыть. Давай сейчас встанем, да заодно спасем и других, которые тоже хотят удалиться.

Они поднялись, дав тем самым знак всем, кто хотел уйти. Катриона вежливо пожелала гостям спокойной ночи и поспешила в детскую. Раскрыв живые глазенки, Джеми лежал на животе и сосал свой малюсенький кулачок.

– Такой хороший малыш, – сказала заботливая Люси.

Катриона взяла сына на руки, немного покачала. Носик младенца задержался.

– Ох, – запричитала Салли, – смывленный малыш почуял молоко!

Джеми заплакал. Люси приняла у Катрионы ребенка, а Салли поспешила помочь своей госпоже снять корсаж. Графиня села. Снова взяв сына, Кат дала ему грудь. Когда ребенок насытился и, сонный, развалился у нее на коленях, она улыбнулась и тихо заметила:

– Он стал такой большой!

– Да, мадам, – подтвердила Салли, – и к тому же очень сообразительный!

Графиня положила сына обратно в колыбель и натянула на него одеяло.

– Когда я вижу его таким махоньким, таким беспомощным, – заметила Катриона, – мне с трудом верится, что со временем он станет огромным несносным мужчиной, похожим на своего отца.

Обе служанки захихикали, а Катриона, поднявшись, застегнула корсаж и пожелала им доброй ночи. Она поспешила в свои покои, где заботливая Эллен уже приготовила чан с горячей водой. Сбросив одежду, Катриона забралась в него и расположилась блаженствовать в благоуханной воде. Она, привыкшая мыться ежедневно, не имела такой возможности уже две недели!

– Эллен, скажи, чтобы слуга графа Ангус приготовил ванну его светлости. Мне не хочется, чтобы сегодня он лез ко мне в постель вонючим.

А пока служанка отсутствовала, Катриона взбила пену на своих волосах, промыла их, снова взбила и ополоснула. Она выбралась из чана и, не одеваясь, устроилась перед камином. Подоспевшая Эллен насухо вытерла ей волосы, а затем расчесала их до блеска. Наконец Катриона встала и, приподняв волосы обеими руками, позволила Эллен вытереть ей тело.

– Совершенство! Ты чистое совершенство! – В дверях стоял граф.

– Ангус приготовил вам ванну, милорд, – сказала в ответ графиня.

Взгляд Патрика скользнул вдоль ее тела. Катриона дерзко глянула в ответ.

– Ты словно солнечный свет, любовь моя!

– А ты воняешь лошадьми и двумя неделями пыльной дороги.

Он засмеялся:

– Я не задержусь. Спокойной ночи, Эллен.

Эллен довольно заулыбалась.

– Какую ночную рубашку, миледи?

– Не беспокойся, Элли. Дай мне только шаль.

Катриона забралась в просторную кровать и накинула себе на плечи кружевную шаль.

– Спокойной ночи, Элли.

– Спокойной ночи, мадам.

Катриона сидела на кровати, прислушиваясь к звукам, доносившимся из спальни Патрика, и посмеивалась. Он шумно плескался, что-то фальшиво напевал и издавал какое-то утиное крикание. Катриона забавлялась. Несколько минут спустя, голым, он прошел через дверь, соединявшую их комнаты, и решительно направился прямо к кровати. Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Затем граф медвежьей хваткой схватил жену, и она уютно устроилась у него на груди.

– Ты рада, что приехала домой, Кат?

– Сейчас – да, но я не шутила, когда сказала, что хочу часть года теперь проводить в Эдинбурге. Юный король вскоре вступит в свои права. Он, конечно же, женится, и тогда снова появится настоящий двор. Когда это случится, я не хочу быть в Эдинбурге чужачкой.

– Нет, голубка, мы не станем бывать при дворе короля Джеймса. Бабушка не уставала повторять, что залог выживания в том, чтобы держаться подальше от политики и еще дальше – от двора. Наша ветвь в роду – младшая, но самая богатая. Мы всегда избегали неприятностей, потому что держались незаметно. Так будем поступать и впредь.

– Тогда почему ты купил мне дом в городе?

Соски у нее на груди порозовели и заострились, и она рассердилась на свое тело, так быстро ответившее на ласку.

– Потому что я всегда плачу свои долги, мадам.

Граф наклонился и, поддразнивая, принялся покусывать кончик ее груди.

Она сердито отодвинулась.

– Я обставила этот дом на собственные деньги! И что же, теперь не смогу проводить в нем даже несколько месяцев в году?

– Конечно, сможешь. Мы станем ездить в город каждый год, обещаю тебе. Ты будешь делать покупки, смотреть представления, наносить визиты нашим друзьям. Но при дворе у Стюартов мы не появимся. Известно, что Стюарты всегда испытывают недостаток в средствах, а отказать дать взаймы королю едва ли возможно. Его также нельзя попросить и вернуть долг. Мы обеднеем за какой-нибудь год! – Он затащил ее под себя и наклонился. – Я не хочу больше сегодня говорить об этом, графиня Гленкерк.

В его зелено-золотистых глазах появился упрямый блеск.

– Согласна ли ты быть послушной и покорной женой, ты, несносная шалунья?

Тонкие пальцы Катрионы вплелись в его темные волосы, и, потянув голову графа вниз, она поцеловала мужа медленно и умело, а ее созревшее тело медленно задвигалось под ним.

– Боже, – произнес Патрик, когда она наконец отпустила его. – Этому я тебя никогда не учил!

– Разве, милорд?

– Нет!

Смех Катрионы раззадорил графа.

– Ты сучка, – выдохнул Патрик, и его рука обернулась вокруг ее тяжелых волос. – Если я узнаю, что какой-то мужчина хотя бы только подумал отвесть твоих роскошных прелестей...

Она снова засмеялась, но в ее глазах и в улыбке был вызов. Внезапно, с дикостью, которая перебила у Катрионы дыхание, граф овладел ею.

– Я никогда не смогу владеть тобой всей, Кат, ибо ты – ртуть! Но, клянусь Богом, дорогая моя, я испорчу тебя для всякого другого мужчины!

Катриона принялась отбиваться, но Гленкерк засмеялся и начал целовать ее легкими поцелуями в лицо, в шею, в грудь. Он чувствовал, как у него под губами билось ее жаркое сердце. Большие и сильные руки графа стали ласкать ее бедра, поглаживая шелковистую грудь.

– Патрик! Патрик! – закричала Катриона неистовым голосом. – Пожалуйста, Патрик!..

Она чувствовала, как теряет власть над собой, и не могла понять, почему еще все-таки отбивалась. Вероятно, Кат инстинктивно сознавала, что в такие мгновения они теряли себя, растворяясь друг в друге. И это до сих пор еще пугало ее.

– Нет, голубка. Не бойся того, что случится. Отдайся этому, милая, отдайся!

Отдаться было легче всего, и Катриона так и поступила, позволив увлечь себя крутящемуся радужному смерчу, который нес ей такое наслаждение. Она уже больше ничего не замечала и не хотела замечать, кроме волн изысканнейших ощущений, которые находили одна за другой, поднимая ее до последней, захватывающей дух высоты.

Поздней ночью она проснулась и увидела, как лунный свет падает через окно на постель. Патрик лежал, раскинувшись, на спине и тихонько похрапывал. Катриона осторожно высвободила из-под него ногу. Повернувшись на бок, она приподнялась на локте и стала разглядывать мужа.

Она столь же гордилась его красотой, как и он – ее. За две недели пути светлая кожа графа местами загорела. Густые темные ресницы веером лежали на его высоких скулах. Прямой нос расширялся в ноздрах, а крупный рот имел благородные очертания. Глаза Катрионы скользнули по могучей безволосой груди лежащего рядом мужчины. Она покраснела, рассердившись на себя, потому что ее взгляд невольно обласкал спутанные волосы, черневшие промеж его длинных мускулистых ног.

Муж казался ей странным мужчиной. С одной стороны, он обращался с ней как с равной. Казалось, и в самом деле, ему были понятны противоречивые и сложные чувства, которые бушевали в душе супруги. Но с другой – он по-прежнему смотрел на нее как на рабыню. Мягкий и вдумчивый, мудрый и жестокий – каждый раз другой, Патрик любил поучать.

Катриона понимала, что ее муж – человек незаурядный, но ведь и она тоже не была заурядной женщиной. Когда ей только-только исполнилось десять лет, Катриона ужасно обижалась на свою бабушку: Мэм уже устроила ей брак, прежде чем она выросла и смогла осознать всю важность этого события. И тут графиня довольно посмеялась про себя. Ведь каким-то образом та невероятно красивая седовласая старая дама знала, что делала. «Мы с милордом прекрасно подходим друг другу, – подумала Катриона. – Мы чертовски хорошо подходим друг другу!»

Удовлетворенная, она перевернулась на живот и погрузилась в глубокий сон счастливой женщины.

12

Картина семейного уюта была восхитительной. Вдовствующая графиня Гленкерк устроилась возле рамки, вышивая на гобелене крылышки ангелов. Ее двухлетний внук Джеми играл перед камином под бдительным оком Салли Керр. Один сын, Адам, сидел неподалеку, просматривая счета по имению, другой, Патрик, с головой ушел в беседу с Бенджаменом Кира, своим эдинбургским банкиром. Дочери – двадцатилетняя Джанет, уже замужем за наследни-

ком Сайтена, и семнадцатилетняя Мэри, которой предстояло выйти за старшего сына Грейхевена, – сидели, занятые шитьем одежды для ожидавшегося вскорости младенца Джанет. Муж Джанет, Чарлз Лесли, и жених Мэри, Джеймс Хэй, уединившись в углу, играли в кости. Отсутствовали только молодая графиня Гленкерк и ее кузина Фиона. Мэг знала, что они находились сейчас в покоях Катрионы и примеряли моднейшие туалеты, которые Фиона привезла из Парижа: младшие Лесли только что возвратились из годичного путешествия.

Супруги побывали в Италии, посетили Рим и Неаполь, осмотрели дворцы Флоренции. Потом они проехали по Испании и явились в Париже ко двору короля Генриха III. Наконец, несколько недель младшие Лесли провели в Англии. Фиона никак не переставала об этом рассказывать, и чем больше она щебетала, тем большее недовольство испытывала Катриона.

Фиона, познакомившись со всевозможными чудесами, – разумеется, не могла удержаться и не похвастаться. А Катриона провела в гленкеркском заточении уже больше двух лет и за все это время только один раз, прошлой зимой, смогла выбраться в Эдинбург.

Мэг не рисковала говорить об этом сыну, но она знала, что ее прелестная невестка использует тот способ ограничения рождаемости, который достался ей в наследство от бабушки. Прежде чем посвятить себя выращиванию одного Лесли за другим, Катриона хотела все-таки немного повидать мир. Сама вырастившая шестерых, Мэг могла лишь восхищаться молодой графиней.

Катриона с упоением поглаживала изысканнейшие, надушенные сиреневые лайковые перчатки, которые Фиона привезла ей в подарок из Италии. Когда она увидела, что муж готовится ложиться в постель, ее зеленые глаза сузились.

– Хочу попутешествовать, – сказала она.

– Да, любовь моя, – произнес с отсутствующим видом Патрик. – Если мне удастся выкроить время, то этой зимой мы снова отправимся в столицу.

Удивленный тем, что мимо его головы просвистели перчатки, граф поднял голову.

– Я хочу не в Эдинбург, Патрик! Фиона совершила великолепное путешествие в Италию, в Испанию, побывала в Париже, в Англии. Она! Жена всего лишь третьего сына! А я, графиня Гленкерк, никогда в жизни не бывала южнее Эдинбурга. А могла бы не побывать и там, если бы сама не устроила эту поездку.

– Тебе нет нужды путешествовать.

– Есть, и какая! Я хочу!

– А я, мадам, хочу сыновей! Пока что вы подарили мне всего лишь одного.

– Больше не понесу ни одного ребенка, пока не попутешествую, – взъярилась Катриона.

– Решать не тебе, дорогая.

– Разве? – возразила она. – Спроси свою мать, Патрик. Спроси и узнаешь.

Мучимый любопытством, Гленкерк заговорил об этом с Мэг, которая улыбнулась и сказала:

– Итак, жена объявила тебе войну, а, Патрик?

– Она ведь не может помешать появлению детей, так я понимаю? – В его голосе звучали тревожные нотки.

– А может, именно это она и делает, сын мой.

– Но это же черная магия!

Мэг снова улыбнулась:

– Ох, Патрик! Не будь же таким глупцом! В этой семье нет ни одной женщины, которая бы не знала некоторых секретов красоты и здоровья, которые бабушка привезла с Востока. Я не виню Катриону. Меня выдали за твоего отца – царство ему небесное! – когда мне было всего пятнадцать. Ты появился год спустя, Джеми и Адам с перерывом в три года, Майкл – через год после Адама, а Джанет родилась на следующий. Я никогда не расскажу твоей сестре Мэри, да и ты тоже не должен, но моя самая младшая дочка родилась случайно. Дело в том,

что я не собиралась после Джени больше иметь детей. Знаешь ли ты, что за двадцать девять лет, что я провела в этом поместье, я никогда не выезжала отсюда, кроме как в Сайтен или в Грейхевен? Как бы мне хотелось совершить путешествие – какое-нибудь... И куда угодно!

Эти слова привели графа в замешательство. Его собственная мать, которая вырастила их с такой заботой и любовью, оказывалась неудовлетворенной!.. Мэри – случайность!.. И Катриона могла не допускать появления детей, если того хотела!..

Патрик стал размышлять дальше. Юному королю исполнилось четырнадцать лет, и, несмотря на множество слухов относительно партии между английской королевой и братом французского короля, Гленкерк не покидала уверенность, что подобного брака не случится. Но даже если произойдет невероятное, то сорокашестилетняя женщина вряд ли сможет родить здорового ребенка. По всей видимости, их собственный юный король станет править как Англией, так и Шотландией.

Граф задумался о том, сколько же может пройти времени, прежде чем две страны сольются в одну. Когда это случится, столицей наверняка станет Лондон, и Эдинбург останется на задворках – второразрядный городишко в королевстве очередных Стюартов, известных издавна отсутствием памяти. Не исключено также, что придется жить часть года в Англии, а иначе дела семьи могли пойти прахом. Еще в тот самый вечер предусмотрительный Патрик в беседе с Бенджаменом Кира говорил, сколь мудро было бы перевести в Лондон некоторые их суда вместе с одним или двумя складами. Возможно, ему следует отправиться туда самому, с тем чтобы разузнать обо всем из первых уст. А с собой взять Катриону и мать.

Еще прежде, чем Патрик вернулся домой, чтобы жениться, он явился ко двору Елизаветы и был ей представлен. Впервые увидев королеву, граф отметил ее женскую привлекательность, но понял, что под кокетливой наружностью скрывается холодная и решительная натура. В своей постели королева не потерпит никого из мужчин, потому что не захочет ни с кем делить власть. И все-таки, сделав такой выбор, Елизавета недолго любила женщин, которые бросались в объятия своих возлюбленных.

Хотя замкнутый Патрик Гленкерк ни с кем не делился этими мыслями и не мог допустить, чтобы его семья принимала чью-то сторону, заточение Марии Стюарт графу не нравилось. Еще в те времена, когда Мария царствовала, Гленкерк дважды посетил эдинбургский двор. Величавая красавица, королева была немного постарше его, но это не помешало десятилетнему Патрику в нее влюбиться. Она однажды даже удостоила его разговора, отметив дальнее родство через его мать. Как же нелепо получилось, что такая женщина – прелестная и образованная – выбрала себе в мужа Дарнли!.. При всем том, что лорд Ботвелл и погубил Марию и Гленкерк не особенно любил его, он стал бы значительно лучшей партией.

Что Елизавета завидовала Марии – спорить не приходилось. Заточение шотландской королевы было жестоким и, как считал Патрик, совершилось по велению каприза. Поэтому он решил ограничиться лишь одним визитом к английскому двору. Жить там он не сможет, потому что не может уважать королеву.

Он поместит в Англию достаточную часть своего состояния, и, когда королю Стюарту придет время вступить на престол и начать править всей огромной страной, от мыса Лэндз-Энд до гор Хайландз, Гленкерк будет богат. И тогда его семья сможет делать все, что захочет.

Патрик ничего не сказал ни матери, ни жене, но на следующее утро заперся в библиотеке вместе с Бенджаменом Кира и обговорил с банкиром покупку двух складов в Лондоне. В них должны были храниться товары с полдюжины кораблей. Важен был пусть маленький, но почин. Все устроить поручалось Эли Кира, кузену Бенджамена.

Затем Гленкерк вместе с Кира занялся подготовкой путешествия в Англию. Они обсудили дорогу и остановились на морском пути, которым в это время года ехать было и быстрее, и безопаснее. В Ли немедленно был послан всадник с приказом, чтобы у Петерхеда в ожидании графа наготове стоял флагманский корабль его флота. Другой курьер был отправлен в эдин-

бургский банк Кира, откуда в лондонское отделение надлежало отправить бумагу о предоставлении неограниченного кредита его светлости. На юг поспешил и Конолл Мор-Лесли, вместе с отрядом из пятидесяти вооруженных всадников, которым предстояло ожидать своего господина в Англии. Наконец Эли Кира снял для Гленкерков дом в самой лучшей части Лондона.

Адам же Лесли получил под свою опеку как поместье Гленкерк, так и наследника. Патрик не собирался подвергать своего единственного ребенка опасностям пути. Мальчик, конечно же, будет в большей безопасности в привычном окружении, среди своих заботливых нянек.

Отдав все распоряжения, однажды вечером граф объявил жене и матери, что они отправляются в Англию. Серебряный кубок Катрионы упал на стол.

– Что?! О мой дорогой милорд! Неужели мы и вправду едем? Когда же? О боже! Мне совсем нечего надеть!

Глядя на невестку, Мэг Лесли не могла сдержать улыбки. Потом повернулась к сыну.

– Спасибо, дорогой, но я слишком стара, чтобы ехать, – сказала с грустью вдовствующая графиня.

– Нет, мадам, мы хотим, чтобы вы ехали с нами.

– Да, да! – взмолилась Катриона. – Вы непременно должны с нами поехать. Вам едва исполнилось сорок лет, а это совсем не старость. Тем более чтобы путешествовать. Пожалуйста, поедem с нами!

Мэг раздумывала.

– Я и в самом деле всегда хотела увидеть Лондон, – наконец произнесла она.

– Тогда едем! – Катриона ухватила свекровь за руки и, опустившись на колени, посмотрела ей в ласковые карие глаза. – Поедем! О, какое нам будет развлечение! Театр, Медвежий парк, театр масок при дворе! – Она озабоченно повернулась к мужу. – Мы появимся при дворе, Патрик?

– Да, дорогая. Полагаю, что у меня там все еще остались кое-какие друзья. Хотя и сомневаюсь, что ее величество придет в восторг, увидев, как у нее на пороге возникнут две прекрасные дамы. Но джентльмены при дворе будут очарованы.

– Патрик. – Катриона задумалась. – А как Джеми?

– Придется оставить сына здесь, голубка. Нельзя подвергать его опасности.

Ее лицо померкло.

– Я не могу оставить своего ребенка, Патрик.

– Ничего не поделаешь. Нынче на дорогах беспокойно. – Граф посмотрел на жену. – Джеми – наш единственный сын, Кат. А Салли и Люси позаботятся о нем, да и Адам с Фионой постараются заменить ему меня и тебя. Нас не будет в Гленкерке всего только несколько месяцев.

Доводы Патрика оказались убедительными, и Катриона перестала сопротивляться.

– Джеми остается, а я еду, – сказала она и обвила мужа за шею. – Спасибо, Патрик!

Хотя Катриона и жаловалась на бедность своего гардероба, ее сундуки заполнили бы целую повозку. Однако тут Патрик проявил твердость. По одному сундуку каждой! Что потребуется, купим в Лондоне! Новый гардероб для обеих!

В тот день, когда они добрались до Петерхеда, стояла необычно приятная погода. Невдалеке от берега с небрежным изяществом покачивался на якоре «Отважный Джеймс». Лодка доставила путешественников на судно. Катриона даже глазом не моргнула, когда их поднимали на борт на боцманском стуле; Мэг, конечно, была не в восторге.

Путешествие на юг оказалось неожиданно скорым и приятным, и сиятельные пассажиры даже не почувствовали никаких признаков морской болезни. Ни один корабль не попался им навстречу до самого устья Темзы. Но когда «Отважный Джеймс» приготовился войти в реку,

их окликнули с другого судна, выглядевшего явно по-пиратски. На юте стоял красивый молодой человек с прекрасными ухоженными усами и бородкой.

Патрик взгляделся в него и радостно засмеялся.

– Рэйли! – вскричал он. – Рэйли! Ты – пират?!

Через небольшой пролив, разделявший суда, щеголь обратил свой взор на «Отважного Джеймса».

– Господи! Быть не может! Гленкерк, ты ли это?!

– Да, мятежник! Переходи ко мне, выпьем по стаканчику.

Через несколько минут англичанин стоял на палубе гленкеркского судна и крепко жал руку графу.

– Ты уже был при дворе? – спросил Патрик.

– Нет. У меня на это нет денег. Я тут немножко хулиганю. Французские корабли – легкая добыча. Но это ненадолго – скоро отправлюсь в Ирландию. Потом, возможно, если в карманах заведется золотишко, а за душой какие-нибудь приличные достижения, смогу представиться королеве. Я ведь простой парень с Запада, Патрик. Моя единственная заслуга пока ограничивается тем, что я прихожусь внучатым племянником старой гувернантке королевы, известной тебе Кэйт Эшли, а также внучатым племянником леди Денли. А этой заслуги слишком мало, чтобы рекомендоваться.

Патрик усмехнулся.

– Перестань, честолюбивый дьявол! Хочу познакомить тебя с женой и матерью.

Граф повел друга на корму к большой каюте. Постучав, они вошли в прекрасно и со вкусом обставленную комнату с широкими окнами. Мэг поднялась им навстречу.

– Мама, это господин Уолтер Рэйли. – Глаза Патрика озорно сверкали. – Внучатый племянник леди Денли.

Рэйли метнул на него сердитый взгляд, а затем почтительно улыбнулся Мэг и склонился над ее рукой:

– Ваш слуга, мадам.

– А это, – продолжал Патрик, выводя вперед жену, – моя супруга Катриона, графиня Гленкерк.

Рэйли выронил руку Мэг и вытаращил глаза от удивления.

– Боже мой! Вот это да! – воскликнул он. – Ни у кого не встречал такой жены! Может, любовница похожая есть, но только если ты король и тебе очень повезло. Но жены – никогда!

Лесли засмеялись, а Катриона, не смущаясь, ответила:

– Увы, должна разочаровать вас, господин Рэйли. Я действительно графиня Гленкерк, жена... и вдобавок – мать.

Задержавшись над ее рукой, Рэйли вздохнул.

– Увидев совершенство и будучи неспособным достичь его, я принужден остаться холостяком, мадам.

– Рэйли, вы очаровательнейший проказник. Я опасаюсь за честь всех девиц на вашем Западе. – Катриона мягко высвободила свою руку.

И Катриона, и Мэг с жадностью слушали все, что рассказывал их новый знакомец. Хотя еще не представленный ко двору, Уолтер был буквально напичкан сплетнями, услышанными от друзей. Он также смог просветить женщин насчет последней моды, поскольку был щеголем и весьма тщеславным.

Приятную беседу, однако, вскоре прервал капитан, который известил, что прилив заканчивается и сменяется отливом. Если не войти в реку сейчас же, то придется стоять на якоре еще двенадцать часов. Рэйли немедленно встал. Поцеловав руки дамам, он отвесил прощальный поклон. Граф проводил друга на палубу, сказав на прощание, что надеется увидеть того

при дворе еще до возвращения в Шотландию. Вскоре подгоняемый добрым попутным ветром «Отважный Джеймс» скользнул в устье Темзы и двинулся вверх по течению.

13

Сорок седьмой день рождения, отмеченный Елизаветой Тюдор, безжалостно отражался в ее зеркале. И однако, она была настоящей королевой. При дворе всем было известно, что правительница не имела намерения выходить замуж, но соискателей все не убавлялось. Она была постоянно окружена ухажерами, ловкие языки которых пели изысканные дифирамбы.

Возможно, именно поэтому шотландский граф Гленкерк показался королеве очень привлекательным.

Он был до неприличия красив. Большинство мужчин при дворе носили усы и бороды и ходили надушенными. Граф же брился гладко, демонстрируя элегантную линию подбородка, и от него исходил чистый мужской запах, который свидетельствовал о привычке часто мыться. Высокий и хорошо сложенный, Гленкерк превосходил остальных мужчин на несколько дюймов, имел хорошую кожу и темные волнистые волосы. А его зелено-золотистые глаза просто завораживали.

Наконец, Гленкерк был образован. Королева Елизавета терпеть не могла невежества. К тому же граф не угодничал, как все другие. Этот горец никогда не согласится стать одним из фаворитов, но его почтительная холодность покоряла ее. Королева никогда не забывала о Гленкерке, хотя с тех пор, как она видела его у себя при дворе, прошло несколько лет.

Но тогда он был просто лорд Патрик, а теперь вернулся в полном звании графа. Старый знакомый опустился на колени и взял руку, которую она изящно ему протянула. Но зелено-золотистые глаза, в глубине которых поблескивали веселые искорки, не отрывались от ее лица.

– Ваше величество, – прошептал граф и поднялся. Елизавета порадовалась, что сидела на возвышении, но и тогда их глаза оказались почти на одном уровне. Это получилось явно не в пользу королевы, которая предпочитала разглядывать обожателей с высоты своего величия. Ее янтарные глаза сузились, и она заговорила:

– Итак, шотландский плут, ты наконец-то вернулся.

– Да, ваше величество.

– А какими скверными делами ты занимался вдали от нас? – спросила Елизавета лукаво.

– Женился и стал отцом сына, мадам.

Несколько придворных из более молодых захихикали, посчитав, что граф себя погубил.

– А сколько времени ты уже женат, милорд?

– Два года, ваше величество.

– А сколько лет твоему сыну?

– Два года, ваше величество.

Глаза Елизаветы широко раскрылись, а уголки губ задергались.

– О боже, Гленкерк! Не говори мне, что тебя поймал возмущенный отец!

– Нет, мадам. Нас с женой обручили еще в те годы, когда она была ребенком.

«Здесь таится какая-то занятная история, – подумала Елизавета, – но не стоит доверять ее ушам придворных сплетников. Пусть они теряются в догадках».

– Пойдем, Гленкерк, я хочу послушать об этом наедине.

Оставив двор, королева, идя впереди графа, вошла в небольшую приемную.

– Без церемоний, граф! Садись.

Елизавета села и налила два стакана вина.

– А теперь, Гленкерк, – продолжала она, подавая напиток, – объяснись.

– Когда нас обручили, Кат было четыре года, а мне тринадцать. Так прошло одиннадцать лет.

– Кат? – удивленно переспросила королева. Патрик улыбнулся.
– Катриона, ваше величество, это по-гаэльски Катерина.
– Так, – нетерпеливо произнесла Елизавета. – Но почему же получилось, что твоему браку два года и твоему сыну столько же?

– Произошло недоразумение, и она убежала за три дня до свадьбы.

Глаза королевы озорно сверкнули.

– Ты получил упрямую девицу, а, милорд?

– Да, мадам, именно. И я почти целый год не мог ее нигде разыскать.

– Надо уж было постараться разыскать ее как-нибудь пораньше, Гленкерк, раз она понесла твоего ребенка.

Патрик засмеялся.

– Сначала она пряталась у преданных слуг, ушедших на покой, а затем в горах, в небольшом особняке, который принадлежал еще ее бабушке. Там я ее и нашел, и все было бы хорошо, если бы...

Королева прервала его:

– Уверена, ты совершил какую-нибудь огромную глупость.

– Да, – признался граф, – и она снова убежала. В Эдинбург, где мой брат с женой как раз собирались во Францию. Она сумела заговорить зубы Фионе, и та позволила ей остаться в их доме без ведома Адама. Фиона рассчитывала, что Кат быстро одумается и вернется ко мне. Но на Новый год она обнаружила, что та все еще прячется в Эдинбурге, а до рождения малыша оставалось всего около двух месяцев. И тогда жена брата написала мне. Мы с дядюшкой сразу же ринулись в Эдинбург. Мы с Кат выяснили отношения, помирились, и дядюшка, состоящий аббатом гленкеркского аббатства, нас повенчал.

– Держу пари, Гленкерк, что тебе пришлось нелегко, – усмехнулась королева.

– Нелегко, – согласился он.

– А когда родился твой сын?

– Примерно через час после брачного обряда.

Елизавета, во время разговора потягивавшая вино, принялась громко хохотать и хохотала до тех пор, пока из глаз у нее не брызнули слезы. От смеха у королевы перехватило дыхание, она поперхнулась вином и закашлялась. Не долго думая Гленкерк встал, нагнулся и похлопал ее по спине.

Когда королева наконец отдышалась, то сказала:

– Надеюсь, милорд, ты привез свою дикую девицу, ибо я желаю с ней познакомиться.

– Привез, ваше величество, и также привез мою мать, леди Маргарет Стюарт Лесли. Надеюсь, вы примете их обеих.

– Приму, Гленкерк. Приводи когда захочешь. Но скажи, красива ли твоя жена?

– Да, мадам, красива.

– Столь же красива, как и я? – скромно спросила королева.

– Едва ли можно сравнивать красоту ребенка с красотой зрелой женщины, ваше величество.

Елизавета, довольная, заулыбалась:

– Боже, Гленкерк! Думаю, у тебя не все потеряно. Это первый настоящий комплимент, что я слышу из твоих уст при моем дворе.

Два дня спустя Патрик привез свою жену ко двору. Когда Катриона направилась в сторону королевы, то дамы помоложе злорадно отмечали, сколь скромно и непритязательно выглядело ее платье, а дамы постарше и поопытнее завидовали прозорливости графини.

Королева Елизавета стояла в платье из ярко-красного бархата, обвешанном лентами и драгоценностями, сверкавшими под огромным золотистым кружевным рюшем. А графиня

Гленкерк надела черное бархатное платье со многими юбками. Широкие рукава были отделаны кружевами, и разрезы на них открывали белый шелк, усыпанный вышитыми золотыми звездами. Глубокое декольте обрамлялось высоким кружевным воротником, сильно накрахмаленным и прозрачным. На шее сверкали три длинные нити великолепных бледно-розовых жемчужин. И только одно-единственное кольцо украшало руку графини Гленкерк – крупный рубин в форме сердца. Незавитые волосы прекрасной debutантки разделялись посередине пробором и, стянутые над ушами, сходились в узел на затылке, где их венчал кружевной чепец. В изящных ушах блестели две крупные розовые жемчужины.

Фрейлины посчитали туалет юной графини слишком простым, но Лестер склонился к своей жене Леттис и прошептал: «Какая красавица!» На что в ответ услышал: «Да! Надеюсь, она не задержится при дворе!»

Прекрасная чета приблизилась к королеве. Изысканно взмахнув шляпой, Гленкерк отвесил низкий поклон. Графиня опустилась в изящном реверансе. Поднявшись, Гленкерки с достоинством встретили взгляд королевы. И на какой-то миг Елизавета Тюдор подумала о том, как много потеряла, не последовав зову сердца.

– Добро пожаловать, графиня.

– Я приношу вашему величеству величайшую благодарность за приветствие, – осторожно проговорила Катриона.

– Твое дитя и в самом деле удивительно красиво, Гленкерк, – сухо сказала Елизавета. – В следующий раз приведи свою мать. Буду рада познакомиться и с ней. – Она повернулась к Катрионе: – Надеюсь, вы приятно проведете здесь время.

Поняв, что аудиенция окончена, Катриона снова опустилась в реверансе. Поблагодарив Елизавету, она отступила назад. Потом графиня справилась у мужа, что именно имела в виду королева, когда назвала ее ребенком. Патрик сказал, и Катриона рассмеялась.

Несколько дней спустя Гленкерки привели ко двору Мэг, и королева вежливо приняла ее, хотя при этом не преминула поджать губы и заметить:

– Не думаю, Гленкерк, чтоб у тебя были некрасивые сестры.

Однако сердечность Мэг покорила Елизавету.

Эли Кира снял для семьи Лесли великолепный особняк на Стрэнде. К дому примыкал обширный сад, выходивший террасой на берег реки. Лодочник, которого наняли Гленкерки, катал их на лодке. Примерно в пятнадцати милях от Лондона у них появился еще один дом – на случай, если им захочется выбраться за город.

Графиня переживала свои самые счастливые дни. Вместе с Мэг они выманили Патрика сопровождать их в театр на одну из пьес господина Шекспира. После спектакля Катриона сказала, что молодые парни, игравшие в пьесе женщин, выглядели весьма приятно, но она не может понять, почему женские роли не разрешается исполнять женщинам. Затем Гленкерки сходили посмотреть травлю медведя, ибо Катрионе хотелось увидеть и такое представление. Но зрелище с наполовину уморенным голодом, с изъеденной молью шкурой животного, на которого злобно нападала целая дюжина таких же изголодавшихся собак, возмутило ее.

Они принимали множество гостей как в Лондоне, так и в своем загородном особняке, расположенном неподалеку от Уолтемского аббатства. Гленкерки пользовались успехом. В третий их визит ко двору королева поставила на шотландцах печать своего одобрения. Елизавета, презиравшая ярких внешностью, но малообразованных и легкомысленных женщин, одобрительно заметила тогда графине:

– Насколько я понимаю, вы получили образование.

– Да, ваше величество. Моя прабабушка считала, что женщинам непременно следует учиться. Всем девушкам в ее роду предоставили такую возможность. У некоторых дело пошло, у других – нет. Но у меня, конечно же, нет таких достоинств, как у вашего величества.

- Вы знаете математику?
- Немного, ваше величество.
- Музыку?

Катриона кивнула.

- Языки?
- Да, мадам.
- Какие?

– Французский, гаэльский и латинский – хорошо. Немного фламандский, итальянский, немецкий, а также испанский и греческий.

Королева кивнула и неожиданно задала вопрос на фламандском, перейдя в середине фразы на латинский. Кат ответила на французском, перешла на греческий, а закончила фразу на испанском. Елизавета восторженно засмеялась и ущипнула графиню за руку. Успех Гленкерков был закреплен.

– Какая же ты бойкая, дорогая шалунья, – сказала Елизавета. – Не знаю почему, но ты мне очень нравишься.

В Англии Катриона приобрела также и хорошую подругу – первую, какую имела вообще вне своей семьи. Леттис Ноллис, прекрасная графиня Лестер, была старше Катрионы. Двумя годами раньше она тайно вышла замуж за любимейшего фаворита королевы, но всего через полгода их секрет раскрыли, и только сейчас Леттис, кузина Елизаветы, получила высочайшее разрешение вернуться ко двору после жестокой опалы.

Графиня Лестер до сих пор проявляла крайнюю осторожность. Городской дом Лесли был одним из немногих мест, где Леттис могла видаться с мужем, не оскорбляя королеву. Катриона щедро предоставила им несколько комнат для встреч наедине. Королева же, в своей ревливой злобе, отказывала им даже в одной.

Патрика несколько задерживали дела, поскольку на берегу никем не предлагалось складов на продажу. Однако близ реки обнаружили прекрасный участок земли, который Эли Кира приобрел для Гленкерков. Пришлось открыть торги за строительство двух складов и прилегающих доков, которые бы их обслуживали. Патрик был вынужден остаться в Лондоне, чтобы следить за выполнением намеченных работ.

Мэг же предпочла вернуться в Гленкерк. Она уже насмотрелась столичной жизни.

Чтобы сопроводить мать домой, Патрик выделил половину своих всадников с верным Коноллом во главе. Катриона пожелала, чтобы по возвращении они привезли Джемми. Патрик благоразумно отменил приказание жены и добавил, что если она хочет, то может ехать вместе с Мэг.

– И оставить тебя играть в пчелку среди английских роз? И не подумаю, милорд!

– Ревнуешь, голубка? – спросил он с вызовом.

– К твоим поклонницам? – проворковала Катриона. – Не более чем ты меня к моим воздыхателям.

В ее прекрасных глазах, в изгибе губ читалась ласковая насмешливость, и Патрик в который раз подумал, как же ему повезло, что он получил эту женщину. Граф схватил Катриону в объятия и страстно поцеловал. Прижавшись всем телом к любимому супругу, она ответила на его поцелуй с той же страстью, подумав, что если когда-нибудь застанет его в объятиях другой женщины, то просто-напросто убьет. Если бы Гленкерк мог прочесть мысли жены, то был бы польщен, потому что ненавидел придворных ухажеров, которые с вожделением разглядывали Катриону. К счастью, не пройдет и нескольких месяцев, как они наконец отправятся домой.

Но этому случиться не было суждено. После Рождества у Катрионы случился выкидыш. Не стало ребенка, которого она совсем недавно зачала. Опустошенная этой трагедией, графиня

впала в уныние – постоянно плакала. Ничего не ела и почти потеряла сон. Она не хотела никого видеть, даже Леттис. Наконец Эллен заговорила об этом с Патриком:

– Помочь ей можно только одним – вам надо привезти сюда Джеми.

– Боже мой, женщина, – взорвался граф, – сейчас середина января, и на севере все занесено снегом. Конолл только что вернулся!

– Пошлите за ним одного брата. Без людей. Один он доберется быстрее и без приключений доставит сюда Салли с мальчиком. Не беспокойтесь, милорд. Салли выросла на пограничье. Она ездит верхом не хуже солдата, даже с ребенком. Сегодня же пошлите вестника раньше Конолла. Пусть Хью везет девочку с вашим сыном навстречу до самого Эдинбурга.

Патрику не понравилось предложение Эллен, однако он послушался мудрой женщины. Как только Конолл выехал, граф сообщил об этом жене. Катриона сразу повеселела и даже начала принимать пищу. Когда же прибыл сын, а это произошло три с половиной недели спустя, она была уже почти прежней Катрионой. На радостях графиня до того зацеловала мальчика, что тот у нее уже сам вывернулся.

– Мама, хватит!

Вскоре зима неожиданно посуровела, и за снегопадом шел снегопад. На складах и в доках работа остановилась до весенней оттепели. Затем в начале лета Лондон посетила чума, и Лесли вместе со своими домашними поспешно бежали из столицы. Когда они смогли вернуться обратно в город, уже снова наступила осень, и им пришлось провести в Англии еще одну зиму.

С приходом весны 1582 года Катриона почувствовала, что снова забеременела. Они остались в Англии до рождения ребенка. Элизабет Лесли, названная в честь королевы, сумела появиться на свет в сорок девятые именины ее величества – 7 сентября. Когда четыре дня спустя малышку крестили, Елизавета настояла, что будет крестной матерью. Перепуганный католический священник не осмелился отказать королеве. Малышка Бесс получила от своей сиятельной покровительницы дюжину серебряных кубков, инкрустированных аквамаринами, с гравировкой герба Лесли.

Девочка появилась на свет в загородном доме. Месяц спустя, даже не увидев Лондона, малышка отправилась домой в Шотландию со своими родителями и четырехлетним братом, который ехал верхом на собственном пони.

Через месяц они пересекли границу. Уже начинался ноябрь, полдень был теплый и чарующий. Катриона и Патрик, ехавшие впереди своего обоза, остановились на гребне горы. Березы казались золотистее, а сосны зеленее, чем когда-либо. Внизу мерцала долина, укутанная в слабую пурпурную дымку. На запад был Эрмитаж, дом графов Ботвеллов. Впереди лежал Джедбург, где кортеж сегодня переночует.

– Боже мой, – произнес Патрик. – Это мне кажется, или даже воздух сегодня пахнет слаще?

Катриона кивнула и улыбнулась, подняв лицо к мужу. Путешествие ей понравилось, но теперь лицо графини светилось радостью возвращения в Шотландию.

– Мы почти дома, голубка, – сказал Патрик. – Если такая погода продержится, то мы будем в Гленкерке через десять дней.

Он протянул руку. Катриона снова улыбнулась и взяла ее в свою. «Боже мой, – подумал граф, – как же она изменилась! Я повез в Англию девочку, а обратно везу женщину – и какую!»

– Ты будешь жалеть, что мы вдали от Лондона и от двора? – спросил он.

– Нет, милый, я очень рада, что вернулась домой.

– После Лондона в Гленкерке тебе будет не особенно весело.

– Но, Патрик! Ведь есть Эдинбург! Королю в будущем году исполнится семнадцать лет, и он непременно вступит в свои права. Как только Джеймс женится, у нас появится собственный двор.

– Мадам! – возмутился граф. – Я уже не раз говорил вам, что мы не станем связываться со Стюартами! Им нельзя доверять, и к тому же они вечно в долгах, как в шелках. Эти попрошайки нам не нужны, и не надо меня обхаживать.

Уголки ее прелестного рта приподнялись в озорной улыбке.

– Когда король Шотландии вступит в свои права, Патрик, я отправлюсь ко двору! Захочешь ты поехать со мной или нет – это твое дело. Напоминаю вам, дражайший милорд, что особняк в Эдинбурге принадлежит мне. Я обставляла его с огромными личными затратами и совсем не для того, чтобы навещать туда на месяц в год, а то и в два, как ты хочешь. И не для того также, чтобы, пока я сижу в Гленкерке, там жили родственники. Ты знаешь, Адам обещал Фионе, что они отправятся ко двору Джеймса, и будет неплохо, если ты то же пообещаешь и мне.

С этими словами она пришпорила Бану и поскакала легким галопом в пурпурную долину.

Граф тоже пришпорил коня и поспешил за своей упрямой, но прелестной женой.

Часть II

Король

14

Король Шотландии, Джеймс Стюарт, шестой, носящий это имя, сидел, развалившись на своем троне, и наблюдал за танцующими придворными. Особенно внимательно он следил за одной из дам, которую звали Катрионой Лесли, графиней Гленкерк. С ней танцевал один из кузенов монарха, Патрик Лесли, граф Гленкерк. Катриона Лесли считалась самой красивой женщиной при шотландском дворе и одновременно имела славу самой добродетельной. Какая незадача! Ведь король вожделел графиню. А то, чего Джеймс Стюарт желал, он добивался. Так или иначе.

Король не знал свою мать, потому что, бежав в Англию, Мария Стюарт оставила его. Мальчика взрастили воинствующие протестанты, которые использовали его как пешку для осуществления своих целей. Эти люди полагали, что научили юного монарха ненавидеть собственную мать. Но его няня перехитрила их всех.

Няня обожала Марию, и когда наставник Джеймса произносил язвительные речи против королевы-пленницы, старая дама излагала ребенку свою версию. Это успокаивало мальчика, потому что ее рассказы оказывались правдоподобнее, чем рассказы опекуна. И если наследник расспрашивал старую даму о матери, то слышал, что женщины слабы, когда дело доходит до мужчин. Он не понимал этих слов до тех пор, пока ему не исполнилось четырнадцать.

Хотя король давно уже не был ребенком, няня все равно не покидала его и продолжала заботиться о своем воспитаннике. Опекуны же Джеймса посчитали, что оставить старушку обойдется дешевле, чем нанимать горничных.

Когда Эсме Стюарт д'Оробине прибыл из Франции, нянечка было обеспокоилась, как бы пристрастия мальчика не склонились в опасную сторону. К счастью, Эсме оказался всего лишь честолобив, а старая дама позаботилась направить своего питомца по безопасной любовной стезе. Она познакомила его с хорошенькой молодой шлюхой, умелой и чистой. Эта девица, прозывавшаяся Бетти, имела честь обучить юного короля искусству любви. Тот оказался отличным учеником.

Бетти принадлежала к старому вероисповеданию, и ее просто забавляли благочестивые лицемеры из суровой и холодной новой церкви. По воскресным дням утром эти люди посвящали себя проповедям о грехах плоти, а в тот же день вечером приходили, надев маски, к ее дверям.

Джеймсу тоже нравилось оставлять своих опекунов с носом. Король был Стюартом по обоим своим покойным родителям, а Стюарты отличались чувственностью. Юный монарх открыл целый мир наслаждений и тогда-то понял слова нянечки о женской слабости. Он любил женщин.

Джеймсу Стюарту исполнилось двадцать три года, и он был королем. Завтра ему предстояло вступить в брак с прелестной датской принцессой Анной, белокурой и голубоглазой. Но прежде чем он увидит свою шестнадцатилетнюю невесту и вступит с ней в брачные отношения, пройдет еще несколько недель. Если уж ему суждено было жениться заочно, рассуждал Джеймс, то почему бы заочно не провести и брачную ночь?!

Эта мысль монарху чрезвычайно понравилась, однако ни одна шлюха не могла заменить ему королевскую невесту-девственницу. Не подобало. Нехорошо также будет начинать любовную историю с какой-нибудь впечатлительной девушкой. Взгляд Джеймса снова остановился

на Катрионе Лесли, которая смеялась, подняв лицо к мужу. Да! Самая добродетельная женщина двора окажется достойной заменой!

Тут, однако, имелись свои сложности. Король уже дважды подбирался к Катрионе. В первый раз графиня подумала, что Джеймс просто шутит, и задиристо напомнила, что она старше его. Во второй раз Кат осознала серьезность его намерений и мягко напомнила о своих брачных узах, сообщив, что не собирается их нарушать. Она любит своего мужа и не навлечет позора на его имя.

Другой мужчина отклонялся бы и изящно удалился. Но не таков был Джеймс Стюарт. Он знал, конечно, что мог просто отправиться к Патрику Лесли и объявить, что хочет его жену. Не стоило сомневаться, что кузен, глава самой младшей, но самой богатой ветви Лесли, поведет себя правильно и закроет глаза, пока король будет флиртовать с его женой. Однако Джеймс любил своего старшего кузена и не хотел его огорчать. Граф Гленкерк был безумно гордым человеком. Если король желает графиню, то Патрику придется дать согласие, но уже никогда больше он не будет счастлив с Катрионой.

Однако если Патрика Лесли убрать с дороги, то тогда Катриону можно будет принудить. Это осуществится тайно, чтобы не повредить репутации дамы и самолюбию ее мужа. Но это произойдет! Джеймс хотел отведать того, от чего Патрик Лесли не мог оторваться вот уже девять лет. И король не сомневался, что свое получит.

Танцы закончились, и придворные, разгорячившиеся от усердия, жадно припадали к кубкам с охлажденным вином, подносимым слугами. Джеймс непринужденно прохаживался по залу, разговаривая и смеясь. В конце концов он приблизился к Лесли.

– Кузены! – Он поцеловал Катриону в обе щеки.

– Итак, Джеми, завтра ты берешь себе жену, – обратился к нему Патрик.

– Да, кузен, хотя я бы предпочел, чтобы она была здесь, а не в Дании.

– Терпение, дружище. Не успеешь обернуться, как она уже сюда придет, и тебе снова захочется сплавить ее обратно в Данию.

Все засмеялись, а Джеймс сказал:

– Не станете ли вы с Катрионой моими гостями и не останетесь ли при дворе на празднества? Я знаю, что у вас есть дом в городе, но мне бы хотелось, чтобы моя семья была со мной. Даже Ботвелл снова у меня в фаворе.

– Как же, спасибо, Джеми, – улыбнулся Патрик. – Мы почтем за честь. Не так ли, голубка?

– Да, сир, – сказала Катриона. – Мы весьма польщены вашей добротой.

Джеймс отправился дальше, тайно ликуя. Теперь она у него под крышей!

На следующий день с неистовым весельем праздновалось бракосочетание короля Шотландии с Анной Датской. В тот же вечер граф Гленкерк выехал по срочному делу в аббатство Мелроуз, а графиня после восхитительного пиршества и танцев отошла в свои покои.

Эллен помогла ей раздеться. Затем Катриона вступила в небольшой чан с теплой надушенной водой, а женщина потеряла свою госпожу мягкой губкой. Обсушенная и напудренная, графиня подняла руки, и Эллен надела на нее шелковую ночную рубашку цвета морской волны. Забравшись в постель, Катриона приказала служанке сгрести в кучу угли в камине и пожелала ей спокойной ночи.

Графиня откинулась на пухлые подушки. Кровать была огромная, казавшаяся еще большей в отсутствие Патрика. За девять лет супружества Гленкерки расставались редко, и Катриона не любила разлуки. Внезапно, уже начиная дремать, леди услышала какой-то скрип. Она села и увидела, как рядом с камином открывается потайная дверь. В проем вошел Джеймс Стюарт.

– Что вы здесь делаете? – возмутилась Катриона.

– А мне казалось, дорогая, что ответ на этот вопрос очевиден.

– Я сейчас завизжу на весь замок.

– Нет, милая, не завизжишь. Меня скандал не затронет. Я король. А ты – другое дело. Если ты мне откажешь, твоя семья сильно пострадает.

– Я уже говорила, что не стану вашей любовницей, Джеми.

Графиня пыталась скрыть свой страх. Она не ожидала такой настойчивости.

– Я не согласен с вашим решением, мадам. К тому же не вам его принимать. Сегодня я заочно вступил в брак. Сегодня же я намереваюсь скрепить свои брачные узы, и я выбрал вас своей невестой.

– Никогда! Я никогда не уступлю вам.

– У тебя нет выбора, дорогая, – произнес король с торжествующим видом и снял с себя одежды. – Встань же и подойди ко мне! – приказал он.

– Нет, а если принудите меня, то я расскажу Гленкерку.

В глазах Катрионы заблестели слезы, а прелестные губы вызывающе надулись. Она была самым очаровательным созданием, какое Джеймс встречал за всю свою жизнь, и ее гнев возбуждал короля сильнее, чем любая познанная им женщина.

– Значит, скажешь Гленкерку? – Это позабавило монарха. – Если хочешь, Катриона, я скажу ему сам. Но имей в виду, дорогая, Патрик простит меня. Я его король. Тебя он не простит. А теперь подойди.

Правда этих слов ужаснула графиню. Если Патрик узнает, что с ней спал другой мужчина, то гордый лорд бросит ее. Король поймал ее в ловушку, как кролика.

– Ублюдок, – выругалась она.

Джеймс захохотал:

– Нет, дорогая, с этим слухом было покончено еще до моего рождения.

Король протянул руку. Не видя другого выхода, Катриона приблизилась, изумрудные глаза графини горели яростью. Король все еще смеялся, довольный. Ох, теперь она своим упрямым умом будет ему сопротивляться, но ее тело в конце концов уступит. Время терпит, и сегодня он овладеет ею.

– Сними рубашку, – тихо проговорил Джеймс и обрадовался, что Кат подчинилась ему без единого слова.

Отступив назад, король с удовольствием разглядывал графиню. У Катрионы была широкая и мягкая грудная клетка, откуда выпирали самые прекрасные груди, какие Джеймсу когда-либо доводилось видеть, – чудесные шары цвета слоновой кости с большими темно-розовыми сосками. Изящно округлые полные губы, тонкая талия, длинные и хорошей формы ноги, ниспадающие до самых бедер темно-золотистые волосы... Монарх почувствовал, как в нем забилося желание.

– О боже, кузина! Ты прекрасна!

К его удивлению, Катриона зарделась, и Джеймс испытал непритворный восторг. Так, значит, это правда! Она и в самом деле никогда не знала другого мужчины, кроме Патрика! И действительно была самой добродетельной женщиной при дворе. Он позаботится о том, чтобы вознаградить графиню и сделать ее придворной дамой своей будущей жены. Графиня Гленкерк окажет на юную королеву прекрасное влияние.

Снова взяв Катриону за руку, монарх повел ее к кровати. Он поднял графиню на руки и уложил в постель. Меж ее ног розовел соблазнительный треугольник, выщипанный, как и полагалось леди. Над заветной расщелиной чернела крохотная родинка.

– Знак Венеры, – прошептал король, прикоснувшись к этому пятнышку, а потом наклонился и поцеловал его.

По обнаженному телу графини пробежал неистовый трепет, и Джеймс про себя улыбнулся. Он возьмет ее быстро, и, когда дело будет сделано, Катриона оставит свое глупое сопротивление. Нежно и вместе с тем твердо король раздвинул дрожащие бедра женщины. Ее глаза широко раскрылись, а когда он мягко вошел внутрь, у нее перехватило дыхание. Подобно боль-

шинству мужчин из семьи Стюартов, Джеймс был одарен природой сверх меры. Неожданность его натиска обезоружила Катриону, и графиня решила тихо лежать и ждать, когда монарх удовлетворит свою похоть.

Однако Джеймс Стюарт был слишком опытным и умелым любовником, чтобы позволить своей даме оставаться безответной. Сладострастно раздражая, он двигался внутри ее, уверенно и неторопливо возбуждая ответную страстность. Лишь величайшим усилием воли Катриона сохраняла под ним неподвижность. Вытянув руки по бокам и сжав кулаки, она пыталась сосредоточиться на остроте ногтей, впивавшихся в ладони, и только так сумела отвлечься от его ласк и остаться безучастной.

Обнаружив это, король сказал:

– Ох нет, любовь моя!

Смеясь, он вытянул ей руки над головой и придержал их. Потом его чувственный рот нашел ее благоуханные, но безответные губы, а настойчивый язык раздвинул сначала эти губы, а следом и зубы. Она была близка к тому, чтобы уступить, ибо он сумел прорвать ее линию обороны. Прекрасное тело, привыкшее к частым любовным ласкам, просто не умело сопротивляться удовольствиям. Король ускорил свои движения.

– Уступи, любовь моя, – настойчиво шептал он.

– Никогда! – Голос графини дрожал.

– Дело содеяно, любовь моя. Уступи и насладись мной, как я наслаждаюсь тобой.

Катриона не захотела ответить, однако король чувствовал, как неуступчивая любовница сдерживает движение своих бедер. Джеймса внезапно осенило. Высвободив ее руки, он приказал:

– Обними меня.

А затем король внимательно посмотрел в ее изумрудные глаза. Они блестели от слез.

– Если бы Патрик сейчас зашел в эту комнату, Кат, и увидел, как я пронзил тебя, то он не стал бы разбираться, упрямись ты или наслаждаешься. Не сопротивляйся больше, любовь моя! Твое прекрасное тело жаждет меня! Уже ничто нельзя изменить: я овладел тобой.

Катриона все еще молчала, но ее глаза закрылись, и по краям лица бесшумно потекли обильные горячие слезы. Затем король почувствовал, что объятие ее рук окрепло, а бедра стали выгибаться навстречу каждому его напору. Победитель весь отдался сладости уступившей женщины.

Потом, опершись на локоть, Джеймс посмотрел на графиню, но она снова прикрыла глаза и не захотела встречать его взгляд.

– Такой я тебя всегда и представлял, – произнес король тихим голосом. – Твои веки пурпурные от изнурения. Мокрые ресницы лежат на щеках. Твое тело ослабело от любви, а рот саднит от моих поцелуев.

Он наклонился и поцеловал ей соски. Глаза Катрионы мгновенно раскрылись.

– Я не прощу тебе этого, Джеймс Стюарт.

Он чарующе улыбнулся:

– Почему же? Конечно же, простишь, ты, нежная моя. Конечно, простишь.

Уложив графиню на изгибе своей руки, король принялся ласкать ее мягкие груди. Она попыталась вывернуться.

– Пожалуйста, сир! Вы насладились мной. Теперь идите в свою постель.

– Как, моя сладкая, – в его голосе прозвучало искреннее удивление, – неужели ты думаешь, что я хотел только попробовать? Нет, дорогая. Впереди у нас целая ночь.

– Ох нет, Джеми! Ну, пожалуйста, нет! – Катриона принялась отбиваться.

Король удержал ее и с сожалением проговорил:

– Дорогая, я надеялся, что ты станешь благоразумной теперь, когда наш предварительный бой закончился. Твоему Патрику мало дела до того, взял я тебя один раз или дюжину. Одного

того, что я имел тебя, будет достаточно. Знаю, любовь моя, ты не развратница, но не можешь же ты отрицать, что твое тело отвечает моему. Почему тебе еще все хочется бороться со мной? Я с тобой нежен и знаю, что я – хороший любовник. Почему ты никак не уступишь?

– Ох, Джеми, – тихо отвечала графиня. – По-моему, ты и в самом деле не понимаешь. Кроме Патрика, я никогда не знала другого мужчины. До свадьбы я сопротивлялась ему, но любила... Да, конечно, мое тело отвечает твоему. Патрик научил его этому. Но вот приходишь ты и заявляешь на меня права сеньора. До сих пор в постели тело и ум у меня действовали заодно, потому что я ложилась с мужчиной, которого люблю. Но вас, милорд, я не люблю. И не могу не сопротивляться.

– Тебе чрезвычайно повезло, прелестная кузина, – возразил Джеймс Стюарт. – Я никогда никого не любил. И не знаю, что это на самом деле значит. Меня вырастили люди – те, которые кормили, одевали, обучали и приструнивали меня. Из своего детства я не помню ни единого доброго слова или ласки. Единственным человеком, который проявлял ко мне какую-то нежность, была моя старая нянечка.

– Тогда мне и в самом деле тебя жаль, Джеми, потому что любить по-настоящему – это и значит жить полной жизнью. Тебе трудно потому, что ты никогда не имел ничего своего. Но когда в Шотландию прибудет юная королева, она станет только твоей. А потом один за другим пойдут дети – что ты, Джеми! Не успеешь оглянуться, а у тебя появится уже целая семья, и ты будешь ее любить, а она – тебя.

– Спасибо, Кат. Ты меня обнадеживаешь. – Король улыбнулся и продолжал: – Тебе, дорогая, и в самом деле место у меня при дворе. Ты знаешь, что сказать своему королю. Я с нетерпением жду приезда королевы, но сейчас...

Он снова мягко толкнул графиню на подушки и, отыскав ее рот, стал целовать со вкусом и умением.

Первым позывом Катрионы было вырваться, освободиться от его хватки, но затем она внезапно осознала, что король был прав. Если бы Патрик сейчас вернулся, его мало бы беспокоило, сопротивляется она или соучаствует. В любом случае он разгневется на нее.

Ее тело уже устало от борьбы и болело. «Я не люблю этого мужчину, – подумала Катриона, – но такого напора я больше не выдержу».

Король прекратил целовать и посмотрел ей в лицо. Их глаза встретились.

– Я никогда не буду любить тебя, Джеми, и мне очень стыдно за то, к чему ты меня принуждаешь. Но я уступаю вам, мой сеньор.

– Пока не прибудет королева, – быстро проговорил он.

– Милорд! Вы погубите мой брак! Вы не сможете скрыть от Патрика, что спите со мной.

– Смогу, если его здесь не будет. Ни один мужчина в здравом уме не захочет, отведав твоей сладости, остаться всего лишь на одну ночь. Я ушлю Патрика в Данию вместе с эскортом сопровождать королеву. Наша связь навсегда останется тайной от двора. Твоя репутация не пострадает. Гордость твоего мужа – тоже.

Катриона поняла, что должна этим довольствоваться. Больше с ним спорить она не могла.

– Спасибо, милорд, – прошептала графиня.

В ответ король склонил голову и принялся страстно целовать ее трепетное тело, начав с пульсирующей жилки на тонкой шее. Затем его рот опустился ниже, к тугим белоснежным грудям с острыми сосками и округлому животу с родинкой, венчавшей сладостную расщелину. Неожиданно Джеймс резко перевернул женщину и овладел ею таким способом, каким Патрик Лесли никогда даже и не пытался. От потрясения у Катрионы перехватило дух, и она услышала, как король хрипло пробормотал:

– Вот место, где Гленкерк до меня не бывал.

Руки короля пребольно сжали ей груди, и она поразилась тому, как быстро Джеймс их возбуждал. Мужчина и женщина тихо лежали рядом.

– Надеюсь, – сказал Джеймс Стюарт, – что королева не приплывет слишком быстро. Любовь моя! Ты великолепна! Теперь понятно, почему Патрик все эти годы не гулял.

Голос Катрионы задрожал:

– Патрик никогда не делал со мной такого!

– Знаю. Там ты была девственницей. Но тебе понравилось, не так ли, Кат?

– Нет!

Он засмеялся:

– Да! Понравилось!.. Гленкерк обращался с тобой нежно, любовь моя. Я научу тебя многим вещам, включая и то, как меня ублажить.

Король поднялся, налил им обоим по бокалу вина и подкинул в огонь дров.

– Скоро твой Патрик вернется из аббатства Мелроуз. Неделю спустя он отправится вместе с другими знатными дворянами встречать мою невесту и сопровождать ее сюда. Не гляди же так печально, любовь моя. Нам с тобой предстоит чудесный месяц, а может, даже два.

15

Графиня Гленкерк задумчиво сидела перед зеркалом, а Эллен причесывала ее густые волосы цвета меда. На госпоже были только белая шелковая нижняя юбка и блузка с глубоким вырезом. Леди была испугана, растеряна и не знала, что делать. Патрик приехал, он уже во дворце отчитывается перед королем. Когда наконец муж появится в их покоях, заметит ли он что-либо необычное? Графиня молилась, чтобы не заметил.

С двенадцатого августа прошла уже неделя, и все эти ночи Джеймс Стюарт спал с ней. Видит бог, она его не поощряла! После первой ночи она даже бежала из дворца в свой городской дом. Король тихо, но твердо приказал ей вернуться. В отчаянии она доверилась своему любимому свояку. Адам выслушал, покачал головой и сказал:

– Ничего не поделаешь, Кат. Что король хочет, то и берет, и случилось так, что он хочет тебя.

– А если мне уехать домой, в Гленкерк, Адам? Он же не будет преследовать меня там?

Адам Лесли искренне пожалел Катриону. Своевольная и упрямая, она, однако, любила Патрика, и страдание, которое выпало ей, было несправедливым. Тем не менее ничем помочь ей он не мог.

– Ты не имеешь права без разрешения Джеми оставить двор, Кат. И ты это знаешь.

На ее лице появилось дерзкое выражение, и Адам продолжил безжалостно:

– Ты не можешь подвергать опасности Лесли, Кат, из-за того, что тебе не угодно становиться любовницей короля. Джеймс выбрал тебя. Он также оказался настолько добр, что согласился скрывать вашу связь. Если ты ослушаешься его, он нас погубит! Боже мой, женщина! Ты же не девственница, чтобы выторговывать хорошую цену за свою невинность! Ведь тем, что хочет Джеми, Патрик уже хорошенько попользовался!

Катриона сразу возненавидела свояка.

– Ты не скажешь Патрику?

– Нет, Кат. Не бойся, – проговорил Адам уже добрее. Помолчав, он добавил: – Спасибо, Кат, что мне доверилась. Мне очень жаль, искренне жаль, девочка, что ничем не могу помочь, но если понадобится снова поговорить, то я тебя жду.

Графиня кивнула.

– А кто-нибудь еще знает?

– Только Эллен, – ответила она.

А верная Эллен колебалась. С одной стороны, ее мучило страдание госпожи, а с другой – распирало от гордости: ведь Катриона оказалась настолько прелестна, что привлекла самого короля!

– Если вы, мадам, не украсите ваше лицо улыбкой, то он подумает, что что-то не так, – резко заметила женщина.

Катриона подскочила.

– О боже, Элли, я чувствую себя такой скверной!

Служанка отложила расческу, которую держала в руках. Встав на колени рядом со своей хозяйкой, она подняла к ней лицо и сказала:

– Сделанного уже не воротишь, мадам. И перестаньте думать только о себе! Подумайте о графе, моя малышка. Подумайте о семье Лесли. О детях. Если вы хотите покоя в вашей жизни, то этот эпизод должен остаться в тайне. А если вы не соберетесь с силами, то все выплывет наружу.

По щекам графини заскользили две слезинки. Элли подняла руку и смахнула их.

– Король может трогать ваше тело, миледи. Но он не может притронуться к вашей душе, – проговорила она тихо.

– Когда ты успела стать такой мудрой? – спросила графиня.

Прежде чем Элли успела ответить, дверь широко распахнулась и на пороге появился Патрик Лесли. Катриона вскочила и бросилась к нему в объятия. Элли незаметно удалилась, а граф нашел рот жены и принялся проникновенно и страстно целовать, все крепче и крепче прижимая к себе ее тело. Катриона взмолилась:

– Патрик! Я дышать не могу!

Граф поднял ее и уложил на кровать. Катриона смотрела, как он снимал сапоги и сбрасывал другие одежды, а затем вытянулся рядом с ней на кровати. Притянув жену к себе и обняв, Патрик оттянул вниз ее блузку и поцеловал прелестные груди.

– Я безумно скучал по тебе, – прошептал граф, наслаждаясь исходящим от жены теплом. Кат поуютнее устроилась рядом с ним, благодарная за то, что он вернулся, и надеясь, что он сумеет уберечь ее от новых посягательств короля.

Патрик приподнял голову.

– Для чего ты одевалась? – спросил он.

– Очередной проклятый маскарад в честь датской невесты, – ответила она.

– Думаю, что, приняв во внимание мой приезд, Джеми без нас не заскучает.

Патрик стянул с нее юбку. Лицо Катрионы осветила улыбка, и она заключила мужа в свои объятия.

Но Джеймс Стюарт заскучал.

– Не вижу Гленкерка с женой, – заметил он с безразличным видом своему кузену графу Ботвеллу. – А Патрик сегодня вернулся из Мелроуза.

– Меня это не удивляет, – отвечал Ботвелл. – Полагаю, что Гленкерк затащил жену в постель. Если бы она была моя, а я бы неделю отсутствовал, то я так бы и поступил. – Он плутовски ухмыльнулся. – Самая добродетельная женщина при дворе! Жаль, ваше величество, а?

– Учитывая нравы большинства придворных дам, – почему-то резко сказал король, – думаю, что леди Лесли вносит свежую струю. Я намереваюсь сделать ее дамой спальни моей супруги.

«Ох-хо-хо! – подумал Ботвелл. – Кузен Джеми явно заинтересовался прекрасной графиней. Но как искусно он скрывает свое вожеление! Держу пари, что только я, знающий его как облупленного, заметил это». Граф довольно усмехнулся про себя. Поскольку Джеймс Стюарт проявлял ласковую привязанность к окружающим – а это оказывались большей частью мужчины, – то его считали гомосексуалистом. Грубая правда, однако, заключалась в другом – просто король с младенчества привязывался к каждому, кто был рядом. Стюарты были любвеобильны. Но до недавнего времени не находилось рядом с монархом достойной женщины, на которой он мог остановить свое внимание.

В романтическом порыве Джеймс наполовину уже заставил себя влюбиться в свою белокурую невесту из Дании. Но Ботвелл знал, что королю требовался кто-то именно сейчас. И если этой «кто-то» оказалась графиня Гленкерк – что ж, прекрасно. Она не была честолюбива и не плела интриг. Однако граф не думал, что королю светили какие-нибудь надежды. Дама казалась вполне довольной своим красивым, любящим, хотя и скучноватым мужем. Действительно жаль. Катриона Лесли выглядела роскошным созданием, явно предназначенным для любовных утех. И Ботвелл сомневался, пробудил ли ее Гленкерк вполне.

А Джеймс Стюарт тяготился присутствием на этом вечере. Когда он смог удалиться, не вызывая неприличных толков, то так и сделал, позволив церемонно уложить себя в постель. Затем он вызвал своего прислужника. Этот парень не имел цены, поскольку был немым, но не глухим. Его звали Барра, и он знал все секреты короля.

– Я буду в тайном коридоре, – сказал Джеймс. – Запру дверь изнутри. Твой ключ у тебя? Барра поднял свой ключ.

– Хорошо. Не позволяй меня никому беспокоить. Если случится что-то непредвиденное, приходи один.

Немой понимающе кивнул и вышел нести стражу у входа в королевские покои.

Заперев дверь спальни, Джеймс подошел к камину и тронул небольшое резное украшение. Взяв с канделябра, стоявшего на каминной доске, зажженную свечу, король отсчитал шесть шагов, нажал на стену и прошел сквозь образовавшуюся амбразуру в коридор. Там он остановился и подождал, пока дверь снова закроется, а потом торопливо зашагал по тайному ходу до самой цели. Воткнув свечу в подсвечник, висевший высоко на стене, монарх приподнял маленькую заслонку и вперил взор в комнату, открывшуюся за ней.

Патрик Лесли стоял возле стола нагишом и наливал вино в два бокала. «Боже, – подумал Джеймс, – он и в самом деле красив. И подвешено у него неплохо, хоть и не так здорово, как у меня».

Король увидел, как граф прошел к измятой постели. Там лежала обнаженная Катриона. Она лениво потянулась за бокалом. Патрик лег рядом.

– Господи, голубка, как же мне тяжело разлучаться с тобой! – воскликнул граф.

– Тогда поедem домой, Патрик! Ты был прав, когда говорил, что нам не следует связываться со Стюартами.

– Почему же, милая? Мне казалось, что тебе здесь нравится.

– Нравилось. Но теперь эти люди, что живут при дворе и кормятся с него, меня пугают. Я хочу уехать в Гленкерк вместе с тобой.

– Мы не можем сейчас это сделать, голубка. Я не сказал тебе, потому что не хотел омрачать нашу встречу, но Джеми попросил меня отправиться в Данию с группой знатных людей, чтобы сопровождать юную королеву сюда. Я не мог отказать ему. Через неделю мы отплываем.

Катриона выругалась. Графиня и раньше знала, что Джеймс задумал услатить ее мужа подальше от столицы, но не ожидала, что это произойдет так скоро. Она надеялась, что успеет разрушить замысел короля.

– Ты отправишь меня домой, Патрик, так ведь?

– Я и хотел, моя милая, но король попросил, чтобы ты осталась при дворе. Он хочет, чтобы ты стала дамой спальни его жены. Джеймс ценит тебя, голубка.

Она в ловушке! Ее снова поймал в ловушку Джеймс Стюарт! Граф поставил свой кубок и, затянув Катриону под себя, стал ее жадно целовать.

– У меня всего несколько дней, мадам, – сказал Гленкерк, – а потом я должен буду тебя покинуть. И пройдет еще два месяца, если не больше, прежде чем мы снова увидимся.

Большие руки Патрика ласкали ей груди, бедра. Катриону не надо было понуждать. Она пылко отдалась мужу, не подозревая, что за ними наблюдает король.

А Джеймс Стюарт не мог оторвать глаз от сцены, которая перед ним разворачивалась. Когда сплетенные тела любящих одновременно достигли оргазма, то монарх внезапно почувствовал, как жесткий орган у него в паху обмяк и вниз по ноге брызнула липкая жидкость.

– Я не стану терпеть это целую неделю, – прошептал король. – Посольство в Данию отправится немедленно.

Прикрывшись личиной пылкого жениха, Джеймс отправил свое посольство три дня спустя. Катриона поняла, почему у нее так скоро отрывают мужа, и пришла в ярость. А граф Ботвелл, подозревая обо всем этом, потихоньку посмеивался над королевскими капризами.

Справедливо полагая, что Катриона сердится на него, Джеймс не приближался к своей своенравной любовнице целых два дня. На третий день, однако, Барра осторожно передал служанке графини цветок розы – знак, что в эту ночь Джеймс придет. Эллен сообщила свою хозяйку.

– Я не приму его! – яростно закричала Катриона.

– Замолчите! – оборвала ее Эллен. – Вы хотите, чтобы об этом знал весь мир?

Катриона безудержно зарыдала, а Эллен, предчувствуя беду, срочно отправила слугу за Адамом.

До его прихода, пытаясь успокоить свою хозяйку, Эллен успела влить ей в рот несколько глотков виски.

– Я наложу на себя руки! – в истерике кричала графиня.

– Чудесно, – сказал Адам. – Это вызовет гораздо меньший скандал, чем открыто отвергать ухаживания короля.

– И ты позволишь мне это сделать, так, Адам?! Разве у тебя нет никаких чувств к Патрику? Ведь он любит тебя! – вопрошала Катриона.

– Именно потому, что люблю брата, я и пришел. И представь себе, каково же ему будет вернуться из Дании и увидеть, что все его владения конфискованы в пользу короны? Включая жену, которую он обожает? Боже мой, Кат! Король уже поимел тебя! Отчего же этот нервный припадок?

– Я не хочу быть ничьей шлюхой! Это мое тело! И я хочу иметь на него хоть какие-то права!

– Так вот: у тебя их нет! – закричал Адам, в ярости хлопнув ладонью по спинке стула. – Ты принадлежишь Лесли и должна делать то, что служит семье. Черт возьми, Кат! У меня тоже есть чувства. Я ненавижу одну только мысль, что Джеймс Стюарт спит с женой моего брата, но я знаю, что, если бы король пошел прямо к Патрику и попросил тебя, Патрик бы не отказал. А так по крайней мере ему не обязательно знать. Выполняй свой долг Лесли, Кат.

Он совсем ничего не понял...

Виски немного успокоило Катриону, и ей стало ясно, что выбора не было. В любом случае король воспользуется ею по своему желанию.

– Я уже совсем в порядке, – заверила она Адама. – Сама не знаю, что на меня нашло. Полагаю, это потому, что скучаю по Патрику. Ты знаешь, мы никогда раньше не разлучались.

Адам облегченно закивал.

– Тогда я отправлюсь домой.

Он улыбнулся Катрионе. Слава богу, она больше не собиралась ничего затевать.

– Поцелуй за меня Фиону, – тихо сказала графиня. Она помолчала, а затем, не в силах удержаться, добавила: – И лучше держитесь подальше от двора, Адам, а то как бы Джеймс Стюарт не захотел чего-нибудь новенького. Уж твоя-то жена выполнит свой долг перед семьей...

Адам поспешно покинул свояченицу, но ее язвительный смех еще долго звучал у него в ушах.

16

От выпитого виски Катриона чуть-чуть опьянела.

– Сколько времени? – спросила она у Эллен.

– Второй час, – ответила та.

– Посплю до ужина. А тогда меня разбудишь. Вернусь сюда в десять. Приготовь ванну. Положи на кровать свежие простыни и позаботься, чтобы хватило дров для камина. Да, не забудь – в шкафу должно быть вино – и красное, и белое. Положи еще фруктов и сыра. И марципан – король без ума от марципана.

В одиннадцать часов вечера король прошел по потайному ходу в спальню графини Гленкерк. Катриона поднялась с кровати и медленно пошла навстречу.

– Стой!

Она замерла, и Джеймс какое-то время внимательно рассматривал свою несговорчивую любовницу. Темно-золотистые волосы графини были присобраны и закреплены маленькими золотыми шпильками с жемчугами. Ее изысканная ночная рубашка была скроена с явным расчетом на то, чтобы соблазнять. Сшитая из бледно-зеленого шелка, она имела длинные ниспадающие рукава и глубокое V-образное декольте. Корсаж казался нарисованным на теле – так он облегал роскошную грудь и подчеркивал тонкую талию. Сквозь шелковую юбку просматривались жемчужные тени бедер и ног.

Катриона гордо встретила взгляд монарха. Она была столь прекрасна, что король почти боялся прикоснуться к ней. Однако желание оказалось сильнее благоговения, и он притянул Катриону в свои объятия.

Янтарные глаза короля не отрывались от изумрудно-зеленых глаз графини. Когда его руки крепко обвили ее тело, Джеймс почувствовал, что Катриона слегка дрожит, и обрадовался, приняв это за благоговение перед ним, мужчиной и королем. Казалось, он держал ее так целую жизнь. Потом монарх наклонился и поймал своим ртом ее губы. Одной рукой он убрал из волос Катрионы золотые шпильки, и волосы рассыпались по ее плечам благоуханным облаком.

Джеймс потянул за тонкую шелковую ленту на поясе у графини, и рубашка, легко распахнувшись, скользнула на пол. Ни слова не говоря, Катриона повернулась, подошла к кровати и легла. Король заставил себя раздеваться помедленнее, но едва он оказался в постели, как разом потерял терпение. Катриона заметила это, но удержала монарха:

– Я не шлюха, чтобы брать меня быстро, Джеми.

– Ну-ка, ну-ка! А я-то думал, что ты все еще сердишься на меня!

– Сержусь! Ты поступил весьма нелюбезно, что так скоро отослал Патрика.

– Дорогая Кат! Я три ночи стоял в этом проклятом проходе и смотрел, как вы с мужем ласкали друг друга. Больше выдержать я уже не мог. Ты что, хотела, чтобы я вошел в эту дверь и попросил твоего мужа подвинуться?

Ошеломленная Катриона не нашла что ответить. Ее возмутило, что кто-то посторонний вторгся в ее интимную жизнь с Патриком. «У меня к тебе большой счет, Джеймс Стюарт, – подумала она горько, – и однажды я его сведу».

Губы короля сомкнулись на ее соске, и он жадно засосал. Рука монарха настойчиво проникла меж ее ног, разыскивая мягкую и чувствительную тайную плоть. Он ласкал графиню с изощренным умением, возбуждая ее непереносимой нежностью своих пальцев. Через несколько минут Катриона корчилась от страсти.

Она намеревалась наказать Джеймса холодностью, но по мере того, как возрастало ее собственное желание, Катриона начала понимать, что самое большое зло, какое только она

может причинить королю, – это оказаться самой сладострастной женщиной из тех, что тот когда-либо встретит в жизни. Она погубит его для других женщин!..

Катриона знала, что, как только юная Анна Датская прибудет в Шотландию, монарх посвятит себя ей. Превыше всего Джеймс Стюарт желал иметь супругу, принадлежащую ему одному, а с ней и семью. И он был не такой человек, чтобы поставить все это под угрозу.

Однако подросток-девственница вряд ли могла сравниться с такой опытной зрелой женщиной, какой была Катриона. Совсем не развратная, но хорошо обученная Патриком, графиня была чувственной и страстной натурой. Теперь она использует свой опыт, чтобы отомстить Джеймсу Стюарту. Переместив свое прелестное тело, Катриона ловко скользнула под короля и нежно обвила руками его шею.

– Джеми, – прошептала она. – Люби меня, Джеми, милый.

Король не поверил сначала своим ушам, но, приподнявшись и опустив на нее свой взгляд, он увидел сияющие глаза и вожделеющие губы. Джеймс не стал сомневаться в своем счастье и овладел устами, которые ему предлагались. Они оказались мягкими и податливыми и привели сиятельного любовника в неистовство.

Бедра графини послушно раздвинулись, а тело выгнулось навстречу его напору. Катриона крепко обвила короля ногами, и всякий раз, как Джеймс входил в нее, язычок графини выстреливал у него во рту. Монарх дико возбудился и уже не в состоянии был себя сдерживать. Однако же несколько минут спустя, когда Катриона задвигалась под ним, он снова испытал вожделение. Она вновь и вновь нашептывала его имя, словно молебен. Король обезумел от страсти, и на этот раз он сдерживал себя до тех пор, пока любовница тоже не ощутила себя на седьмом небе.

Обессилевшие, они лежали на кровати, тяжело дыша. Наконец король сказал:

– Ты пугаешь меня, Кат! Ты совсем неходишь на простую смертную, ибо никакая женщина не способна любить так, как ты только что любила меня!

– Да что вы, милорд? Разве я вас ублажила?

– Да, любовь моя, ты потрясающе меня удовлетворила. Какая-нибудь магия?

Вспомнив, что Джеймс был страшно суверен, Катриона закусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Нет, милорд, я использую только чары своего тела.

Встав, она потянулась, а затем прошествовала к буфету.

– Белое или красное, милорд?

– Красное.

Графиня наполнила рубиновым вином два хрустальных бокала. Вернувшись к кровати, она протянула один королю. Задумчиво потягивая напиток, монарх спросил:

– Это Патрик тебя научил так любить?

– Да, – тихо ответила Катриона.

– И ты никогда не знала других мужчин?

– Нет, Джеми, никого. По рождению я – Хэй из Грейхевена. Наш дом стоит на отшибе, и, кроме моих братьев и кузенов Хэй и Лесли, у меня не было встреч с внешним миром. Я пришла к Патрику девственницей.

– А велика ли твоя семья?

– Четыре брата – один старший, три младших. И мои родители еще живы.

– Тебе повезло, милая.

– Однако это только часть семьи, – напомнила графиня. – Не забывай, что у меня муж и шестеро детей. – Катриона открыто взглянула на короля. – Ваше величество, когда королева, ваша невеста, прибудет из Дании, я отправлюсь домой, в Гленкерк, к детям. Пусть вы и король, но я не позволю вам разрушить мою семью! Я люблю Патрика Лесли, и я люблю наших детей. Иначе я бы скорее наложила на себя руки, чем отдалась вожделению другого мужчины!

Джеймс ухватил ее за волосы и притянул к себе.

– И однако, мадам, вы отвечаете на мои ласки и будете отвечать до тех пор, пока мне это нравится.

– Отвечаю, – с вызовом ответила Катриона, – потому что Патрик научил этому мое тело.

– Все ли Лесли являют в постели подобные образцы добродетели? – язвительно спросил король.

– Если послушать их жен и девок нашего округа, то так оно и есть. Моя кузина Фиона была очень беспокойной и легкомысленной женщиной. Но с тех пор, как она вышла за Адама, брата Патрика, ни разу не гуляла.

– Фиона Лесли, – припоминал король. – Ах да! Знойная, с золотистыми волосами, серыми глазами и атласной кожей цвета слоновой кости. Видел эту девку, но не знал, что она тебе родственница. Возможно, как-нибудь вечером я приглашу вас обоих.

– Разве тебе не хватит одной такой женщины, как я, Джеми? – И, оттолкнув короля назад на подушки, графиня умело его поцеловала. Рука Катрионы скользнула монарху между ног. Под шелковистым жаром ее настойчивых и умелых ласк он не замедлил возбудиться, но прежде чем успел пошевелиться, чтобы полезть на любовницу, Катриона взяла дело в свои руки и сама взобралась на Джеймса, торжествуя встретив его удивленный взгляд. Она усе-лась на нем верхом, как на лошади, и прямо-таки поскакала, резко всаживая в ясновельмож-ные бока свои округлые колени. Такого Джеймс Стюарт не испытывал никогда и ни с одной женщиной. Он протестующе бился под ней, но она только посмеивалась. – Как вам нравится, когда вас насилуют, милорд?

Король так и не сумел вырваться из железного обхвата этих сильных и горячих бедер, и, к страху своему и стыду, Джеймс почувствовал, что изливает в нее свое семя яростными струями. Катриона, обессилив, рухнула на него. Разъяренный монарх перевернулся и задвинул графиню под себя. Ее глаза озорно сверкали, а рот смеялся. Слегка отшлепав упрямыцу, сла-дострастник изумился, потому что вдруг почувствовал, как в нем снова просыпается желание. Он тут же вонзился в любовницу, да так, что та закричала от боли. И тогда Джеймс несколько утешился мыслью, что причинил ей страдание.

– Из всех женщин, с которыми я спал, ты, Катриона Лесли, возбуждаешь меня больше всех. Но если ты когда-нибудь еще раз сделаешь мне то, что сделала сегодня, я изобью тебя до посинения. Я не девка, чтобы со мной обращались таким образом!

– Прошу прощения у вашего величества, – покорно отвечала Катриона. Но в голосе ее почему-то звучало мало раскаяния. – Время от времени, – продолжила она, – Патрик желает, чтобы я любила его таким способом. Он уверяет, что возбуждается, когда играет с моими гру-дями, когда...

– Когда я захочу тебе всунуть и при этом поиграть с твоими сиськами, то поймею тебя по-гречески, – прервал ее король. – Это, кстати, я и намереваюсь сейчас проделать!

– Нет, Джеми!.. Проклятие! Пожалуйста, только не это! Ненавижу это! Не-ет!

Теперь уже посмеивался король. Джеймс хотел наказать ее еще сильнее и нашел, как это осуществить. Катриона испытает такой же стыд, какой испытал он. Силой перевернув графиню на живот, король немедленно овладел ею, безжалостно тиская прелестные груди. Он испыты-вал удовольствие от того, что Кат плакала и пыталась вырваться из его рук. Когда он наконец кончил, строптивая леди выглядела сильно подавленной, и Джеймс чувствовал, что он снова над ней господин.

Несколько часов они проспали. Затем, возбуждвшись зрелищем обнаженной любовницы, встрепанной и сонной, король овладел ею снова. На этот раз он сделал это с нежностью. Потом, глядя на нее сверху, сказал:

– Сегодня вечером, моя кошечка, я задержусь. Приду ближе к полуночи.

Взяв марципан с тарелки на ночном столике, он надел халат и исчез в двери потайного хода.

Катриона, истощенная до крайности, откинулась на подушки. Она прислушалась к своему измятому и израненному телу и даже засомневалась, что сможет подняться и пойти. Но – и тут графиня, засыпая, улыбнулась – если она сумеет все это выдержать и дальше, то скоро у Джеймса Стюарта накопится достаточно воспоминаний, чтобы навсегда сжечь ему душу. Никакая другая женщина уже не сумеет удовлетворить короля. Такой будет ее месть. И Катрионе не приходило в голову, что сиятельный любовник может просто не отпустить ее.

Несколько часов спустя в комнату заглянула Эллен. То, что она увидела, определило ее действия.

– Сегодня утром графине нездоровится, – объявила она обеим младшим горничным Катрионы. – Вот вам на двоих серебряная монета. Прямо за городом – ярмарка. Можете пойти, но сразу пополудни возвращайтесь.

Эллен заперла двери покоев и, вернувшись в спальню, села рядом со своей хозяйкой, занявшись вязанием.

Катриона проснулась поздно.

– Сколько времени? – спросила она.

– Третий час, – ответила Эллен. – Боже милостивый, миледи! Что он вам сделал?!

– Все, – устало отвечала Катриона. – Где Силис и Юна?

– Я отослала их, потому что увидела, в каком вы состоянии. Они скоро вернутся.

– Я хочу ванну. Горячую-горячую ванну!

– Нельзя так каждую ночь, – с укором заметила Эллен.

Катриона печально улыбнулась.

– Да, нельзя. Но не пугайся, Эллен. Этой ночью мы с королем только примеривались друг к другу. Теперь он знает мою мерку, а я – его!

Полтора часа спустя графиню Гленкерк можно было увидеть за городом, она ездилась верхом в окружении шести вооруженных всадников. Простой народ, знавший репутацию добродетельной графини, восхищался прекрасной наездницей и показывал дочерям как пример.

Весь конец лета и начало осени Катриона Гленкерк блистала при дворе Джеймса Стюарта. Не было такого дворянина, молодого ли, старого ли, который не желал бы ее. Но гордая леди Лесли не уступала никому. Она оставалась мягкой, очаровательной, изящной, остроумной и – недоступной. Адам Лесли искренне восхищался свояченицей.

– Никто, – сказал он, – никто никогда не догадается, что ты спишь с королем. Патрик гордился бы тобой.

– Сомневаюсь, – сухо ответила Катриона. – Кстати, тебе следует получше приглядывать за Фионой. Джеймс назвал ее знойной девкой. И мне кажется, что он совсем не прочь ее поиметь. – И Катриона обрадовалась смущению Адама.

– Сколько времени еще не будет юной королевы? – перевел разговор Адам.

Катриона помрачнела.

– Они один раз уже выходили в море, но столкнулись с необычайно жестокой бурей. Насколько я знаю, их кораблю пришлось зайти в Осло, и там они ждут, когда море успокоится. – Катриона понизила голос: – Говорят даже о черной магии. Нескольких женщин уже допрашивали. Джеми начинает тревожиться. Я не удивлюсь, если он сам отправится за невестой.

– И оставит Шотландию? – недоверчиво переспросил Адам. – Но зачем? Пусть пошлет своего главного адмирала.

– Ботвелл не поедет. Он заявляет, что обеднел из-за штрафов, которые Джеми наложил на него во время их последней ссоры, и не имеет денег на такую экспедицию.

Адам засмеялся.

– А он нахален, этот пограничный лорд! Не боится снова навлечь на себя гнев его величества. Ты и в самом деле думаешь, что Джейми поедет?

– Да. В конце концов, он хочет занять свою жену, а не чью-то другую.

Катриона улыбнулась – ведь именно она и настроила короля. Уже десять недель она делила ложе с Джеймсом. Впервые в его унылой жизни ночи наполнились теплом, появилось даже какое-то ощущение уюта. Женщина, которая спала рядом с ним, была нежной, доброй и щедрой. Она уверяла, что и его брачное ложе доставит ему такие же наслаждения. И конечно же, не минует монарха приятная обязанность производить детей. Датская королевская семья отличалась многочисленностью, и его будущая супруга Анна, без сомнения, окажется плодовитой. Подумать только, всего через год Джейми может уже стать отцом!

И чем больше славословила Катриона, тем более страстно и скорее желал Джеймс Стюарт соединиться со своей невестой. И, не имея больше сил терпеть, король отдал распоряжения, как правительству работать в его отсутствие. Оставив регентствовать своего кузена Френсиса Стюарта Хепберна, графа Ботвелла, двадцать второго октября 1589 года Джеймс Стюарт отплыл из Ли в Осло. Ему сопутствовала удача. Дули свежие бризы, ярко голубели солнечные небеса, а море словно приветствовало монарха. Он быстро достиг Норвегии.

После отъезда короля Катрионе больше не было смысла оставаться при дворе, и она стала подумывать о возвращении в Гленкерк. Джеймс, однако, перед своим отъездом потребовал с нее обещания не покидать столицу до того, как он привезет юную Анну. Графиня согласилась, посчитав, что с появлением датчанки освободится от его ухаживаний. Катриона страстно желала Патрика и волновалась, столь ли он одинок, сколь и она.

17

Когда в начале ноября король Джеймс прибыл в Осло, то был встречен своими же дворянами, посланными сопровождать королеву. Они эскортировали нетерпеливого монарха к дому, в котором остановилась датская принцесса. На громоподобный стук выбежал перепуганный слуга, и, оттолкнув его, Джеймс Стюарт ворвался внутрь, крича, что желает немедленно видеть свою невесту.

Короля спешно направили в гостиную на второй этаж. Он легко взбежал по ступеням. Влетев в салон, Джеймс закричал:

– Анни, любовь моя! Это твой Джейми! Поцелуй меня, девочка! Я приехал забрать тебя в Шотландию!

Перепуганная принцесса, хоть и очень усердно изучавшая прежде английский, не смогла, конечно, разобрать, что сказал этот дикий мужчина, так внезапно представший перед ней. С выражением явного неудовольствия она отступила назад. Тогда вперед выступил граф Гленкерк и на медленном английском языке, без акцента, произнес:

– Ваше королевское высочество, дозвоьте мне честь представить вам его милостивое величество короля Шотландии Джеймса Стюарта.

Принцесса опустилась в изящном реверансе. Король был моментально очарован. Невеста оказалась даже милее, чем на портрете. Анна Датская, лишь немного уступавшая Джеймсу в росте, покорила монарха шелковистыми желтоватыми волосами, небесно-голубыми глазами и розово-белым цветом лица.

На ее подбородке была небольшая расщелинка, а когда девушка смеялась, то с обеих сторон ее рта, свежего, как бутон розы, появлялись две восхитительные ямочки. Вся она дышала юностью и невинностью, и перед Джеймсом сразу же прошли все те картины, которые ему рисовала Катриона и которые должна была принести ему супружеская жизнь.

– Ваше высочество, его величество хотел бы приветствовать вас поцелуем, – продолжил граф.

Анна Датская даже не посмотрела на короля. Она обратилась прямо к Гленкерку:

– Пожалуйста, передайте его величеству, что воспитанные датские дамы не целуют джентльменов, пока не выйдут за них замуж.

Одарив собравшихся новым реверансом, она сделала знак своим фрейлинам и покинула гостиную.

Король остался стоять с разинутым ртом, глядя невесте вслед. Затем он выругался.

– Боже! И с этой ледяной девицей меня повязали?!

Хотя многие из его придворных уже успели познать на опыте неразборчивость датских дам, никто не осмелился проронить ни слова; наконец подал голос Патрик Лесли:

– На самом деле, кузен, это милая девчушка. Просто вы застали ее врасплох. Думаю, что она испытала неловкость и девическую робость. Несомненно, она желала встретить вас в парадном одеянии, а не в простом платье, которое было на ней. Как мужчина, который женат уже много лет, скажу, что женщины придают весьма большое значение своему внешнему виду, особенно при первой встрече.

Придворные согласно забормотали. Несколько смягчившись, Джеймс сказал:

– Катриона шлет тебе свою любовь, Патрик. Я разрешил ей, пока мы не вернемся в Шотландию, съездить домой в Гленкерк.

Датские придворные сопровождали короля Джеймса в другой особняк, где ему предстояло жить до бракосочетания. А граф Гленкерк отыскал одну из фрейлин принцессы и попросил на следующую встречу с королем одеть невесту более изысканно.

Заочно Анну Датскую и Джеймса Стюарта женили двадцатого августа. Теперь их официально венчал пресвитерианский священник, прибывший из Шотландии вместе с королем. Бракосочетание происходило в местной церкви двадцать девятого ноября. Для шотландских и датских аристократов был устроен пир. Новая королева Шотландии превыше всего остального любила танцы и вечеринки. Празднество получилось веселым, и фрейлины королевы вдоволь позабавились.

Одна из них, госпожа Кристина Андерс, уже давно выделила среди шотландских дворян графа Гленкерка. Впервые эта дама увидела Патрика в самом начале сентября и тогда же решила его непременно добиться. То, что граф оказался женат, заботило госпожу Кристину мало. Она тоже была связана узами брака, третьего по счету, с мальчиком двенадцати лет.

Семнадцатилетняя Кристина Андерс, изящная малышка с волосами цвета позолоченного серебра и темными сапфировыми глазами, казалась морской богиней в миниатюре. Десятилетней ее выдали замуж за старого графа, который питал слабость к маленьким девочкам. В тринадцать лет юная дама овдовела, и тогда ее выдали за человека средних лет, который любил лишать юных девушек невинности. А Кристина все еще была девственницей.

После того как ее второго супруга убил разъяренный крестьянин, госпожа Кристина быстро женила на себе мужнина наследника, мальчика, которому едва минуло одиннадцать. Тут-то она и обрела свободу в личной жизни. Поручив малолетнего мужа наставнику и оставив обоих в поместье, госпожа Андерс, не испытывая недостатка в деньгах, отправилась в Копенгаген. Здесь она возобновила знакомство с принцессой Анной, подружкой детских игр. Естественно, что, когда принцессу обручили с королем Шотландии, Анна попросила свою старую подругу стать одной из ее фрейлин. Отказываться было немыслимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.